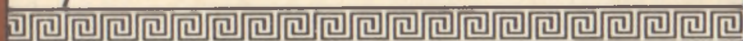
Греко-Латинский Кабинет

Museum Graeco-Latinum

Выпуск 1

ИЗДАНИЯ ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО КАБИНЕТА

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII вв.

В работе представлены результаты палеографического и кодикологического исследования греческих рукописей, книг и документов, появившихся в России в процессе греческо-русских связей в XIV — начале XVIII веков.

В научный оборот вводятся греческие манускрипты из собраний Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, а также из библиотек Италии, Греции, Великобритании, Румынии. Впервые дается характеристика огромной коллекции греческих документов XVI — XVII вв. московских архивов, которая до настоящего времени никогда не описывалась и не изучалась.

Соколов Г.И. Древний город Ольвия.

Ольвию, или Счастливую, в переводе с греческого, описывал еще Геродот, посещавший этот известный эллинам город. Предлагаемая книга открывает собой серию «Античные города Северного Причерноморья: архитектура, живопись, скульптура, прикладное искусство» и рассказывает о художественных памятниках Ольвии с конца VII в. до н.э. до времени падения города в IV в. н.э. Эти памятники несут на себе влияние скифской культуры и не встречаются более нигде на обширной территории, занимаемой античной цивилизацией в Средиземноморье и Средней Европе.

Содержание

Подписано в печать 15.10.92 г. Формат 70 x 108 1/16.
Бумага офсетная. Печать высокая. Усл.-печ.л. 7,0.
Тираж 2 000 экз. Заказ 267.

Отпечатано в Московской типографии №13. 107005, г. Москва,
Денисовский пер., д. 30.

SOMMAIRE

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Почти через два года после организации Греко-латинского кабинета появляется первый выпуск печатного издания с тем же именем: только теперь ГЛК удалось найти средства и типографскую базу для изготовления небольшого тиража тонкой книжки, собранной около года назад. Для малого предприятия, всецело занятого проблемами классической филологии и классического образования, это было непросто; и хотя ряд мощных коммерческих структур — nomina sunt odiosa — проявил на словах чрезвычайный интерес к идее журнала, никто не помог ГЛК на деле.

Я надеюсь, что «Греко-латинский кабинет» найдет своего читателя: уже участие в первом выпуске таких замечательных ученых, как А.И. Зайцев, А.К. Гаврилов, Б.Л. Фонкич, должно привлечь к нему просвещенное внимание. Однако издание рассчитано не только на тех, кто профессионально занимается классической филологией. Я думаю, «Греко-латинский кабинет» заинтересует школьных, гимназических, лицейских преподавателей; я хочу, чтобы «Греко-латинский кабинет» привлек внимание тех родителей, которые считают долгом дать своим детям добротное европейское образование и правильно воспитать их в тех традициях русской интеллигенции, которые Божьим изволением хранились у нас в самые тяжелые годы.

«Греко-латинский кабинет» — не популярное издание. Я не считаю, что привычка к среднему способствует достижению высокого. Серьезные изыскания специалистов в области филологии, истории, философии, подлинные материалы из истории образования, действительные проблемы современной школы в России и за рубежом всегда важнее и интереснее того, что объявляет себя общедоступным, чтобы не показаться низкопробным. В европейской традиции представители умственного труда исходно были объединены тем, что называлось воспитанностью и хорошим образованием. Первая приобреталась в семьях определенного круга, второе — в школах определенного уровня. «Греко-латинский кабинет» — для таких семей и для таких школ. Они были и будут в России. Элитарная установка журнала — характеристика прежде всего уровня его забот. Это заботы о самом важном для каждого человека и общества в целом: о воспитании и образе жизни. В конечном счете, это заботы о душе.

В журнале нет строгих рубрик, но предполагаются постоянные разделы: статьи о проблемах образования, культуры, классической филологии, европейской истории и философии; архивные материалы, мемуары; раздел «Музеи мира»; детская страница. Материалы для первого выпуска собрала, отчасти написала Марина Дружинина; к печати выпуск подготовила Татьяна Чеснокова: она же готовит второй выпуск, посвященный элитарным школам прошлого и сегодня. Эта тема чрезвычайно важна для нас: ГЛК намерен открыть в Москве свою классическую гимназию.

А. И. Зайцев

В поисках возрождения

Первый номер нового журнала в наше время невзгод и тревоги, единственного в стране журнала, посвященного классической филологии и классической образованности, выглядит попыткой совершить чудо — восстановить распавшуюся «связь времен». Но сейчас все народы России охвачены этим порывом: автор этих строк живет уже вполне официально в Санкт-Петербурге, заполняются церкви, а кое-где уже появились губернаторы. У нас нет иного выхода, кроме как заставить себя верить в успех и молить помощи у божественных сил.

Нужно ясно видеть, что наши беды имеют двоякий источник: с одной стороны — 74 года вандальского хозяйничания коммунистов, с другой стороны — болезненные явления внутри всей европейской цивилизации, частью которой мы всегда оставались и останемся.

Иллюзии, будто Запад нашел все решения, опасны. Симптомы неблагополучия в нем давно подметили, каждый под своим углом зрения, Якоб Буркхард и Освальд Шпенглер, Хосе Ортега-и-Гассет и Арнольд Тойнби, Питирим Сорокин и Макс Вебер.

Угроза свободе личности, так живо представленная в романе Оруэлла, отступила только по внешней видимости. Мощь государства неумолимо растет, и уже недалеки дни, когда человеческие права граждан будут зависеть лишь от доброй воли правителей.

Есть и другие основания для тревоги. Я не говорю уже об экологическом кризисе или об опасности термоядерной катастрофы, спровоцированной авантюристами, — эти опасности всем хорошо известны.

Автора этих строк особенно тревожит явное замедление развития фундаментального знания, которое мы сейчас наблюдаем. Ведь после того, как оказалось, что философия, художественная литература, все виды изобразительного искусства и музыка не в состоянии похвастаться в XX веке достижениями, сравнимыми с прошлыми столетиями, последним достижением человеческого разума, которым мы могли бы гордиться перед нашими предками, были успехи науки. Сейчас, видимо, пришло время, когда болезненные тенденции нашей цивилизации охватили уже и эту последнюю сферу: явно замедлилось даже развитие теоретической физики.

Есть ли надежда переломить эту тенденцию?

Ход экономической, политической и культурной истории человечеств всегда был крайне неравномерен, и это, видимо, останется законом и на будущее.

Периоды бурного развития сменялись периодами застоя и упадка, и выход из начавшейся деградации осуществлялся, как это подметил Гегель, обычно силами какого-то другого народа, появлявшегося на авансцене мировой истории и говорившего свое новое слово. Видимо, и сейчас нужен какой-то принципиально новый путь, новое начало, чем-то похожее на грандиозную трансформацию, которую мы называем европейским Ренессансом, или «греческое чудо», о котором говорил Э. Ренан и загадке которого я посвятил книгу.

Над возможностью предотвратить омертвление европейской цивилизации в универсальном государстве размышлял Арнольд Тойнби.

В Германии, в то время как Освальд Шпенглер и Людвиг Клагес настаивали на неизбежности гибели европейской культуры, ряд ученых и публицистов мечтал о выходе из духовного кризиса на путях «нового гуманизма». Среди них был и выдающийся исследователь греческой культуры Вернер Иегер, которого нацистские варвары лишили кафедры в Берлине и вынудили покинуть родину.

В начале нашего века в новое возрождение верил выдающийся русско-польский филолог-эллинист Ф. Ф. Зелинский, который думал, что оно будет, по преимуществу, славянским. Судьба уготовила ему пережить революцию в России и оккупацию Польши гитлеровцами.

В действительности мы не можем заранее предвидеть выход для человечества, предвидеть прежде, чем его найдем. Мы оказываемся перед замеченным еще в древности парадоксом поисков того, чего мы не знаем, а потому не можем сознательно искать. Между тем, история человечества учит, что практически этот парадокс находит разрешение в подталкиваемом мощным инстинктом человеческом творчестве.

Ученые и художники, не удовлетворенные старым, напряженно ищут неведомое им новое, опираясь на старое и, в то же время, отталкиваясь от него: здесь-то и может наступить момент озарения, прорыва в будущее.

Мне трудно говорить об этой, в сущности, философской проблеме в целом. Я всего лишь исследователь античности, хотя всю жизнь пытался размышлять об общечеловеческих проблемах, и, чтобы не оказаться дилетантом, ограничусь здесь лишь тем аспектом нашей общей судьбы, которой связан с непреходящей и спасительной, как я верю, актуальностью для нас античной культурной традиции.

Переход Европы из Средневековья к Новому времени был прямо связан с усвоением утраченных античных культурных ценностей, был переходом от эпохи упадка к новому, более высокому подъему в значительной степени с опорой на достижения античности. Недаром этот переворот получил название Ренессанса — Возрождения.

Чтобы идти дальше вперед, Копернику и Галилею нужно было сначала усвоить полузабытые достижения Птолемея и Архимеда, пифагорейцев и Аристарха Самосского. Корифеи литературы Ренессанса учились у Вергилия и Цицерона, Еврипида и Плутарха.

Сейчас обстановка несколько иная. Достижения античной науки давно превзойдены нами; памятники литературы, искусства и философии не забыты, как в «темные века» раннего Средневековья, и доступны для изучения всякого, кто соответственно подготовлен и пожелает приложить к тому свои усилия. Ясно однако, что прямое подражание им не приведет к созданию новых культурных ценностей. Необходимость их творческого использования очевидна. Но очевидна также необходимость соответствующей образовательной подготовки лучших умов.

Между тем, во второй половине XIX века слепая вера в механический автоматический прогресс человечества за счет развития техники стала толкать Европу к отказу от классической и гуманистической традиции в образовании. «Не стоит тратить драгоценное время на Цицерона и Софокла, нужны реальные технические познания», — таковы были лозунги реформаторов-прогрессистов от германского императора Вильгельма II до русских «демократов».

В XX веке эти опасные тенденции получили дальнейшее развитие.

Мне кажется, что 60-е и 70-е годы нашего века ознаменовались пиком падения доверия ко всей европейской культурной традиции, в том числе и к античной, и ярчайшим проявлением этого кризиса были бесчинства леворадикального студенчества в Европе и в Америке.

Обстановка в целом сейчас явно переменилась. В связи с этим понимание значения античности пробивает себе дорогу везде. В Берлинском университете им. братьев Гумбольдтов решение о восстановлении кафедры классической филологии было принято еще до коренного политического поворота в ГДР и воссоединения Германии.

Сейчас возрождается кафедра и отделение классической филологии в Тартуском университете.

В Литве давно функционируют несколько средних общеобразовательных школ с преподаванием латинского языка.

В Софии классическая гимназия вновь работает уже несколько лет и дала первые выпуски.

В нашей стране после прихода к власти М. С. Горбачева, как только оказались снятыми запреты на специализацию в школах, началось возвращение в школу древних языков. В Петербурге в 1989 году открылась классическая гимназия, в программу которой латинский и древнегреческий языки входят как основные предметы. Желающих поступить в нее оказалось так много, что пришлось осуществить жесткий конкурсный отбор.

В Тюбингене и в Амстердаме приверженцы классического образования приветствуют шаги к его возрождению в России и используют их как аргумент в борьбе со своими охлократическими противниками.

Тысячи американских школьников во всех концах страны собираются в летние лагеря, где стараются говорить по-латыни.

В Граце гимназисты и гимназистки устроили кампанию протеста даже не против отмены преподавания древнегреческого языка, а против превращения его в необязательный предмет.

Японцы, у которых профессиональные классики появились лишь перед второй мировой войной, издают специальный журнал по классической филологии и догоняют Европу в этой, казалось бы, чуждой им области.

Мировая литература XX века как бы снова вернулась к античным мотивам, наполовину забытым в середине и в конце XIX века. Назову только имена Дж. Джойса, Э. Паунда, А. Камю, Ж. Жироду, Ж. Ануйя, И. Анненского и Вяч. Иванова в России.

Вечные идеи обладают максимально убедительной силой в самый момент своего зарождения, как кислород активнее всего, когда он только что выделился в виде еще не объединившихся в молекулы атомов.

Греческая культура была, по выражению ее современного исследователя философа Юргена Миттельштраса, «первой аргументативной культурой», и законы логики надо изучать параллельно и в современной математической форме, и в том виде, в каком их впервые сформулировал Аристотель.

И. Д. Рожанский находит у Анаксагора истоки только что возникшего нового раздела математики.

Приобщение к античности «из первых рук» помогает «воспитать в себе познающего человека, для которого выше всего истина и родство со всем духовным и который выводит из этого познания и свой истинный

гражданский долг» (Я. Буркхард).

Полноценная подготовка юного ума включает в себя как усвоение методов решения задач, допускающих однозначное решение на основе имеющейся информации, и задач, которые такого обязательного решения не допускают. Решению первого типа задач обучаются, изучая математику. Второй тип задач требует развития «способности суждения», того, что немцы называют Urteilskraft: наилучшая подготовка к решению задач этого рода — сознательная интерпретация текстов античных авторов. В этом смысле совершенно правильно говорят, что изучение классических языков учит логике.

«Апология Сократа» и «Критон» Платона несут в себе колоссальный нравственно-патриотический воспитательный заряд, который будет воспринят в полной мере юным умом, если содержание будет восприниматься вместе с филигранной языковой формой древнегреческого текста.

Патриотические чувства ребенка воспитываются прежде всего на примере героев отечественной истории. Как воспитать уважение к героям других народов? Здесь рядом с Давидом библейской истории свое место должны занять и спартанцы, защищавшие Фермопилы, и пожертвовавший собой во имя победы римский консул Деций Мус.

Именно на античных авторах надо воспитывать сознательное понимание поэзии и художественной прозы.

Если учитель разбирает целый час прекрасное стихотворение Пушкина, результатом будет отвращение, как бы ни был хорош учитель. Памятники литературы античной, изначально отстраненные от нас, выдерживают разбор и помогают воспитывать филологическое мышление.

Переводы с родного языка на латинский или греческий, которыми увлекались классики прежних поколений, должны занять более скромное место.

Каждое занятие древним языком должно быть в то же время уроком мышления и служить проникновению в духовную жизнь древнего мира в связи с нашими вечными проблемами.

Если у учителя, который читает в классе Цезаря, ученики не начинают задумываться, во всем ли Цезарь следует правде, если чтение «Антигоны» Софокла не вызывает настойчивого размышления о том, должна ли была Антигона похоронить тело брата, это означает, что в преподавании что-то неблагополучно.

Помощь древних языков в изучении новых очевидна, но и учителя родного языка и литературы, истории и Закона Божьего найдут в учителях классических языков союзников не только по чисто учебной, но и по воспитательной работе.

Охватившее все народы нашей страны так нужное нам религиозно-нравственное возрождение принимает зачастую уродливые формы, оборачиваясь грубым суеверием. Шарлатанам вроде магов и астрологов сейчас верят куда больше, чем в свое время верили апостолам Иисуса Христа.

Я глубоко убежден, что лечиться от суеверий, являющихся явным нарушением Первой заповеди, нужно не только глубоким изучением Священного Писания, но и, параллельно — диалогов Цицерона «О природе богов» и «О гадании», взяв их в качестве элементарного пособия.

Самый упадок и гибель античной цивилизации поучительны для нас сейчас, может быть, не меньше, чем ее расцвет: они нам демонстрируют некото-

рые общие закономерности, действующие сейчас с колоссальной силой.

Процесс торможения всей жизни в обществе, принявший чудовищные формы в СССР брежневской эпохи, характерен, по-видимому, для всей мировой цивилизации.

Наряду с уроками, которые дают нам вершины греко-римской культуры, нам сейчас, может быть, не менее важно внутренне пережить механизм упадка эллинистической и римской эпохи, узнать в нем то, что происходит с нами, и ужаснуться.

Опыт «греческого чуда» и европейского Возрождения учат о необходимости начать заново, совсем по-иному, опираясь в то же время на прежние достижения.

Мы не можем заранее узнать пути к новому «Культурному перевороту».

К. Р. Поппер в своем труде «Poverty of historicism» правильно указал, что человечество не может предвидеть своего будущего, потому что оно не может заранее знать, каким новым знанием оно овладеет, а наше будущее в целом коренным образом зависит от этого нового знания.

Путь к большому шагу вперед видится мне в сочетании всеобщей компьютеризации с возвратом к классическим и ренессансным идеалам самоценности творчества.

Важным элементом «механизма торможения» в интеллектуальной деятельности и в художественном творчестве является накопление традиции, которой нужно овладеть, прежде чем идти дальше. Таков опыт упадка науки, философии и поэзии в Древней Греции, так обстоит дело и сейчас. Может быть, именно здесь нам поможет всеобщая компьютеризация. Очевидно, игра с ЭВМ должна будет стать ведущим способом изучения живых языков.

Переложив груз механической работы интеллекта на ЭВМ, люди должны не впасть в умственную леность, а освободить высшие функции души для творческой работы. Нужно возвратиться к такому положению вещей, когда ценилось бы всякое интеллектуальное достижение, как это было в эпоху «греческого чуда» или европейского Возрождения, когда над творческим усилием не висел бы Дамокловым мечом роковой вопрос: «А зачем это нужно?» или еще хуже: «А зачем это *мне* нужно?»

Ум одаренного отрока набирается сил, изучая математику и древние языки, в душе же его на всю жизнь запечатлевается прелесть любого подлинного умственного достижения, для которого не обязательна внешняя награда.

Главная беда прежнего классического образования заключалась в том, что его пытались дать чуть ли не каждому мальчику из состоятельных и образовательных сословий (кроме разве тех, для кого выбирали военную карьеру).

Между тем классическое образование полезно только для широко одаренных подростков с высоким IQ (вероятно, не менее 130) и выраженной способностью к переносу мыслительных навыков из одной сферы в другую. Разумеется, такие дети появляются чаще в интеллигентных семьях, но и там они всегда будут составлять меньшинство, а отдельные ярко одаренные личности могут появиться даже в семьях с труднейшими условиями и с неблагополучной наследственностью.

Классическое образование для одаренных юношей и девушек, готовящихся к обучению в университете, давно показало свои преимущества.

Непримиримый борец за сохранение и преумножение античной культур-

ной традиции Курт фон Фриц писал о том, что в первые десятилетия после второй мировой войны, когда доступ в университеты повсюду в Европе был открыт и для выпускников школ другого типа, сама жизнь ставила эксперимент. По мнению университетских профессоров-филологов и юристов, медиков и физиков, лучшими оказывались выпускники классических гимназий традиционного типа, которых тогда было еще много везде в Европе.

Почему же, несмотря на очевидные достоинства классического образования, его теснят все дальше?

Почему в Австрии, несмотря на протесты учеников, ликвидирована последняя гимназия (в г. Зальцбурге), где все учащиеся должны были изучать греческий язык?

Почему одна из последних цитаделей классического образования в Западной Германии — гимназия Зузо (Suso — Gymnasium) в Констанце разрешила всем учащимся выбирать между древнегреческим и... французским?

Мы касаемся в этом специфическом вопросе о классическом образовании одной из тягчайших болезней всей современной цивилизации.

Сейчас весь мир отказывается от положения вещей, когда место человека в обществе определялось его рождением в знатной или богатой семье или в семье простолюдина и бедного человека. Равенство возможностей в обществе провозглашено едва ли не повсеместно, даже ЮАР отходит от принципа природного неравенства людей. Но ведь люди исконно неравны по своему умственному потенциалу, это бесспорный факт, удостоверяемый жизнью и наукой.

Что же делать с природным неравенством людей? Дать им одинаковое образование и попытаться подогнать под один интеллектуальный уровень? — Так было сделано в СССР, и получилась даже не охлократия — власть толпы, а понерократия — власть подлых, «gemeine Tyrannei der Schlechtesten», как говорил Виламовиц.

Западный мир идет по другому пути. Провозглашен принцип меритократии: каждый человек должен получить в обществе по заслугам, в меру возможностей и усердия. Но общество сейчас везде складывается так, что самый прямой путь к успеху — хорошее образование. Следовательно, для осуществления равенства возможностей надо дать каждому человеку образование в меру его способностей и усердия.

Послевоенная Великобритания максимально приблизилась к этому идеалу со своей системой муниципальных Grammar Schools и 11 + examinations.

Каков результат? — естественным образом в общественные Grammar Schools попадали и успешно учились там прежде всего дети из средних слоев. Слава Богу, в Великобритании не было массового преследования людей образованных и способных, а в этих условиях люди, лучше одаренные от природы и уравновешенные, концентрируются в средних слоях общества, и их меньше в низших. Началась неистовая травля системы школьного образования со стороны так называемой общественности. Власти пожертвовали вариантом образовательной системы, который был одним из лучших, какие еще возможны в современной Европе. Сейчас даже профессору не по карману определить сына или дочь в частную школу с древними языками.

Сопротивление школе, которая дает каждому по его способностям, закономерно и неизбежно. Корень зла здесь в сопротивлении самому принципу «каж-

дому по его возможностям», которое будет проявляться везде тем сильнее, чем ближе общество подойдет к реальному осуществлению этого принципа, который так трудно оспаривать. Беда в том, что он задевает, больше того, оскорбляет массу людей больше, чем все исторически засвидетельствованные несправедливости. Миллионы и миллионы людей терпели рабское или крепостное состояние, зная, что они родились от рабов или крепостных и что им, как правило, не приходится ожидать лучшего. Большинство людей, выросших в бедной семье и не сумевших подняться наверх, покорно несут свою судьбу, считая, что им не повезло.

Но когда общественное устройство приближается к принципу равных возможностей, то есть к, казалось бы, достижению возможной на земле справедливости, массы неудачников с этим не мирятся и не будут мириться. Нормальный средний человек никогда не признает, что он не поднялся выше потому, что он этого не стоит. Массы умственно отсталых и средних будут тем сильнее ненавидеть систему, чем яснее будут доказательства того, что она оценивает людей объективно.

В этом величайшая опасность для нашей цивилизации, в этом, в частности, и угроза возрождающейся классической гимназии: неизбежная неугасимая ненависть со стороны тех, кто по своему уровню не может в ней плодотворно учиться.

Здоровая система образования возможна только там, где сильная государственная власть способна противостоять зависти толпы.

Чтобы хотя бы частично уберечь классическую гимназию от вражды, необходимо, чтобы она ни в коем случае не была единственным путем к высшему образованию и связанным с ним преимуществам, как это было в XIX веке. В русскую классическую гимназию шли дети помещиков, купцов, лавочников, которые хотели “вывести в люди” своих отпрысков. Среди этих детей было много тупых и ленивых, для которых изучение творчества Цицерона и Софокла бессмысленно. Обучение в гимназии поневоле опускалось до уровня, который был средним уровнем, и превращалось в фарс, о котором издевательские рассказы А. П. Чехова дают верное представление. Это не должно повториться.

Я вовсе не считаю, что возрождение классического образования является панацеей от всех бед. Мне кажется, что исключительную роль могло бы сыграть возрождение христианства как государственной религии. Посещают меня и иные мысли, но здесь я сказал о том, что, мне кажется, я лучше знаю.

Хочется верить, что мы стоим перед вратами нового царства, которые, может быть, откроются, и что есть много способов стучаться в эти врата: один из них — культивирование античной традиции.

Ю. А. Шичалин

«Ужель свободны мы?..»

Среди заметок Маргерит Юрсенар, посвященных «Мемуарам Адриана», есть такая: «Незабвенная фраза, взятая из тома переписки Флобера, которого я около 1927 много читала и в котором много подчеркивала: “Богов больше не было, а Христа не было еще; тогда — от Цицерона до Марка Аврелия — был исключительный миг, когда человек остался один.” Значительная часть моей жизни с тех пор будет посвящена попыткам определить, а потом изобразить этого человека — одинокого и в то же время связанного со всем». И еще одна «Второй век интересует меня потому, что он был... веком последних свободных людей. А мы — вероятно, уже очень далеки от этого времени».

Эти эпохи одиночества — и в то же время связанности со всем и открытости всему — Европа переживала несколько раз. Собственно, сама европейская культура возникла в такую эпоху: одни перед всем светом, без твердой связи с собственным прошлым, которое смутно грезилось сквозь завесу темных веков, эллины заново выстраивали и впервые осознавали его как таковое, как *свое* прошлое. Открытые Востоку и Египту, эллины первыми начали культивировать свое как общечеловеческое, первыми научились утверждать свои ценности как общезначимые и именно поэтому стали первыми европейцами. Этот исторический миг одиночества и свободы начался с Гомера, а выбор был сделан почти через три века: его сделал Пифагор, бежавший с Востока от передовой свободомыслящей Ионии на Запад, в окраинную Италию, и стоявшие между Востоком и Западом провинциальные Афины. Выбор состоял в том, что все последующее культурное строительство было признано немыслимым без постоянной оглядки на свое прошлое, на священные тексты Гомера и еще «более древних» Орфея, Мусея, Лина, без изучения этих текстов в школе, без воспитания на их основе юных эллинов. Этот выбор был сделан в противовес безоглядной научной установке ионийцев, которые с позиций только-только открываемого и осознанно культивируемого рационализма поддались соблазну отказаться от опоры на традицию, на традиционные авторитетные тексты, и ориентироваться в мире только с помощью разума. Показательно при этом, что «консерваторы» пифагорейцы и провинциалы афиняне не отбросили достижения рациональной науки, а использовали их — для лучшего понимания древнего наследия.

Ориентация на воспитанность — рационально освоенную традиционность, понимание благородства как воспитания и достойного образа жизни, приобщенности к культуре, — поразительным образом сформировали национальное самосознание греков. Когда мы теперь говорим о варварах, мы редко вспоминаем, что речь идет о не-эллинах, и мы имеем на это право: само слово «эллин» обозначало не столько национальную принадлежность, сколько принадлежность к первой в мире культуре, принципиально ориентированной на общечеловеческие ценности; и чтобы сказать «более образованный», следовало употребить прилагательное «более эллинский».

Выработанная эллинами установка на всеобщность замечательным образом проявилась в эпоху эллинизма, когда греческий язык и греческая культура

распространились по всей завоеванной Александром Македонским земле и вместили множество национальных традиций. Вспомнив размах и скорость эллинизации, поразимся ее ненасильственному характеру: силы, способной искусственно «сверху» насадить эллинизм на всей завоеванной территории, не было уже у Александра Македонского, не говоря уже о том, что и сам Александр не был греком и набрался эллинского духа со стороны. Привлекательность эллинства могла соперничать только с его поразительной способностью вмещать чужое и открываться тому новому, с чем эллинская культура сталкивалась. Прежде всего эту способность проявил греческий язык, ставший языком межнационального общения и средством, позволявшим национальной традиции обрести вселенское значение. Так, в III веке до нашей эры был создан перевод еврейских священных текстов, названный переводом Семидесяти толковников. Я не думаю, что в то время чисто практическая необходимость такого перевода осознавалась как обременительная; и едва ли в процессе создания перевода возникал вопрос: есть ли выбор? нельзя ли обойтись без перевода на греческий? И в то же время переводчики едва ли сознательно стремились к тому, чтобы национальный памятник приобрел всемирно-историческое звучание. Свободы и одиночества не было, и еще не было открытости всего всему; а невероятная способность эллинской культуры вбирать не казалась странной, а была естественной.

В том же III веке среди безусловно значимых действующих лиц очередного акта европейской исторической драмы появляются римляне. Новый народ удивительным образом сразу осознает необходимость выбора: естественным образом поддаться эллинизации или хранить и культивировать свое — римское — по возможности в неприкосновенном виде. Этот выбор совсем не был формальным, предпочтительность того или иного пути не разумелась сама собой: в течение двух с лишним веков римляне действительно выбирают между двумя реальными возможностями; и только к первому веку, как раз ко времени Цицерона, оказывается, что эти две возможности вместе равным образом определяют характер римской культуры. К III веку до н.э. у римлян был единственный текст, репрезентировавший их национальное самосознание: написанные около 500 г. Законы XII таблиц, текст, имевший не только законодательное, но и «общеобразовательное» значение, — по Законам XII таблиц учились читать и писать. Однако ближайшее знакомство с греками и их школьной практикой вызывает мгновенную реакцию переимчивых римлян: Ливий Андроник переводит на латинский язык Гомера, используя традиционный для латинян размер — сатурнов стих. И теперь именно по этому переводу в течение примерно двух веков в латинских школах римляне обучаются чтению и письму. Наивная гордость молодого народа подкупает своим размахом и силой: безусловно, греки — самый цивилизованный народ, — нет, даже не так: греки — сама цивилизация; но нет у греков того, чего бы римляне не могли усвоить и воспроизвести. К концу I века до н.э., когда Рим постепенно вбирает в себя весь мир и повсюду начинает звучать латинская речь, Рим показывает, что выбор им сделан: по образцу греков создается своя — римская — классика. У римлян есть теперь свой Гомер — Вергилий, есть свой Платон — Цицерон, своя лирическая поэзия — Гораций, своя история — Тит Ливий и т. д. Вергилий, безусловно, первый римский эпик, но при этом и сам Вергилий, и его читатели знают, что по сравнению с Гомером он — второй. В этом нет ничего унизитель-

ного, наоборот: достичь уровня и славы Гомера, быть рядом с ним — самое высокое из того, что доступно поэту цивилизованной страны, который знает, что поэзия и вообще культура — уже существуют.

Создание римской классики было явлением необыкновенной важности. Только теперь европейская культура продемонстрировала механизм своего дальнейшего развития. Теперь ни одному народу не был заказан путь к созданию национальных произведений общечеловеческого, универсального, вселенского значения: путь вхождения в европейскую культуру через создание национальной классики был открыт, но еще долго только два языка и две — в истоке национальные — культуры репрезентировали Европу, в очередной раз сделавшую выбор и принявшую христианство.

Греки и здесь были первыми: на греческом языке уже существовали тексты, вошедшие впоследствии в состав Ветхого Завета; по-гречески были написаны тексты, составившие Новозаветный канон; а Рим все еще находился в том состоянии одиночества, о котором говорит Маргерит Юрсенар. Однако, во II веке создается Итала — латинская версия Библии, а IV — Вульгата — знаменитый перевод священных книг Ветхого и Нового Завета, созданный Иеронимом Стридонским. Размах и уровень этой единоличной акции трудно представить и оценить: один человек, безупречно владеющий тремя языками (латинским, греческим и древнееврейским) и живо приобщенный к трем традициям, живой связью связанный с тремя культурами, создает текст, более тысячелетия читаемый, изучаемый, толкуемый всем латинским Западом. А почти одновременно с Иеронимом отнюдь не обремененный его безупречной ученостью Августин — точно так же на многие сотни лет — задает идейный и образный строй духовной жизни грядущего средневековья. И именно здесь, у Августина, мы отчетливо наблюдаем и осознаем то новое качество, которое определило — на долгое время сковав, но в конечном счете расширив и развив — европейский взгляд на мир.

Когда римляне осваивали мир эллинистической культуры, в частности, греческую мифологию и историю, они сумели создать свой пантеон, соответствующий греческому и научились сочетать собственные исторические предания с мифологической и реальной историей греков: единая греко-римская культура обнаружила, создала, выстроила свое единое историческое прошлое. В частности, из гомеровских героев был выделен защитник Трои Эней, которому «Илиада» предрекает великое будущее. Именно к нему, сыну Венеры, у Вергилия возведен род Юлиев, и таким образом римская история оказалась воссоединена с центральным эпизодом греческой мифологии и истории. Теперь, обращаясь к истокам европейской цивилизации, римляне обращались к *своей* истории и к *своим* истокам. Их исторический горизонт расширился до пределов греческого мира и совместился с ним. И как раз тогда, то есть на рубеже двух эр, явственно обнаружилось, что рамки греческой традиции уже разомкнуты и открыты благодаря тому, что на греческом языке существует текст, еще не вмещенный самими цивилизованными греками, но уже требующий не включения его в сферу эллинистически-римской культуры, а включения самой этой культуры в совершенно новый исторический и культурный контекст. Этот текст — Септуагинта, греческая версия книг Ветхого Завета. Борьба за сакрализацию текстов Нового Завета именно вкупе с книгами Ветхого Завета была едва ли не главнейшей для юного христианства, а победа в

этой борьбе была равнозначна наступлению средневековья, тесная связь которого с античной традицией толкования священных текстов и необходимой для этого школьной подготовкой определили его европейский характер. Первая попытка применения традиционной аллегорезы к греческому переводу древнееврейских текстов была предпринята иудеем, получившим эллинистическое воспитание, платоником Филоном Александрийским; а новая установка христианства — нет больше ни иудея, ни эллина — принципиально сняла национальную исключительность древнееврейских текстов, лишила мир этих текстов замкнутости и обособленности и сделала их общечеловеческим достоянием.

С того мига, когда открылась принципиальная совместимость двух традиций и двух миров, до уяснения форм такого совмещения прошло около трех веков, и только Евсевий Кесарийский нашел формулу, позволявшую традиционной эллинской образованности и начитанности не быть отброшенной миром новых текстов, но составить основу его освоения: веками создаваемые методы европейского воспитания и эллинской мысли могли быть вмещены в новое мировоззрение как *подготовка Евангелия.* И сводка истории, ведущей отсчет не от Троянской войны или основания города, а от сотворения мира, была также дана Евсевием в «Хронике». Благодаря переводу Иеронима «Хроника» стала образцом подхода к историческому описанию также и на латинском Западе. Но этот процесс вмещения нового образа мира в пределы эллинистически-римской цивилизации, а вернее сказать, процесс создания нового европейского образа мира был мучителен и требовал необыкновенной интеллектуальной энергии и апологетического запала. И здесь еще раз вспомним получившего традиционное риторское образование Августина и те страницы «Града Божьего», где Августин выстраивает параллельную хронологию событий ветхозаветной истории и истории греко-римской — мифологической и реальной. Но Августину было мало этого, и по его просьбе Орозий составляет апологетическую историю против язычников, чрезвычайно популярную на протяжении всего средневековья. И хотя у греков и у римлян эти процессы построения нового образа европейской истории протекали по-разному, тем не менее и для тех и для других общая установка на универсальность, на совмещение разных культурных традиций в свете христианского откровения была доминирующей, и именно в этом русле развивалась европейская мысль на Западе и Востоке в Средние века.

Благодаря Византии крещеная Русь с только формирующимся национальным и политическим самосознанием и еще недолгой исторической памятью сразу обрела перед собой свыше шести тысяч лет от сотворения мира. То, что с таким трудом в течение веков формировалось христианскими Римом и Византией, для России было единственной данностью, миром, истина которого разумелась сама собой, была вне истории и потому не могла иметь исторических предпосылок. Для России великим трудом было освоение этого мира, и утверждение нового мировоззрения было подвигом. Еще раз подчеркнем: Россия создавала свою самобытную культуру, но по ведомому образцу, путем приобщения к уже существующей культуре. Это был правильный европейский путь приобщения к европейской культуре. Но того, что всегда было фоном и хранилось в исторической памяти латинского Запада и Византии, того, что было зафиксировано в бесчисленных рукописях, которые также хранились,

переписывались и ждали своего часа, того фундамента вековой и начиная с Гомера фиксируемой европейской культуры у России не было. Византия оказалась для России проводником и препоной одновременно: вместе с Византией христианская Русь бранила язычников Гомера и Платона; но Византия вдобавок переписывала и толковала их тексты, которых Россия на знала. Исключительно европейская по своим истокам и установкам, Россия ничего или почти ничего не знала о европейском прошлом и не подозревала о тех великих трудах и муках, которые позволили Европе вместить свое прошлое в библейскую историю. Все напоминания об этом прошлом приходили извне и воспринимались как чужое — языческое, западное — влияние.

Если для Европы эпоха Возрождения была возрождением своего и возвращением к своему, то для России возможности такого возвращения не было, как не было у нее самого этого прошлого. Европа, приобретя опыт универсального историзма, а с ним — историзма как такового, — могла перейти к более отчетливому осознанию себя самой как специфической культуры и перейти к осознанию других культур как других, и уже в конце XV в. гениальный Пико делла Мирандола расположил их на одной плоскости перед духовным взором универсально восприимчивого новоевропейского человека. Сотворение мира постепенно перестало быть таким безнадежно определенным и реально ограничивающим исторический кругозор началом. Более реальным и близким стал рубеж, отделивший мир до Христа от христианской эры; а кроме того, он стал безусловно более достоверным исторически и потому более значимым для вновь помолодевшей Европы. А молодая Россия, едва свыкшаяся с тем, что за ее плечами — семь тысяч лет единственного, единственный раз сотворенного мира, не могла вдруг вместить новый европейский образ мира и еще лет 300 осознавала то обозримое европейское прошлое, которое в Западной Европе так высветлилось к концу XV века.

Пушкин между прочим — в скобках — замечает («Евгений Онегин», песнь пятая XXXVI»):

И кстати я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир.

Часто ли мы вспоминаем, что новоевропейская привычка вести этот как бы сам собой разумеющийся счет веков европейской — начинающейся с Гомера — истории ко времени Пушкина в России только-только сформировалась? Для нас, воспитанных на новоевропейских учебниках, так же кажется естественным, что традиции нашей литературы не выходят за пределы греко-римской античности. Но еще Державин, сошедший во гроб при Пушкине, мыслит свою поэзию на фоне библейской истории: «Лирическая поэзия показывается от самых пелен мира... Кто первый внес ее в употребление, определить трудно. Некоторые по Священному Писанию присвояют то Иувалу, сыну Ламехову, показателю гуслей и цевницы (в Книге Бытия глава 4, стих 21)». Еще в XVII

в. исторический кругозор россиян определялся «Хронографом», еще Татищев в середине XVIII написал «в сущности, не историю, а новый летописный свод, бессистемный и достаточно неуклюжий». И уже в самом начале XIX века появляется «История государства российского» — написанная европейцем история европейского государства. «Доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех Прав на свете, ученость Немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавелево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, немцы — Иоанном Мюллером, и справедливо: оба суть достойные совместники Древних, — не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоем месте!» есть правило Гения... В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: мы, наше, оживляет повествование; и как грубое пристрастие — следствие ума слабого или души слабой — несносно в Историке, так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души... Мы одно любим, одного желаем: любим отечество, желаем ему благоденствия еще более, нежели славы... да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!». Достоинство и европейская свобода жеста Карамзина в этом великолепном предисловии, помеченном 7 декабря 1815 года, ошеломительны не меньше, чем свободный счет веков европейской истории у Пушкина. Перед нами душа, стоящая на одном уровне с теми, кого она свободно избрала образцами: отношение к образцу — не рабство, но равенство. Но поразительно и другое. Еще Татищеву нужно встраивать историю славян в ветхозаветную историю, еще он не может обойтись без Славена, внука Иафетова, основавшего город Славянск в России. Карамзин начинает «Историю государства российского» с похода аргонавтов, ему отрадно сознание того, что в Ольвии, на территории, теперь принадлежащей России, некогда «в благословенный век Траяна образованные граждане... любили Платона, и зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы»; свидетельства древних греков и римлян для него — такие же реальные источники для реальной истории России, как и русские летописи.

Карамзины и Пушкины всегда редкость и исключение. Но в XIX веке поразительно то, что едва вошедшая в новоевропейское течение времени Россия как-то естественно и просто оказывается в целом на уровне европейской гуманитарной науки. Однако эти естественность и простота оказываются мнимыми, и к началу века все дефекты и недочеты этого скоростного развития гуманитарной культуры отчетливо выявляются. Если у Европы было по меньшей мере четыре века от начала Ренессанса в Италии до промышленного переворота со всеми его общекультурными последствиями, то Россия столкнулась с ним практически сразу после свободного и сознательного обретения себя как европейской державы. И если Европа, используя все преимущества промышленного века, продолжает развивать вековые образовательные и научные институты, Россия едва успевает их учреждать. У нас есть прекрасные ученые, и мало хороших учителей, нам некуда обернуться, мы не успели еще нажить своего европейского опыта в области европейского образования и науки. С невероятной скоростью и проворством мы заводим систему классического об-

разования, к началу века успеваем несколько раз поменять ее и более того: успеваем получить реальные плоды введения этой системы, потому что всплеск русской образованности, науки, литературы, искусства в России к началу XX века — реальные плоды этого правильного в своей основе, хотя и скоропалительного образовательного процесса, который царское правительство последовательно вело всего только с середины XIX века. Но мы не успеваем оглянуться на пройденный путь, не успеваем осознать его как то *свое*, *наше*, к чему мы могли бы вернуться — хотя бы для того, чтобы оттолкнуться от него.

Эта невозможность вернуться к своему прошлому оказывается вообще приметой всего нашего развития. Между тем, без такого постоянного возвращения немыслимо подлинное развитие подлинной культуры. Вспомним еще раз основные моменты в развитии нашей — европейской — культуры. Всплеск свободомыслия и возникновения науки в Греции в VI в. сопровождается сознательным возвращением к Гомеру и консервацией эпической традиции: Гомера начинают изучать в школе. Вершина европейской философии была достигнута в IV веке Платоном и Аристотелем в процессе пересмотра и осмысления всей предшествующей философской традиции. Новый всплеск философии в поздней античности достигается на путях комментирования Платона и Аристотеля. Отвергая язычество в целом, христиане возвращаются к традициям языческой школы и делают своей существовавшую систему языческого образования. На протяжении всех средних веков — постоянные «возрождения»: каролингское, XII века, не говоря уже о том, что Европа все это время продолжает переписывать и комментировать свои «священные», в том числе языческие, тексты, сохраняет и умножает сокровищницу богословских, литературных, исторических, научных сочинений. Схоластика возвращается к Аристотелю, Ренессанс — к Платону, Петрарка — к стилю Цицерона, Эразм — к опыту Иеронима и т. д. Но Россия порывала со своим прошлым бесповоротно. Приняв христианство, мы ни в каком виде не могли вернуться к язычеству. После реформ Петра — как бы их ни оценивать — мы не могли вернуться к прежней, ориентированной на Византию, России. Наконец, Октябрьский переворот и избранный страной путь в XX веке отмежевали Россию от ее прошлого с последовательностью и решительностью, доселе даже в России невиданными. Но уже в начале этого семидесятилетнего пути в России произошло одно бесконечно важное возвращение: после отмены патриаршества при Петре русская православная церковь вновь избрала патриарха в 1918 году. И несмотря на все невероятные преследования, несмотря на многие вынужденные компромиссы, именно русская православная церковь дала возможность теперь уже всей России оглянуться и заново осмыслить свой тысячелетний путь. Эту возможность вернуться к себе самой теперь впервые получает отечественная гуманитарная культура и, в частности, классическая филология. Изучая античную литературу, историю, культуру, овладевая древними языками, мы обращаемся к нашей европейской истории и к опыту ее осмысления как таковой в нашей же культуре: мы можем выбрать свой путь европейского образования и воспитания в обращении к своим европейским традициям, сформированным в XIX — начале XX вв. Великое благо, что мы можем возвращаться к этим традициям не только благодаря книгам и архивным материалам: не все живые нити, связывающие нас с нашим европейским прошлым, перерезаны. Но вопрос о том, сохранится ли наша связь с *нашим европейским прошлым*

или мы предпочтем строить другую культуру, а, может быть, изберем общество, в котором культура будет отвергнута вообще или будет заменена культом внешних примет западной цивилизации, — вопрос этот остается открытым и решается сейчас: поразительным образом мы впервые за всю историю оказались действительно свободны, а прошлое бессильно дать верный совет тому, кто использует свою свободу для отказа от него. Выбор пути, по которому пойдет русская культура, впервые определяется у нас не государством и не политическими партиями, а происходит в душе каждого человека, как всегда бывает в те исключительные миги истории, когда человек остается один.

По страницам старых журналов

«Кружок друзей древнего мира»

18-го сего декабря в актовом зале 1-й С.-Петербургской гимназии состоялось торжественное заседание «II кружка друзей древнего мира», организованного преподавателем латинского языка А. В. Миртовым. Собрание прошло крайне оживленно и интересно. После молитвы Господней был предложен целый ряд световых картин — карты и виды современной Италии. Первый доклад (Глазычев 4 кл.) о греко-римском флоте познакомил юных слушателей с тем, как древние строили свои корабли, плавали и сражались на них. Доклад закончен световой картиной «Римская трирема». С большим интересом был выслушан докладик Самойловича (4 кл.) о римских деньгах. На экране демонстрировался aureus Цезаря с его портретом.

Во время доклада Ерофеева (4 кл.) о римском письме был показан присутствующим римский stilus, навощенные дощечки и volumen (свиток). На экране в свою очередь был показан папирус на берегу Нила. Гофман (4 кл.) сделал доклад о римской пище. Доклад очень оживили отрывки латинских стихов, прекрасно прочитанные юным лектором.

Доклад Костюкевича (4 кл.) о римских стенах, стенобитных и метательных машинах был демонстрирован рядом моделей: таран, подвижная башня, черепахи, катапульта, баллиста и др. Интересно то, что часть моделей приготовлена докладчиком совершенно самостоятельно по картинам таблиц С. О. Цыбульского. После доклада Калабина — обильно иллюстрированного световыми картинами из цирковой жизни римлян, заседание было закончено следующими музыкальными номерами: г. инспектор гимназии прекрасно исполнил под аккомпанемент Никольского (8 кл.) «Sanctus» — Бетховена, воспитанник 8 кл. Молчанов спел «Ave, Maria».

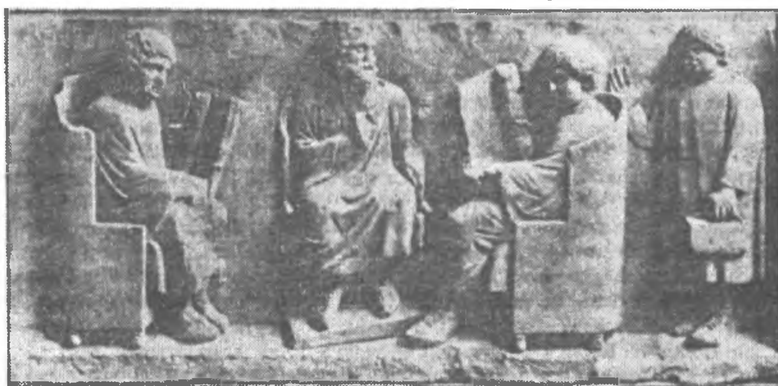
Собрание кончилось общим пением «Тебе, Бога, хвалим».

Юные докладчики заслужили общее одобрение г. директора и преподавателей гимназии. Всего присутствовало до 100 человек воспитанников средних классов I-ой гимназии.

В заключение считаем долгом принести глубокую признательность Г. Г. Зоргенфрею, любезно давшему нам имеющиеся в его распоряжении римские модели.

А. Миртов

«Гермес» 1912 г., 10, янв.-май, с. 37

Школа. Конец II в. Трир. Рейнский государственный музей.

Е. Ф. Шичалина

«Слышу умолкнувший звук...»

(О курсах древних языков)

Курсы латинского и древнегреческого языков, объявленные Греко-латинским кабинетом в сентябре 1990 г., были первой просветительской акцией этого нового института, замеченной ревнителями античной культуры. Интерес к курсам весьма разнообразного круга людей, различающихся возрастом, уровнем и направленностью образования, а также целями, которые они ставят перед собой, приступая к изучению древних языков, понятен каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с положением у нас классического образования. В России есть только три кафедры, специально занятые обучением обоим древним языкам — древнегреческому и латинскому: кафедры классической филологии Московского и Санкт-Петербургского университетов и кафедра древних языков исторического факультета МГУ. Преподаватели всех трех кафедр хорошо знают, какой широкий интерес вызывают специальные занятия древними языками: к группе студентов-классиков всегда просят позволения присоединиться вольнослушатели. В результате этого у либеральных педагогов группы могут разрастаться до 15—20 человек, но спрос на классические языки остается при этом неудовлетворенным. Не спасает положение и то, что те же преподаватели ведут время от времени факультативные занятия по древним языкам. Зная это, мы предполагали, что к нам во всяком случае обратятся философы, филологи, историки; но мы не предполагали, что профессиональная ориентация желающих заниматься на курсах будет столь разнообразна.

На курсах ГЛК обучаются студенты и сотрудники институтов: ин-та истории естествознания и техники (ИИЕиТ); ин-та философии (ИФАН); ин-та мировой литературы (ИМЛИ); физического ин-та им. П. Н. Лебедева (ФИАН); инженерно-физического (МИФИ) и физико-технического (МФТИ) ин-тов; ин-тов востоковедения (ИВАН), стран Азии и Африки (ИСАА); историко-архивного института (ранее — МГИАИ, ныне — РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет); ин-та Управления (МИУ); II медицинского (2й МОЛГМИ); педагогического им. В.И.Ленина (МГПИ); иностранных языков им. М. Тореза (ныне — Лингвистический Университет); ин-та реставрации (ВНИИР); горного (МГИ); библиотеки им. В. И. Ленина; музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; центрального государственного архива документов и актов (ЦГАДА); Консерватории; министерства экономики Российской федерации, Ульяновского университета, и, наконец, одиннадцати факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова (философского, исторического, филологического, юридического, психологического, журналистики, социологии, географического, биологического, механико-математического и физического).

В 1990-91 учебном году на курсы ГЛК записались 90 человек; на первое занятие пришли 81 человек; закончили занятия в мае — 76 человек; из них 54 человека прослушали курсы двух семестров (62 часа), а 22 человека, занимавшиеся с января, закончили первый цикл (30 часов).

В *данный момент на курсах учится около* 200 *человек* (18 *групп*), *которые соответственно* распределены по разным уровням знания: одна группа IV семестра, три — III, шесть — II и восемь — I семестра. Здесь учтены также начинающая и продолжающая группы новогреческого языка, открытые с января 1991 года.

Преподавание древних языков строится таким образом, чтобы в течение каждого цикла занятий слушатели получали некую логически осмысленную сумму знаний. Так, в результате I семестра занятий слушатели осваивают необходимые элементы морфологии и синтаксиса, что дает возможность перейти к чтению фрагментов из Нового Завета и из «Записок о галльской войне» Цезаря. Во II семестре углубляются знания, полученные в первом, специально рассматриваются вопросы синтаксиса и, главное, приобретаются навыки в анализе текстов древних авторов. Традиционно II семестр посвящен чтению Ксенофонта или Цезаря и Цицерона. В конце II семестра слушателям оказываются доступными и поэтические тексты классического периода на латинском языке. III и IV семестры позволяют закрепить навыки самостоятельного овладения оригинальными текстами древних авторов. Занятия носят различный характер в зависимости от конкретных интересов группы, достигнутого уровня знаний и ее общей ориентации: читаются произведения Платона, Исократа, Горгия, Еврипида и других, а также эксцерпты из византийских авторов. В последние месяцы занятий учащиеся имеют возможность получить ряд консультаций по методике преподавания древних языков, ознакомиться с имеющимися в наличии учебниками уже с методической точки зрения.

Слушатели курсов в 1990/91 учебном году вносили плату по теперешним меркам почти символическую: 5 руб. за занятие. В связи со всеобщим подорожанием нам пришлось несколько поднять плату за обучение, однако незначительно: курсы — не статья дохода для ГЛК, а средство создать и расширить круг людей, осознавших для себя необходимость классического образования и всерьез решивших получить хотя бы элементы его. Внося плату за семестр, слушатель может прервать занятия после любого семестра, но всякий раз мы надеемся, что он сможет и захочет продолжить их и достичь действительных успехов в изучении языков и литературы двух первых европейских народов.

Преподавателей курсов обнадеживает в их работе одно чрезвычайно важное обстоятельство: на курсах занимаются только те, кто хочет и может изучать древние языки. Поэтому вопросы о дисциплине и необходимости серьезно заниматься просто не возникают. Отсюда необыкновенная интенсивность учебного процесса, отмечаемая всеми преподавателями курсов ГЛК.

Педагогический состав курсов сформирован из преподавателей и выпускников кафедры классической филологии МГУ. Возглавила курсы ГЛК — Валентина Владимировна Быховец — взыскательный педагог и опытный администратор.

Древнегреческий язык преподают: Ю.А. Шичалин (директор ГЛК, ст. научный сотрудник института философии РАН), Е.Ф. Шичалина (вице-директор ГЛК, преподаватель кафедры древних языков исторического факультета МГУ), А.А. Россиус (преподаватель кафедры классической филологии МГУ), Д.Е. Афиногенов (научный сотрудник ин-та всеобщей истории РАН).

Особенно следует отметить работу на курсах ГЛК одного из опытнейших педагогов кафедры классической филологии МГУ — Валентины Иосифовны Мирошенковой. Так случилось, что последние полгода своей педагогической деятельности Валентина Иосифовна посвятила работе со слушателями курсов. Ее неожиданная и трагическая кончина отозвалась болью в сердцах всех, кто когда-либо у нее учился.

Латинский язык преподают: Л. П. Поняева (ст. преподаватель кафедры классической филологии МГУ), Н. А. Федоров (доцент этой же кафедры), А. И. Солопов (преподаватель этой же кафедры). Новогреческий язык на курсах ГЛК преподает — Т. И. Самойленко (выпускница классического отделения МГУ, специализирующаяся по преподаванию новогреческого языка).

Преподавателям курсов ГЛК предоставлена возможность самим выбирать учебники, пособия (в том числе и старые, гимназические), специальные словари для занятий, а также составлять программы, разработки. Проблема обеспечения занятий по древнегреческому и латинскому языкам необходимыми учебными пособиями выходит за рамки курсов, но лежит в основе одного из главных направлений деятельности ГЛК — издательского. Для начатого уже проведения реорганизации школьного образования необходимы специально подготовленные учителя и разнообразные, рассчитанные на конкретные занятия, учебники. Почти полное отсутствие нужных справочников, пособий, текстов и словарей вновь напоминает отчаянные слова М.В. Ломоносова в его набросках, посвященных гимназическим учебникам: «...ибо де иным не все, а другим никаких не выдано, отчего-де в учении делается немалая остановка; да и впредь при произвождении учеников из нижних в верхние классы, также и когда новые ученики принимаются на казенное иждивение, книги часто надобны бывают» (цитировано по кн.: *П. П. Пекарский*. История Академии наук в Петербурге. СПб., 1873, т. II, с. 746).

Слушатели курсов ГЛК уже в минувшем учебном году были обеспечены ксерокопированными пособиями и специально подготовленными для них материалами. Однако понятно, что это — временная мера, пока не будут изданы специально написанные и сохранившиеся в рукописях учебники. Первой книгой, выпущенной в свет ГЛК и рассчитанной на удовлетворение спроса всех учебных заведений, где преподается древнегреческий язык, является «Греческо-русский словарь» А. Д. Вейсмана, репринт 5-го издания 1899 года. В настоящее время ГЛК планирует выпустить не издававшуюся при жизни автора «Грамматику древнегреческого языка», написанную профессором Московского университета А. Н. Поповым, а также переиздать исправленный вариант «Учебника древнегреческого языка» профессора кафедры древних языков МГУ А. Ч. Козаржевского, который уже находится в работе. Издание этих и ряда других учебных пособий не исчерпает спроса на специальную учебную литературу.

Каждый новый институт, будь то лицей, школа, гимназия или гуманитарный класс, нуждается в разработке и подборе материала, соответствующего целям и задачам данного конкретного учреждения, а также отведенному количеству часов в каждом отдельном случае. В связи с этим ГЛК готов рассматривать все релевантные предложения по программам и пособиям для учебных заведений любого уровня.

Опубликованные в последнее время материалы как по истории классического образования (см., например; статью К. А. Ваха. "Классическое образование" // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие. М., 1991), так и по его состоянию на сегодняшний день

(см. материалы дискуссии по проблемам классического образования в высшей школе в № I ВДИ 1991 г.), дают возможность убедиться, что не только узкий круг классиков, но и представители системы среднего образования всегда осознавали и осознают необходимость специальной подготовки учителей и разработки пособий даже для введения в школах элементов классического образования. ГЛК ставит своей целью подготовку учителей древних языков для школ и гимназий.

В конце IV семестра все желающие могут сдавать экзамен по латинскому и древнегреческому языку; в случае успешной сдачи выпускники получают свидетельство об окончании курсов ГЛК. Лица, уже получившие ранее гуманитарное образование, но не имеющие специального образования в области древних языков, могут теперь за два года приобрести новую квалификацию. Тот, кто хочет попробовать свои силы на педагогическом поприще, должен выдержать дополнительный экзамен и получить рекомендацию к педагогической работе в гимназиях, лицеях и гуманитарныхклассах.

Помимо практического применения курсы дают главное: обогащение культурного запаса; приобретение необходимой лингвистической базы как для гуманитариев, так и для естественников; выработку навыка самостоятельного чтения и понимания древних текстов; возможность консультаций по разным вопросам лучших филологов-классиков Москвы.

Не случайно также и недоумение, а, точнее, восторженное изумление наших европейских коллег (пишу на основании бесед с профессорами Collège de France и Ecole Normale Superieure в Париже, а также с г. Диллоном, королевским профессором Trinity College в Дублине), вынужденных признать, что классическое образование на Западе имеет все меньшую популярность, и что все меньшее число молодых людей решается посвятить себя столь «непрактической» специальности. Непостижимый для западного сознания некий античный «ренессанс» в стране, где сплошь и рядом нельзя купить даже хлеба, имеет под собой исторические корни. В заметке «О ничтожестве литературы русской» А. С. Пушкин писал: «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое назначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»[1]

Так не суждено ли «растерзанной и издыхающей» России вновь оказать услугу давно «образовавшемуся» и терпящему упадок европейскому классическому просвещению? Во всяком случае на своих «необозримых равнинах» она готова предложить всемирно известным издателям классических текстов просвещенного читателя.

1 «А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» (*А. С. Пушкин.* О ничтожестве литературы русской // Полн. собр. соч. в десяти томах, изд. II. Москва, 1958, т. VII, с. 306.)

А. А. Россиус

О классической филологии в США

Отечественные гуманитарные ученые, рассуждая о своих предметах, любят поругать Америку: дескать, того там нет или этого; нет национальной школы, нет традиции; и вообще, это «страна цивилизации, а не культуры». В сущности, они полагаются скорее на интуицию и, по правде говоря, слабо представляют себе, о чем говорят. «Я люблю Европу», или: «Я человек европейский», — вот о чем они обыкновенно думают, произнося свои вердикты. И в самом деле, каждая страна, тем более заокеанская, имеет для нас свое лицо, и не всегда и не во всех деталях приятное; однако же для вынесения окончательных суждений лучше иметь побольше точного материала. Представить некоторое количество такого материала в области классических дисциплин и есть цель нижеследующих заметок.

Первое, что поражает нас при более тесном знакомстве с университетом США, — это количество кафедр классической филологии: их там более 100. Размеры кафедр весьма различны, в зависимости от политики того или иного университета: в Принстонском университете, например, на кафедре классической филологии работают 15 человек, а в Джорджтаунском (Вашингтон) — всего 4. Тем не менее, очевидно, что классические науки в Америке не менее популярны, чем физика или, скажем, экономика. Сюда же следует добавить кафедры античной истории и истории античной философии, существующие практически в каждом университете, где есть исторический и философский факультеты. Но и этим не исчерпывается перечень мест, в которых практикуются науки об античности: в наиболее чистом виде они развиваются в ряде исследовательских центров, набирающих временных сотрудников на той или иной (чаще всего конкурсной) основе, — таких как историческое отделение Института перспективных исследований (Institute for Advanced Studies) в Принстоне, Центр византинистики в Dumbarton Oaks и Центр исследований греческой античности (Center for Hellenic Studies). Речь пойдет именно о последнем.

Центр исследований греческой античности был учрежден руководством Гарвардского университета на рубеже 50-х и 60-х годов этого века, во многом по инициативе крупнейшего немецкого филолога Вернера Йегера, эмигрировавшего в США из Германии в 1939 г. Йегер стремился создать научное заведение, которое стимулировало бы скорейшее и успешное завершение самых многообещающих исследований по классической филологии (в широком смысле), предоставив их авторам максимум возможностей и удобств. В конечном итоге эта цель была осуществлена: Центр был возведен в Вашингтоне на средства от частных пожертвований, на земле, примыкающей к известному парку Dumbarton Oaks, также полученной в дар от частных лиц; уже в 1960 г. был объявлен первый конкурс на занятие вакантных мест, который с тех пор проводится ежегодно. Организационное устройство Центра воспроизводит систему колледжа, характерную для университетов английского типа: формально он подчинен высшей администрации Гарвардского университета, в конечном итоге, его президенту, но фактическое руководство Центром осуществляют его старшие члены (senior fellows; перевод, разумеется, чисто условный). При этом в действительности все старшие члены собираются в центре лишь один раз в году, в декабре, для решения текущих вопросов и избрания новых младших членов, а постоянно в Центре проживает из всех старших членов только директор. Старшие члены (6 человек) избираются гарвардским руководством сроком на пять лет (полномочия директора могут быть продлены) из числа крупнейших американских ученых. В настоящее время это Зеф Стюарт (Гарвардский университет, директор), Энн Пиппин Бернетт (Чикагский университет), Э. Джон Грэм (Пенсильванский университет), Джордж Кеннеди (Университет Сев. Каролины), Энтони Лонг (Калифорнийский университет, Беркли), Чарльз Сигал (Гарвардский университет).

На своем ежегодном собрании старшие члены избирают из числа имеющихся кандидатур 8 младших членов Центра (junior fellows) сроком на один год. Главный предмет рассмотрения при этом — детальный проект работы в области древнегреческой литературы, языка, истории, философии или религии. Проект должен со всей ясностью свидетельствовать о том, что исследование его автора обладает значительной научной ценностью, что оно вполне оригинально, в основном выполнено и нуждается

лишь в завершении. Каждая кандидатура должна быть поддержана как минимум двумя (но не более чем тремя) рекомендательными письмами, направленными в адрес директора общепризнанными научными авторитетами в данной области (европейскими или американскими). Кроме того, кандидат должен обладать докторской степенью (в отечественном эквиваленте — кандидатской) и представить в свидетельство своей профессиональной компетентности печатные работы. Ввиду престижности Центра и исключительной благоприятности условий работы в нем конкурс, как правило, бывает очень велик.

Избранные младшие члены на период работы в Центре поселяются на его территории (семейным предоставляются отдельные дома) и получают необходимый оклад. Формально работа в Центре не налагает на младшего члена никаких обязанностей, но из этических соображений это время практически всегда используется по назначению.

В самом здании Центра размещаются: библиотека, кабинеты младших членов, директорский кабинет, кабинеты секретаря и библиотекаря, зал заседаний, зал отдыха и столовая. Главное достояние Центра — библиотека. Она содержит свыше 44000 томов литературы (издания текстов, комментарии, справочники, исследования) и полные комплекты более чем 220 журналов, так или иначе связанных с античной тематикой. Кроме того, библиотека получает большинство выходящих в мире ежегодников и серийных научных изданий; также ею унаследованы личные библиотеки таких выдающихся ученых, как Вернер Йегер, Артур Дарби Нок и Артур Стэнли Пиз. Система пользования библиотекой свободная: любой член Центра может всегда взять любую книгу, переложив из нее жетон в свое отделение в каталоге; по этому жетону в случае необходимости всякий в любой момент может найти эту книгу и, в отсутствие пользователя, взять ее в его кабинете (кабинеты не запираются). Доступ в библиотеку и кабинеты круглосуточный. Центр располагает также компьютерным тезаурусом греческого языка и экспериментальным компьютерным словарем латинского языка, равно как и необходимыми для пользования ими компьютером Ibicus. Членам Центра предоставляются особые права в пользовании Библиотекой Конгресса США, библиотеками Гарвардского и Джорджтаунского университетов, библиотекой Центра византинистики и др.

Не реже одного раза в месяц в Центр приглашается для выступления с докладом кто-либо из крупнейших современных филологов-классиков, лингвистов или историков; например, в апреле 1990 г. Центр посетили Альбрехт Диле (Мюнхен) и сэр Хью Ллойд Джоунз (Оксфорд).

Комплекс зданий, составляющих Центр, расположен на лесистом холме, примыкающем к дикой части парка Dumbarton Oaks, в то же время недалеко от центральной части Вашингтона, в которой находится Библиотека Конгресса и музеи. Воздух па территории Центра всегда свеж, тишина нарушается только пением птиц.

Неудивительно, что в такой превосходной обстановке люди, работающие в Центре, нередко достигают выдающихся результатов. Достаточно просмотреть список младших членов Центра за 30 лет его существования, чтобы встретить имена множества ученых, чьи труды прочно завоевали всеобщее признание: Вальтер Буркерт, Леонардо Таран, Майкл Стоукс, Чарльз Сигал, Джон Патрик Линч, Элис Свифт Риджинос, Томас Слезак, Кристофер Роу, Джулиа Аннас, Андрэ Лакс, Доротея Фреде и многие другие. Одно из достойных и последних по времени мест в этом списке занимает имя А. В. Лебедева, единственного пока нашего соотечественника, получившего право работать в Центре в 1989 г.

Вся деятельность Центра как бы освящена незримым присутствием тени Вернера Йегера, почитаемого почти как местное божество. Его бронзовый бюст, выполненный в римском стиле, украшает зал заседаний, и великий немецкий филолог строго, но радостно взирает на то, как живет дело, некогда им задуманное. Нам остается только пожелать, чтобы каждый год список членов Центра пополнялся именем хотя бы одного выпускника наших университетов.

Генрих Шлиман
(1822—1890)

Хроника юбилейного года

С конца 1989 и в течение всего 1990 года происходили международные встречи по поводу столетия со дня смерти Генриха Шлимана, скончавшегося в Неаполе 26 декабря 1890 года по пути домой, в Афины. Обзор этих ученых мероприятий может служить хроникой юбилейного года, а вместе вводить в проблемы, которые в настоящий момент связываются с именем Шлимана.

5—9 декабря 1989 г. в Бад-Хомбурге, в центре Вернера Раймерса (Werner-Reimers-Stiftung) состоялся симпозиум, поставивший Шлимана в один ряд с обсуждавшимися там же ранее У. фон Виламовицем-Мёллендорфом, Эд. Майером и др. Специфика Бад-Хомбургских встреч, в организации которых неизменно принимает участие Уильям М. Колдер III (Урбана, Иллинойс), состоит в интердисциплинарном подходе к анализу крупнейших фигур европейского антиковедения: выделяются аспекты для всестороннего (специального культурно-исторического, политического, персонального) рассмотрения исследователя; подбирается десятка два специалистов, которым имеет смысл поручить разработку соответствующих частных разделов; во время заседаний акцент ставится не на оглашении проделанной работы, а на ее детальном обсуждении всеми участниками. Затем труды симпозиума печатаются, что усилиями второго организатора Юстуса Кабета из Эссена и его помощников удалось на этот раз осуществить в пределах юбилейного года[1].

Крупнейшим событием шлимановского года был Афинский конгресс 14—22 апреля 1990 г., собравший около двух сотен участников. В Афинах не было, пожалуй, столь же сосредоточенных, как в Бад-Хомбурге, поисков культурно-исторического контекста, в котором должны стать понятнее деятельность и личность Шлимана. Зато здесь было представлено огромное разнообразие конкретных исследований, дающих ценный и чаще всего новый материал для решения вопросов, связанных с раскопками Шлимана или с его личностью. Продолжая работы, начатые Шлиманом в Греции и Малой Азии, археологи чтут «великого работника» (В. Дёрпфельд о Шлимане); не обязательно преувеличивая ученые достоинства Шлимана, археологи тем не менее не склонны позволять наносить ущерб его памяти, получившей в Греции героический оттенок. Эта позиция определенно видна в предисловии М. Корфмана (Тюбинген) к переизданию первой шлимановской книги о Трое (немецкий вариант 1874)[2]. Руководитель новых раскопок в Трое (с 1988), Корфман хотел, между прочим, показать этим переизданием, что Шлиман умел описывать результаты археологических исследований и до того, как нашел квалифицированного помощника в лице Дерифельда (1853—1940). Заметно, однако, что защитникам Шлимана приходится теперь чаще признавать его научные ошибки и человеческие промахи, достоинства же — отстаивать, формулируя тщательнее, чем прежде.

---

1 Heinrich Schliemann nach hundert Jahren. Hrsg. von W. M. Calder III und Justus Cobet. Fr. a. M., 1990.

2 *Schliemann H.* Bericht über die Ausgrabungen in Troja in den Jahren 1871 bis 1873. Mit einem Vorwort von M. Korfmann. München und Zürich, 1990.

Что касается контроверзы о Шлимане, то Д. Трейлу (США, Дэвис) с его нападками на Шлимана в Афинах косвенно отвечал Д. Истон (Кэмбридж), а прямо — Э. Блёдоу (Оттава). В продолжение пристойно-критической и вместе умеренно-положительной линии, которую в первой половине 80-х годов наметил Г. Дёль (Геттинген)[1], выступали Д. Тёрнер (Афины) и М. Лерер (США, Денвер), которые тщательно анализируют «троянскую мечту» Шлимана, иначе говоря, — автобиографический рассказ, по которому Шлиман всю жизнь знал «одну, но пламенную страсть» — открыть гомеровскую Трою, ради чего единственно он приобрел богатства в России и т. д. Не признавая троянской мечты буквально, Тёрнер и Лерер в ряде основательных работ[2] рассматривают знаменитый Traum von Troia как род литературного (отчасти) творчества, которое не стоит смешивать с записями протоколов.

Осенью 1990 года в Анкерсхагене, где Шлиман провел раннее детство и где усилиями энергичного В. Бёльке основан и все более процветает музей одного из самых знаменитых мекленбуржцев, состоялась встреча, посвященная в особенности русскому периоду Шли-

Дом пастора Шлимана в Анкерсхагене, где провел детство Генрих Шлиман.

"Семилетний ребенок, рассматривая картинку, изображавщую гибель Трои, находившуюся в одной детской книге, подаренной ему к Рождеству Христову, остался убежден, что Троя имела действительно такие толстые стены, с какими изображена была на картинке. "Папаша, — отвечал Генрих отцу, уверявшему его, что, хотя Троя и действительно имела столь толстые стены, но картина есть произведение фантазии художника, — если такие стены действительно существовали когда-либо, они не могли быть совершенно уничтожены, но скрыты, вероятно, под мусором столетий". Таким образом, в душу ребенка пало имя Гомера, блеск героической эпохи, и рано сообщили его блуждающей фантазии известное направление. Уже тогда в душе Генриха образовался зародыш идеи — воскресить давно погибший город". Герц К.К. Генрих Шлиман, его жизнь, раскопки и литературные труды.

---

[1] *Döhl H.* Heinrich Schliemann. Mythos und Ärgernis. München, 1981.

[2] *Lehrer M., Turner D.* The Making of an Homeric Archaeologist: Schliemann's Diary of 1868, in: The Annual of the British School at Athens. v. 89 (1989), p. 219—268.

мана, т. е., не считая долговременных иногда отлучек — 1846—1866 годам. Это тем более отрадно, что раньше имелось лишь несколько — весьма, впрочем, ценных — небольших работ на эту тему, а книжка И. А. Богданова, посвященная русской поре в жизни Шлимана, появилась лишь в декабре 1990 г[1]. Кроме заслуг В. Бёльке, организовавшего встречу, следует отметить доклады А. Иене (Берлин) и И. Мая (Грайфсвальд) о русской поре Шлимана — перед нами тот случай, когда послевоенная "германо-советская" дружба способствовала-таки профессиональному изучению старых русско-немецких связей. Достойно упоминания и то, что, начиная с афинского конгресса в течение всего юбилейного года в шлимановских конференциях принимала участие Галина Дмитриевна Андрусовова-Влчекова (Чехословакия), правнучка Шлимана по русскому его браку, внучка Надежды Андреевны (Генриховны) Шлиман и одного из крупнейших русских геологов акад. Ник. Ив. Андрусова (1861—1924)[2]. Материалы о русской семье Шлимана, сохранившиеся в семейной традиции и сообщенные ею, пошли на пользу экспозиции анкерсхагенского музея, частично учтены И. А. Богдановым и оказали влияние на представления автора этих строк. Доклады анкерсхагенской встречи будут напечатаны в следующей тетради из начатой В. Бёльке серии сообщений шлимановского музея, — без этого скромного издания научные занятия биографией Шлимана будут теперь неполны[3].

Автор настоящего обзора намерен довершать публикацию своих наблюдений на тему «Шлиман в России»[4], но с несколько иной точки зрения — для нас важно прежде всего установить неоспоримые факты, хотя бы разрозненные, и реконструировать приуготовление Шлимана к роли культурного деятеля как раз в русский период. Мы, иначе говоря, считаем нужным порвать с версией «прозорливец в детстве — коммерсант в России, затем — светило, затмившее науку» и показать цельность и постепенность, победы и несовершенства в развитии Шлимана. Предпосылки «Троянской мечты» в основных чертах сформировались у Шлимана в России и в поездках, совершенных в это время, и можно выявить как положительные, так и отрицательные впечатления, которые способствовали этой примечательнейшей идейной кристаллизации.

Роль русской семьи была в этом отношении неоднозначна: с одной стороны, выясняется, что женившись на Екатерине Петровне Лыжиной, Шлиман именно через русскую семью знакомится с рядом петербургских культурных деятелей (не в последнюю очередь — немецкого происхождения), произведших живительное впечатление на его душу; с другой стороны, неизвестно, по чьей вине возникшие трения (соперничество?) с братьями жены, особенно с шурином, занимавшимся историко-филологическими исследованиями[5], способствовали, как мы догадываемся, перелому в жизни Шлимана.

Кроме переосмысления роли русской семьи нам кажется несомненным, что никаких оснований упрекать Шлимана — купца в недобросовестности не имеется, если, конечно, мы не станем обвинять его в том, что во время крымской войны он поставлял русской армии селитру и порох (и никогда — сапоги) через Пруссию, и делал это даже тогда, когда это стало считаться контрабандой. Огульные упреки такого рода основаны либо на вульгарных представлениях о буржуазии и коммерческой деятельности, либо на желании опорочить сотрудничество с иностранцами. Не согласны мы и с формулировкой, что Россия «дала» Шлиману богатство. Нет, Шлиман, используя конъюнктуру и участвуя в развитии русской промышленности и торговли, это богатство собрал, создал.

Что касается общей оценки русского периода, то это не было временем отчуждения от культуры, как казалось самому Шлиману; это было по обыкновению многотрудное становление, к тому же осложненное возрастом и неординарностью пути. Выявляя духовный рост Шлимана, можно (и необходимо) опираться на

---

1 *Богданов И.* Долгая дорога в Трою. Л., 1990.

2 Одна из вышедших в прошлом году двух книг об этом ученом написана крупным украинским геологом: *Эйнор О. Л.* Николай Иванович Андрусов. Киев, 1990.

3 Название серии; Mitteilungen aus dem Heinrich-Schliemann-Museum Ankershagen. Вып. II вышел в 1988.; вып. III с русским материалом находится в работе.

4 • Пока опубликована часть, трактующая историю ранней (прижизненной) рецепции Шлимана в России; *A. Gavrilow.* Schliemann und Russland, in: Heinrich Schliemann nach hundert Jahren, S. 379—396.

5 *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие. С приложением актов. СПб., 1857.

Генрих Шлиман в Петербурге.
«В России Шлиман начинает изучать греческий язык. В три месяца — феноменальный срок! — он научился говорить, читать и писать по-древнегречески. "Два года подряд я занимался исключительно древнегреческой литературой и за это время прочел от доски до доски всех древних классиков, а "Илиаду" и "Одиссею" — по нескольку раз"».
Мейерович М. Шлиман.

великолепную именно в этом отношении книжку замечательного исследователя всеобщей истории и медиевиста, чл.-корр. АН СССР Дм. Ник. Егорова (1878—1931)[1]. Это был ученик П. Г. Виноградова, связавшего свою судьбу как с русской, так и с британской наукой, и корреспондент В. П. Бузескула (1858—1931), понимавшего, что необходимо изучать историю идей, хоть бы и недавно прошедшего столетья, чтобы не утратить способности понимать то, что уже было достигнуто в это время. Д. Н. Егоров как раз и был тем историком, который почувствовал культурно-исторический интерес феномена Шлимана, положение которого в пространстве историко-филологической мысли ясно далеко не сразу. На Берлинской конференции в декабре 1990 г. А. Йене (Берлин) справедливо привлек внимание коллег к достоинствам культурно-исторического эссе, вышедшего из-под пера Егорова. В настоящее время планируется издание этой на Западе почти неизвестной книжки в немецком переводе с сопроводительными пояснениями.

Применительно к русскому периоду представляет прямую ценность работа О. Я. Неверова (1985), который, не зная в подробностях изученной теперь А. Йене переписки Шлимана с гос. секретарем А. А. Половцовым, начал выявление множества подаренных Шлиманом Центральному Училищу технического рисования (училище Штиглица) троянских вещей[2]. Вещи эти, как выяснилось, распылились по музеям: Мухинское (бывшее Штиглица) училище, Эрмитаж, попали в Донецк и даже Хабаровск. Полное отождествление этих вещей оказалось бы важно не только для грамотного описания фондов наших музеев, но и для исследователей анатолийской цивилизации; находки из вновь раскапываемой Трои будут теперь оставаться в Турции.

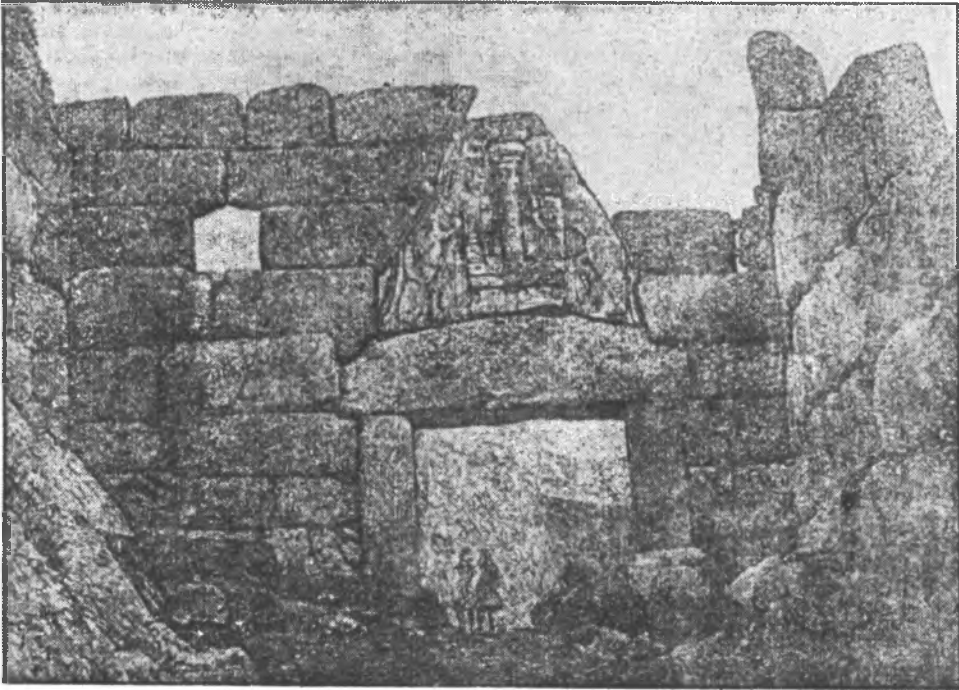
Но вернемся к хронике юбилейного 1990-го года, заключившегося берлинской конференцией 3—6 декабря. По числу участников конференции была ощутимо многолюднее бад-хомбургской, но значительно камернее афинского конгресса. Важным и отрадным следует признать то, что здесь более равномерно, чем на предыдущих встречах, были представлены обе стороны шлимановской контроверзы, продолжавших — достаточно, впрочем, мирно — отстаивать свои позиции. Нельзя не приветствовать решения Берлинской Академии наук, президент которой, г-н Хорст Клинкман, вручил Шлимановские медали как инициатору критического направления У. М. Колдеру III, так и Д. Истону и В. Бёльке, которые в различных сферах и тональностях, оба отстаивают достоинство опасно знаменитого человека. Несмотря на различные позиции в контроверзе, каждый из них действительно много сделал для разностороннего изучения Шлимана и его эпохи. Отметим, что во время поездки по шлимановским местам Мекленбурга в старинном Gymnasium Carolinum (Нойштрелиц), где в 1833 г. недолго учился Шлиман, была открыта доска, объявляющая, что отныне гимназия носит его имя.

Параллельно со шлимановскими съездами, о которых мы рассказали, в Афинах и Берлине проводились выставки, имевшие и научное значение, о чем свидетельствуют их каталоги. К открытию Берлинской конференции появились новая биография Шлимана, соавтором которой является В. Бёльке[3], и важное для истории науки XIX века издание переписки Р. Вирхова и Г. Шлимана[4].

Если подвести итоги шлимановского года по существу, то следует признать: соиздатель

---

[1] *Егоров Д. Н.* Генрих Шлиман. Пг., 1923.
[2] *Неверов О. Я.* Древности из собрания Генриха Шлимана // Культурное наследие Востока. Л., 1985, с. 198—208.
[3] *Crepon T. Bölke* W. Heinrich Schliemann — Odyssee seines Lebens. Berlin, 1990.
[4] Die Korrespondenz zwischen Heinrich Schliemann und Rudolf Virchow. 1876—1890. Berlin, 1990.

Микены.

«Я хочу в Грецию! Там я хочу жить. Просто поразительно, что существует такой великолепный язык! Не знаю, что скажут другие, но мне кажется, что Греции предстоит большая будущность...» (из письма Г. Шлимана К. Андресу). Мейерович М. Шлиман.

Бад-Хомбургского тома Ю. Кобет с основанием пишет, что шлимановедение (Schliemann-forschung) превращается в особый раздел истории антиковедения, входящий, следовательно, как в само антиковедение, так и в историю новейшей европейской культуры. И дело тут, конечно, не в каком-то превосходстве Шлимана над множеством ученых несравненного столетия, а в огромном размахе деятельности, в его необозримых научных и человеческих связях. Геннадиева библиотека при американской школе в Афинах (Gennadius Library или Gennadeion) содержит, по неточной, но не обязательно завышенной оценке, около 60 тыс. писем Шлимана и его корреспондентов, 18 его дневников, множество деловых бумаг и т. д. Д. Истон дал в начале 80-х годов обзор, позволяющий ориентироваться в этом море документов, разнообразно представляющих историю второй половины XIX века[1]. При этом материал, хранящийся в афинском архиве Шлимана, является не единственным, а только представительнейшим из собраний. Так, В. Бёльке и Р. Витте (Берлин) готовят издание огромной переписки Шлимана с Ф. А. Брокгаузом, хранящейся в архиве знаменитого издательского дома.

Существенно понимать, что биографы Шлимана — романисты Эмиль Людвиг, Генрих А. Штоль и некоторые другие широко использовали этот архив, долгое время находившийся в греческой семье Шлимана, и в этом смысле обладают колоссальным преимуществом перед теми, кто с этим архивом не работал. Подготовительную работу они проделали с необычной для романистов основательностью. Однако сама специфика литературного труда, требующего воссоздания

---

1 *Easton D.* The Schliemann Papers, in: The Annual of the Britisch School at Athens. vol. 77 (1982), p. 93—100.

Раскопки в Трое.

«За день до объявленного прекращения раскопок, 14 июня 1873 г., Шлиман спустился в раскоп, как всегда, в 6 часов утра. Несколько рабочих расчищали стену в западной части холма, в том месте, где сливались три траншеи: северная, западная и южная. Под фундаментом одной из древних стен что-то блеснуло. Рабочий копнул лопатой разок-другой, и из-под твердого слежавшегося веками строительного мусора показалась какая-то позеленевшая от времени медная вещь. — Стой! — закричал Шлиман». Мейерович М. Шлиман.

характеров и картин, а не педантической точности и исчерпывающей документированности деталей, делает их романы шаткой опорой для того, кто приступает к биографии Шлимана с научной целью. Парадокс состоит в том, что ученому биографу нередко приходится много работать для того, чтобы узнать меньше, чем знают романисты. Наиболее документированной и надежной биографией Шлимана остается пока труд Эрнста Мейера, издавшего 3 тома переписки и, как итог труда всей жизни — биографию Шлимана[1]. Задача коллективных усилий — составить со временем новый биографический синтез; догадываемся, что это произойдет нескоро.

Кроме сверхизобилия, специфика шлимановских материалов состоит в характерном именно для него сочетании таких далеких одно от другого занятий, как торговля индиго, раскопки в десятке мест, строительство репрезентативных зданий, общение с необозримым кругом людей от мекленбургских знакомых своего детства до Э. Ренана и Р. Вирхова, О. Бисмарка и А. А. Половцова, Глэдстона и в. кн. Константина Николаевича, от наемных рабочих до коронованных особ. Более внешнюю, но также примечательную сторону шлимановского архива составляет многоязычность его писем и записок. Хотя Шлиман, замечательно знавший новые языки, включая русский, несколько переоценивал степень своего владения древнегреческим, однако не так много находится людей, которые равно могут читать, говорить и писать кроме Schulsprachen еще и на новогреческом, русском и арабском, не говоря об упражнениях более экзотических. Это еще более, чем в случае с обычными специалистами-антиковедами, требует интердисциплинарного подхода и уве-

[1] *Meyer Ernst*. Heinrich Schliemann. Kaufmann und Forscher. Göttingen, 1969.

личивает специфику шлимановедения, которое сильно выросло в последние два десятилетия, хотя уже в 1974 библиография Шлиманианы, составленная греческим археологом и энтузиастом шлимановских штудий Георгием Ст. Корресом, насчитывала более 2200 названий.[1]

Существенным новшеством двух последних десятилетий явилась не раз уже упомянутая нами шлимановская контроверза, т. е. полемика вокруг достоверности утверждений Шлимана, будь то в автобиографических сообщениях, будь то в его утверждениях как полевого археолога. Началось с выступления У. Колдера в 1972 г. по поводу 150-летия со дня рождения Шлимана; Колдер показал, что в ряде случаев автобиографические высказывания Шлимана недостоверны. Эту линию особенно настойчиво развил дальше Д. Трейл, распространивший сферу недостоверности шлимановских утверждений на область, непосредственно затрагивающую интересы археологов и историков. В ходе наступления критиков одна из самых эффектных шлимановских находок, так называемое сокровище Приама из Трои-II, оказалось предметом острой дискуссии. Представляется, что Д. Истону и другим защитникам Шлимана удалось отстоять "Приамово сокровище" в том смысле, что оно-таки было найдено в Трое и сразу, а не составлено из вещей, либо найденных в разных местах и слоях Трои, а то и вовсе поддельных. Некоторые неувязки в полевых дневниках, переписке и последующих рассказах самого Шлимана связаны со множеством обстоятельств (желание укрыть находки от турецких властей, самолюбивые мечты, промахи от спешки или сбои памяти, понятные при множестве находок и дел и т. п.). Являясь специалистом по творчеству Шлимана и еще более — по культурам древней Анатолии, Д. Истон показывает, что описания раскопок Шлимана по достоверности в фиксации материала в общем удовлетворительно соответствуют результатам последующих раскопок на Гиссардыке, включая новейшие. Несмотря на естественное усовершенствование техники археологических работ и исследований в последующее время, Шлиман «не так уж безнадежен» («not a hopeless case»), отвечает оппонентам (своим и Шлимана) Д. Истон.

Тезис о (будто бы имевшей место) патологической лживости Шлимана[2] нехорош прежде всего монокаузальностью в объяснении всего, что в том или ином отношении не соответствует истине в утверждениях Шлимана о его собственных действиях. Этот тезис страдает и преувеличением: десятка установленных критиками Шлимана случаев, в которых можно говорить о той или иной форме недобросовестности, недостаточно, чтобы в вопросе о достоверности тысяч сделанных Шлиманом утверждений перевалить onus probandi на его защитников. Вообще примечательно, что англосаксонская острота в исследовании и подаче материала у американских исследователей нередко (мы имеем в виду не только полемику вокруг Шлимана) приобретает оттенок негативизма. Более умеренная позиция представляется им при этом либо страстным идолопоклонством, либо вялым традиционализмом.

С другой стороны, иконоборческий порыв У. Колдера и Д. Трейла и ряда ученных, которые нашли дополнительный материал для критики Шлимана, имел и имеет немалое значение для всей этой области исследований. Они установили ряд высказываний Шлимана, которые могли бы до сих пор вводить нас в заблуждение. Двойственное положение Шлимана в жизни, поздний приход к научным занятиям, неотступное самолюбие и вообще азарт, с которым он жил, в сущности, и должны были вызвать большее число и большую глубину отклонений от правды, чем то, что ожидается от людей, которые всю жизнь учатся угадывать и облекать в слова то, что считают истиной, и на этом строят свое благополучие, иначе говоря — от цеховых ученых.

Это можно понять и простить. Нелепо было бы, однако, если бы потомство, хорошо запомнив имя Шлимана, исповедовало бы какой-то его культ и зависело бы от его самооценки, тем более, что он более чем следовало, этого хотел. Интересы публики, которой нужны яркие образы, а не под знаком вечного сомнения стоящая бесконечная работа, приходят здесь в столкновение с интересами науки, и в особенности, с задачей научного обследования ее истории. Имя Шлимана по его собственной подсказке стало неким знаменем в бунте публики против дисциплинированного (университетского, академического) знания. Достижения неакадемического открывателя превозносятся, деятельность целых поколений ученых оказывается книжным хламом. Неудивительно, что история науки должна была восстать против шлиманова мифа и стараться разобрать, в чем состоит, по выражению Ю. Кобета, «эффект

[1] Βιβλιογραφία ᾿Ερρίκον Σλῆμαν. ῾Υπὸ Γ.Σ. Γ. Κορρέ. ᾿Εν ᾿Αθήναις,1974.

[2] Этапным в этой полемике было изд.: Myth, Scandal and History. The Heinrich Schliemann Controversy and a first edition of the Mycenaean Diary. Ed. by W. M. Calder III and D. Traill. Detroit, 1986.

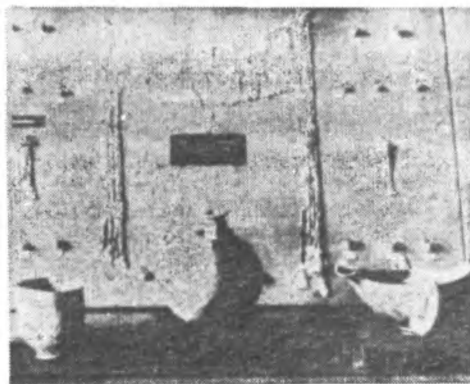
Шлимана», когда забывают о десятках (до Шлимана) европейских путешественников в Троаду, о глубоких книгах об отношении Гомера к истории и об остающихся поныне проблемах осмысления троянского материала, чтобы повторять все ту же историю о бедном мальчике, который все понял, и о богаче, который все вопросы решил лопатой.

Движение, начатое У. Колдером, несмотря на некоторые издержки в бурной полемике, задевающей не только стереотипы, но иногда и личное достоинство обсуждаемых лиц, в долговременной перспективе оказывается плодотворным. Проблематизация и обстановка спора для науки полезны, даже если они бывают болезненны в отдельных эпизодах для отдельных лиц.

Развернув издание и пристальное изучение шлимановских документов, критики Шлимана создали остроту в исследовательской ситуации, что в случае Шлимана, по причинам, на которые указано выше, было нужнее, чем в случае большинства других значительных представителей антиковедения: слава Шлимана так огромна не в малой степени потому, что создана не в лоне науки и отчасти даже вопреки ей. Оставляя публике право думать так, как ей этого хочется (было бы безумием требовать от нее безошибочности и беспристрастия, которые с трудом даются поколениям ученого сообщества), наука должна была заново выработать свое отношение к Шлиману, тем более, что есть основания считать позицию ученого цеха современных Шлиману ученых далеко не свободной от пристрастий и ошибок.

При этом оказывается, что сам Шлиман, как это нередко бывает с людьми, особенно (но не только) с теми, кто стоит вне определенной академической традиции, весьма неадекватно понимал свои достижения и промахи. Так открытие Трои на Гиссарлыке далеко не так оригинально, как Шлиман полагал и как хотел это представить; отождествление Трои-II с гомеровской Троей было ошибочно, как успел дружески объяснить Шлиману Дёрпфельд; толкование находок в духе «аргумента к лопате» (лопата решает все то, над чем без пользы для дела бились и бьются в кабинетах) мало убедительны, если речь идет об археологическом подтверждении гомеровских рассказов в целом[1]; склонность к саморекламе, коммерческая хватка при организации своего успеха в общественном мнении выходили у Шлимана за рамки того, что принято в ученом кругу.

Применительно к шлимановской контроверзе, как она развилась к настоящему моменту, можно говорить о спектре мнений и оценок. Если примем критиков («ниспровергателей») Шлимана за левых, а наиболее горячих его защитников («охранителей») за правых, увидим приблизительно такую картину. Крайне левым является Трейл, заподозривший добросовестность археологических сообщений Шлимана, в частности, цельность и подлинность «Приамова сокровища». Эта позиция в некотором роде тревожнее, чем подозрительность Колдера ко всему, что связано с достоинствами Шлимана, поскольку последняя угрожает всего лишь покою поклонников, а первая грозит хаосом и новыми заботами для тех, кто продолжает исследование эгейской и раннегреческой культуры. Несколько умереннее В. Шиндлер, умеющий формулировать приблизительно те же взгляды более осторожно и помещать их в более широкий контекст. Ближе к центру мы видим Ю. Кобета, которого занимают не столько лич-

Большой клад Приама.

«Лучи заката червонным золотом заливали комнату. А на столе, как сгусток вечернего солнца, сверкала груда металла. Груда темного червонного золота. Достойная награда за три года лишений и безостановочного труда... Сокровище троянского царя Приама — ибо кому же иному могло оно принадлежать? — лежало перед Генрихом и Софьей Шлиман на простом дощатом столе...» Мейерович М. Шлиман.

---

1 О том, как сложна проблема, можно судить по работе Д. Истона: *Easton D.* Has the Trojan War been found? in: Antiquity. Vol. LIX (1985), p. 188—196.

ные свойства Шлимана или археологические подробности, сколько общие вопросы методики исторических исследований, в рамках которой «эффект Шлимана», им сформулированный, действительно представлял и представляет опасность. В центре мы поместили бы Д. Истона, которому всего важнее описание и истолкование троянского материала в общем анатолийском контексте, т.е., по существу, центральная историческая задача троянских работ Шлимана. С точки зрения Истона, Шлиман сделал много, удовлетворительно по меркам своего времени и при специальном доисследовании сопоставимо с результатами даже и новейших работ в Трое. Таким образом, Истону в конце концов удается снять лишний пафос с главного вопроса шлимановской контрверзы, если брать ее по существу.

Несколько правее можно поместить Э. Блёдоу, который резко опровергает нападки на Шлимана там, где они несправедливы, и на примерах аргументированно подтверждает оценку Шлимана как — невзирая на ошибки — одного из пионеров научной археологии (стратиграфия, пристальное внимание к керамике). Где-то близко помещается Г. Дёль, также не отрицающий промахов и даже комических сторон увлеченности Шлимана, но показывающий его способность к развитию и научные, а не только практические, достижения. Близки к тому же и Тёрнер с Лерером, изучающие биографические свидетельства не только скрупулезно (что делает и Трейл), но, кроме того, менее предвзято и более гибко. Наконец, на правой стороне спектра в разбираемой контроверзе надо поместить тех, кто, как М. Корфман, законно чувствуют себя прямыми продолжателями дела Шлимана, принимают на себя пыль, пот и бессчетные хлопоты археологического труда[1] и, может быть, поэтому больше нуждаются в той иногда неосторожной увлеченности, которая была характерна и для Шлимана.

Такова приблизительно картина споров о Шлимане, при характеристике которых мы стремились не к полноте, а к созданию ориентиров для того, кто захотел бы самостоятельно разбираться в этом. Невзирая на некоторые издержки полемики, в целом ее необходимо признать полезной для науки: совершенно очевидно, что в итоге уже теперь намечается позиция, за которой будущее, но этого бы не случилось, если бы не были заняты и крайние позиции, представители которых, продолжая военные действия на отдельных участках, по существу, и неприметно для себя стали, как нам кажется, не так уж противоположны. Ведь всем теперь ясно, что не ценить гигантской (как он сам о себе говаривал) деятельности Шлимана — неблагодарно, а заставлять историю науки повторять самооценки человека, отнюдь не бывшего подвижником строгого самоанализа, было бы, наверное, смешно.

Главным уроком для истории науки, которому учит нас феномен Шлимана, мы считаем возможность лучше понять смысл тяжбы науки с публикой. Мы говорим, что необходимо признать право публики на ярких романтических героев, преданных одной идее страстотерпцев или, может быть, великих грешников, которые затем вопреки ожиданиям творят чудеса и т. д. Однако, хотя неизвестно, будут ли более близкие к действительности образы с той же силой убеждать сторонних уважать науку и стремиться к ней, необходимо решительно отвергнуть проникшее и в ученые круги представление публики о какой-то победе Шлимана над сообществом ученых в целом, о совершенной изолированности Шлимана от предшествующей научной традиции, о наличии простых, окончательных и как бы вненаучных решений для сложных научных проблем.

Наука не может разделить такие представления. В этом ее гордость как дисциплинированного общечеловеческого знания. Другое дело — горделивость ученых, насчет которой история Шлимана дает нам другой урок: осведомленность, изощренность, акрибия нередко, но отнюдь не всегда предохраняют от ошибок, иной раз весьма грубых: Шлиман на 10—15 столетий занизил древность того слоя, который теперь считается Троей-II; но ведь безусловно принадлежащий к ученому цеху Л. Стефани, датируя тот же материал, допустил ошибку на 15 веков в другую сторону. Шлиман верил Павсанию, как Бэдекеру и, следуя Павсанию, нашел царские могилы в Микенах, а несравненный мастер источниковедения У. Виламовиц всю жизнь изощренно унижал автора «Описания Эллады», считая его писакой-путаником. Еще важнее, может быть, то, что научность является необходимым условием научного труда, но сама по себе не гарантирует достижений, для которых необходима еще энергия, окрыленность, вера, раскрывающие творческий потенциал ученого. Платонов познавательный эрос — определяющее условие позитивных достижений. Не следует бюрократизировать представление об истине только от-

[1] *Richter W.* Zum Krankheitsgeschehen auf Hissarlik und in der Troas nach den Berichten Heinrich Schliemanns, in: Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 34 Jg. (1985), Gesellschaftswiss. Reihe, H. 4, S. 43—45.

того, что наука институционализировалась и нуждается в некоторой иерархии.

Гораздо мудрее, чем академический снобизм, был, нам кажется, подход, проявленный профессорами Ростокского университета, давшими автодидакту Шлиману диплом доктора. Прекрасно видя, что имеют дело с человеком, не получившим правильного образования, они тем не менее поняли, что перед ними личность, познавательными ресурсами которой не следует пренебрегать[1]. Науке ли, которая есть столько же история поисков истины, сколько история зафиксированных ошибок, гордиться непогрешимостью? Другое дело, что примирить противоречивые тенденции в жизни гораздо труднее, чем на бумаге или даже в мыслях. Это и есть искус в жизни ученых; без этого жизнь их была бы психологически чересчур легка.

Итак, юбилейный шлимановский год по праву можно считать прошедшим плодотворно. Он закрепил «шлимановедение», или «шлиманистику» как частный раздел антиковедения. Подобно основанной тем же У. Колдером III (но, изначально с обратным, преувеличенно положительным) знаком «виламовистике»[2], этот раздел истории антиковедения означает, в сущности, отнюдь не род культа личности, а критическое использование связанных с соответствующим именем фондов, материалов, культурных традиций, научных и общественных идей, словом, очень запутанных клубков, распутывание которых заведомо ценно, но и так сложно, что требует долгих коллективных усилий.

И все-таки уже теперь достигнуто больше ясности в отношении материала, который все основательнее и полнее издается, разнообразия методик, точек зрения. Созданы центры, где собирается информация, появились некоторые удобные инструменты исследования. И все это находится в движении, так как появление трудов конференций 1990, публикация некоторых дневников Шлимана (американского дневника 1865 г. — под руководством У. Колдера; дневника египетского путешествия Шлимана, которым занимаются в Трире), издание упоминавшейся переписки Шлимана с Брокгаузом и многое другое только еще ожидается. Если настоящий очерк облегчит заинтересованным обращение к этому комплексу занятий и обращение с отдельными частями этого внушительного целого, то мы позволим себе считать задачу настоящего обзора выполненной.

Последний сюрприз и еще одна сенсация шлимановского года — признаки воскресения так называемого Приамова сокровища, следы которого в течение последних 45 лет искали то на Востоке, то на Западе. Похоже, что они действительно обрелись в Москве. После ряда газетных публикаций (в особенности назовем Л. С. Клейна[3], который поднял этот вопрос, и А. Расторгуева, который поставил его в более широкий контекст и дал ему взвешенное освещение) становится все правдоподобнее, что подаренное Шлиманом когда-то «в вечный дар немецкому народу» троянское золото находится в запасниках Музея Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве[4]. Хочется надеяться, что компетентная германо-советская комиссия сможет найти сбалансированный подход к проблеме потерь в художественных фондах обеих стран во время второй мировой войны, а справедливость и здравый смысл наконец восторжествует.

А. К. Гаврилов

[1] *Richter W.* "Ithaque, la Péloponnese et Troie" und das Promotionsverfahren Heinrich Schliemann, in: Ethnographisch-Archäologische Zeitung. Bd. 21 (1980), S. 667—678.

[2] Wilamowitz nach 50 Jahren. Hrgg. von W. M. Calder III, H. Flashar, Th. Lindken. Darmstadt, 1985.

[3] *Клейн Л. С.* Тень похищенного золота. ("Смена" за 10 окт. 1990).

[4] Последняя (на начало июня 1991 г.) публикация на эту тему «Спецхран, откройся» перепечатывает материалы из «Штерн» («За рубежом», 17—23 мая 1991 г., 21, с. 22).

Б. Л. Фонкич

Заметки по греческой эпиграфике Москвы XVII в.

Памяти Константина Константиновича Зельина

1

В 1902 г. Н. П. Лихачев опубликовал воспроизведение греческой и славянской надписей на могиле Иоанникия Лихуда, скончавшегося в Москве 7 августа 1717 г. и похороненного в нижней церкви Заиконоспасского монастыря[1]. Греческий текст эпитафии был составлен Софронием Лихудом и вместе со славянским переводом и портретом Иоанникия вырезан на большой медной доске. Эта надгробная плита находилась в Заиконоспасском монастыре еще в 1887 г., [2]однако уже через несколько лет ее на месте не оказалось[3]. Поэтому, начиная с конца XIX в., исследователи биографии Лихудов при изучении текста эпитафии не могли обращаться к подлинному памятнику, но использовали либо предшествующие его издания[4], либо гравюру, опубликованную Н. П. Лихачевым[5].

Греческий текст эпитафии до настоящего времени издавался дважды: митрополитом Евгением (Болховитиновым) и А. Ковалевым[6]. Поскольку оба издания являются редкими и содержат значительное количество ошибок (особенно работа Ковалева), мы решили переиздать греческий текст эпитафии Иоанникию Лихуду, положив в основу публикацию Лихачева.

Судя по особенностям начертания греческих букв и расположению текста, можно сделать заключение, что резчик надписи копировал непосредственно оригинал Софрония Лихуда[7]. Вместе с тем, отдельные палеографические особенности греческой части эпитафии[8] и ошибки в тексте[9] свидетельствуют о том, что резчиком был мастер не-грек[10].

При воспроизведении текста мы сохраняем его расположение на доске, ибо оно, как это видно из начертаний букв особенно в верхней части надписи, принадлежит, несомненно, самому Софронию; сохраняется также орфография оригинала.

Ὦ ὁδοιπόρε
Τί διαβαίνεις;
Στῆθι, ἀναγίνωσκε·
Ἐφόρα χαλκῆν ἐπινίκιον
σανίδα· ἰδού,
Κεῖται ὧδε ἄνθρωπος
τοῦ θ(εο)ῦ Ἄγγελος τῆς
ἀνατολικῆς ἐκκλησίας
Μηδὲν ἑαυτοῦ.
Φεῦ.
ὃν ἡ Πάλλας πρὸς λύκειον
Ἡ φιλοπονία πρὸς τὰς ἐπιστή-
μας Ἡ ἀκριβολογία πρὸς τον (так.-*Б. Ф.*)
θείαν ἐπελέξατο γραφήν, ἤδη ὁ
θάνατος συνελέξατο εἰς τάφον· ἰδοὺ
ἐν τῇ σκιᾷ νῦν κάθηται τοῦ ἄδου
ὁ ὑπὲρ εὐσεβείας π(ατ)ρίδος τε κ(αὶ) γένους
διαπαντὸς μαχησάμενος
Γενναίως
Ἀλλὰ
πέπτωκε κ(αὶ) ὁ ἄν(θρωπ)ος οὗτος κοινῷ ὅμως πτώμα-
τι τοῖς πᾶσι. Τί γοῦν θαυμαστόν; κεκοπιακὼς
ὅτι ἑξήκοντα ἔτη κ(αὶ) ὀκτὼ ἦν συνεχῶς ἐν κόποις ὑπὲρ
εὐσεβείας π(ατ)ρίδος τε κ(αὶ) γένους·ἐν προσευχῇ διὰ πα-
ντὸς κ(αὶ) ἐν μελέτῃ γραφῶν τῶν θείων τῶν θεοφόρων
Π(ατέ)ρων
ἀπῆλθε μέντοι ἀναπαυσόμενος εἰς τάφον
ὅτι ἐπὶ τῆς γῆς οὐδέποτε ἡσυχίαν ἦχεν ει μὴ
γενναίως κάμνων, κοιμήθητι ἄρα κ(αὶ) ἀναπαύου αιων-
ίως ἐν εἰρήνῃ, γλυκὺς γὰρ ὁ ὕπνος τοῦ δούλου (ἐργαζ-
ἐκκλ-ομένου) Τῆς ζωῆς σκὴν (так вм. σκηνὴν.-*Б.Ф.*) τούτου ἤνοιξεν αὐτῷ
ης.ε^ω το αχλγ ἔτος λ^η μηνὸς μ(α)ρτίου, αὐτὴν δὲ τὸ αψῖζ ἔτος ἔκ-
λεισε τούτῳ ζ^η μηνὸς αὐγούστου Ιωαννίκιος οὗτος ιερο(μόναχος)· ὁ
φι(λοσο)φίας τε κ(αὶ) θεολογί(ας) ἑλληνιστί τε κ(αὶ) λατινιστὶ
Διδάσκαλος ὁ Λειχούδης·
ἀποσταλεὶς μ(ε)τ(ὰ) τοῦ αὐταδέλφου αὐτοῦ Σοφρονίου ἱερο(μονάχου)
κ(αὶ) ἐν τῷ Παταβίνῳ λεκείῳ (так.-*Б. Ф.*) ἐστεμμένου διδασκά-
λου τοῦ Λειχούδου ἐκ τῆς Κωνσταντινουπόλεως δι᾽ ὑπογρα-
φῶν ἰδιοχείρων συνοδικῶς τῶν τεσσάρων ἁγιωτα-
των π(ατ)ριαρχῶν κ(αὶ) πανιερωτάτων ἀρχιερέων τῆς
ἱερᾶς συνόδου αὐτῶν τῷ αχπγ^ω ἔτει, μηνὶ ἰουλιῳ
εις Μοσκοβίαν,
εις ἣν ἀφίξαντο τῶ αχπε τῆ ς^η τοῦ μαρτίου·
Ἀπὸ μὲν α^ης οὗτοι ἀπόγονοι ἐκ τῶν πρωτευόντων

Ζωναρᾶς ἐν τῇ χρο-νολ(ογίᾳ)

ἀρχόντων τῶν Λειχουδῶν
τῆς Κωνσταντινουπόλεως συγκλήτου. ἔτει αμα^ω.
ἐπὶ τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου.
καὶ ἐπὶ πολλων ἄλλων πρὸ τούτου.
μ(ετ)ὰ δὲ τὴν ἅλωσιν τῆς ἑπταλόφου
ἐκ τῆς περιφήμου πόλεως τῆς νήσου Κεφαλληνί(ας)
ἔτει αυνγ^ω· ὅμως δ' ἄρτι τοῦτο μᾶλλον λυπηρὸν
ἀθανασίας ἄξιον ἄνδρα θνητὸν εἶναι τὸν Ἰωα-
ννίκιον. ἀλλὰ κ(αὶ) γε τούτου. ἤδη ἀθάνατός ἐστιν. ὅτι Σοφ(ίας) ε^ω
θνητὸς ἦν. οὐ μὴν δὲ τὰ ἔργα αὐτοῦ Σοφ(ίας) γ^ω
οἱ δὲ δίκαιοι εἰς τὸν αἰῶνα ζῶσι. κ(αὶ) αἱ ψυχαὶ
δικαίων ἐν χειρὶ θ(εο)ῦ εἰσίν· οὐκοῦν αἰωνία σου ἡ
μνήμη ἀξιομακάριστε
ἀδελφέ. αμην.

Примечания.

1. *Лихачев Н П.* Портрет Иоанникия Лихуда. СПб., 1902.

2. Плита с надписью, находившаяся на северной стене храма Всемилостивого Спаса, была описана А. Ковалевым; см.: *Ковалев А.* Историческое описание ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице М., 1887, с.102—107

3. М. Сменцовский надгробную плиту Иоанникия уже. по-видимому, не видел см.: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899, с. 373—374.

4 Полный перечень этих изданий содержится в указанной выше работе Н. П Лихачева (с. 5—6).

5. См., например: *Рогов А. И.* Школа и просвещение.— В кн.: Очерки русской культуры XVII века. Часть вторая. М., 1979, с. 153.

6. *Евгений (Болховитинов)*, митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т 1. Изд. второе. СПб., 1827, с. 242—247; *Ковалев А.* Указ. соч., с. 103—105.

7. Ср. палеографические особенности эпитафии с автографами Софрония Лихуда. см.: *Фонкич Б. Л.* Новые материалы для биографии Лихудов.— Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987 М., 1988, с 61—70

8 См., например, начертания σ, очень близкие по форме γ и ν.

9 См., например. ἀνατολικῆς (стк. 8 св.), τον вместо τὴν (стк. 13 св.), σκὴν вместо σκηνὴν (стк. 31 св.), μρτίου вместо μαρτίου (стк. 32), Σοφρονίου вместо Σωφρονίου (стк. 36).

10 Н. П. Лихачев предполагает, что лист эпитафии гравировал Иван Зубов (указ. соч., с 6).

К. А. Вах

Классическое образование и его утверждение в России

В настоящую эпоху возобновления наук и искусств полезно вновь собрать для юношества рассуждения, которые многими обстоятельствами были рассеяны.

Битобе «Об изучении древних».

На Руси изучение двух древних языков — греческого и латинского — имеет многовековую историю. В немалой степени этому способствовала постоянная потребность в толмачах для дипломатических нужд Посольского приказа. Но основными началами, вызывавшими многочисленные попытки организовать в России школу для систематического изучения древних языков, были необходимость защиты православной веры от интеллектуального влияния католицизма и потребность исправить собственные богослужебные книги по древним греческим образцам. Классическое образование пришло на помощь богословию. Конечно, и сами греки заботились о том, чтобы греческая образованность распространилась в России. «Ты убо, о пресветлый царю, — писал в 1666 году к Алексею Михайловичу газский митрополит Паисий Лигарид, — подражай Феодосиям, Иустинианам и созижди зде училища ради остроумных младенец ко изучению трех язык коренных, наипаче греческого, латинского и славянского»[1]. Греческий язык нужно учить потому, что на этом языке было написано Евангелие, а с его помощью становятся понятны многие испорченные или темные в переводе места. «Ибо большая есть чистота источника, нежели потока. Отнюдуже к началу греческих речений, аки к твердыне, в недоуменные вещах прибегаем...» Латинский язык необходим потому, что он «ныне царствует в училищах, в книгах, в княжих домах и, аки обычный, непщуется и глаголет же ся едва не от всех родов». Славянский язык следует изучать как родной,«но со правилом грамматическим, а не простообычно»[2].

Но не только греки заинтересованы были в устройстве подобных училищ. Просьбы открыть школы для изучения древних языков приходили с латинского запада, из Польши, а также от киевских ученых, связанных с Киевской академией, в которой преобладал уже не греческий, а латинский тип образования и культуры. В 1640 году просил об устройстве для киевских ученых монастыря в Москве Петр Могила, в память о деятельности которого Киевская академия получила название Могилянской. По его мысли, киевские ученые-монахи должны были обучать «детей боярских и простого чину грамоте греческой и словенской»[3]. Вскоре западные ученые и сами стали прибывать в Москву, где легко находили место учителей в аристократических московских семьях. В 1664 году в Москву приехал Симеон Полоцкий. Через несколько лет он объединил вокруг себя приверженцев западноевропейского образования и развернул широкую деятельность по организации в Москве соответствующей школы. Сторонники греческого учения выступили со своеобразной апологией традиционной для России ориентации в сторону греческого Востока. Известный переводчик, ученый и дидаскал, грек родом, Николай Спафарий написал «Довод вкратце, яко учение и язык еллино-греческий наипаче нужнопотребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует славянскому народу».

Он доказывал преимущества греческого языка для его школьного преподавания в России, ссылаясь на многочисленные примеры из русской истории, в то время как всякий раз усиление преподавания латыни сторонниками западного образования становилось вредным и опасным для православной веры и государства. Достаточно вспомнить судьбу белоруссов, которые учатся по-латыни. «Малая часть из них во унию не падают, а и те, что не падают, познаваются в них останки иезувические». Поэтому учиться следует в первую очередь греческому языку, а никак не наоборот, «понеже не токма тем языком не вредится православная вера, яко латинским, но и зело исправляется...»[4].

Итак, борьбой с католическим влиянием в образовании было вызвано то обстоятельство, по которому открытая в 1681 году первая правительственная школа для изучения древних языков была строго греческого направления. Этой школой, получившей название Типографского училища, руководил иеромонах Тимофей, изучавший греческий язык в Палестине в течение четырнадцатилетнего там пребывания. Остальные учителя — иеромонах Иоаким и Мануил Левендатьв — были греки, проживающие в Москве. И хотя в учрежденной вскоре за этим Славяно-греко-латинской академии (1685 г.) вызванные из Греции учителя, братья Софроний и Иоанникий Лихуды, преподавали не только на греческом, но и на латыни, хотя изучение латинского языка постепенно переставало отпугивать своей связью с католическим миром, недоверчивое отношение к строго латинскому учению долгое время распространялось и на простое преподавание латыни.

«Латинский же язык и учение и писание и неточию не потребно отнюдь, но паче вредно и губительно...», — так однозначно ответил на вопрос, какой язык для русских полезней, греческий или латинский, ученик знаменитого переводчика Епифания Славинецкого инок Евфимий[5]. О выдающемся общеобразовательном значении греческого языка писал и сам Славинецкий[6]. Защита первенствующего значения греческой образованности перед латинской в интересах православия обеспечила греческому языку прочное место в системе подготовки православного духовенства.

Практически до начала XIX века духовные семинарии были единственным местом, где греческий язык изучался последовательно и в достаточном объеме. Необходимость изучения греческого языка для богословского образования не раз служила темой специального обсуждения в течение XIX и начала XX веков.

Историческая близость греческого языка к славянскому и русскому, единство православной веры — все это служило неоспоримыми аргументами в пользу дальнейшего расширения его преподавания в России. Греческий язык, язык Евангелия, язык богословских, пастырских, догматических сочинений православных Отцов Церкви, уже в середине XVII века оценивался со стороны его лингвистического значения для языка славянского, много заимствовавшего из него в своем развитии. «Видим в словенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова», — говорил впоследствии М. В. Ломоносов, всякий раз особенно отмечая те выгоды, которые греческий язык сулит нарождавшемуся российскому литературному языку[7]. Однако разрыв традиционных связей с Востоком и усиление западноевропейского влияния в результате преобразований Петра Великого неожиданно изменили взгляд правительства на образование вообще. Образование стало светским и практическим по преимуществу. Российской империи более чем когда-либо

потребовались врачи, моряки, военные и т. д. Какой цели, какому практическому делу могло послужить изучение древних языков? Ответа не нужно было долго искать. Реформы начала XVIII века ввели Россию в семью европейских народов, где классическое образование имело уже прочную традицию, а изучение древних языков служило необходимой основой высшего университетского образования и любых занятий наукой. Поэтому вслед за появлением в России первых научно-учебных заведений европейского масштаба — Академии наук, академического университета и гимназии в С.-Петербурге в 1724 году — классическое образование принимает тот утилитарный, приспособленный для конкретных практических целей характер, который так упорно отказывались потом замечать сторонники реального образования в XIX веке. Сохранилась запись, сделанная Ломоносовым на форзаце греческой грамматики Теофиля Голия о значении греческого языка: «Для терминов во многих науках, в физике, в химии, в астрономии, и особливо в анатомии, в ботанике и во всей медицине греческий язык весьма надобен»[8].

Однако научные интересы требовали в первую очередь знания латыни — международного языка ученых. Методически преподавание его было лучше разработано, существовали хорошие по тому времени учебные пособия, которые легко было приспособить для русских учеников, как, например, «Латинская грамматика» Э. Альвара, по которой М. В. Ломоносов учился в Славяно-греко-латинской академии. И все же греческим языком не пренебрегали. Еще в 1758 году в проект регламента академической гимназии было внесено положение, где говорилось, что «в высших латинских классах гимназисты в последний час, а именно с 10 часов, должны три раза в неделю знакомиться с началами греческого языка с тем, чтобы при переводе в низший студенческий класс быстрее успевать у профессоров»[9].

Но цель преподавания древних языков никогда не преследовала одни только практические результаты. Уже Арсений Суханов, посланный на Афон патриархом Никоном за греческими богослужебными книгами, вместе с последними привез в Россию громадное количество классических греческих авторов, в том числе Платона и Аристотеля. Чтением античных произведений в подлинниках наслаждались справщики московского Печатного двора, ученики Типографской школы, слушатели Славяно-греко-латинской академии. Общеобразовательное значение античности, необходимое для воспитания тонкого вкуса, изящной речи и благородного образа мыслей, свойственного всякому образованному человеку, заставляло русское правительство в XVII веке расширять преподавание древних языков и вводить его в элитарных учебных заведениях. Так, по желанию Екатерины II греческий язык стал преподаваться в Пажеском корпусе. В 1784 году Е. Р. Дашкова предписала усилить занятия логикой, латинским и греческим языками с успевающими студентами академической гимназии в С.-Петербурге, а в 1790 году вновь по инициативе Е. Р. Дашковой из числа студентов академического университета было создано общество переводчиков, где осуществлялись переводы и с древних языков. Деятельность Тредиаковского и Ломоносова, Кантемира и Мерзлякова, многих забытых сегодня, но в свое время известных переводчиков и популяризаторов произведений античной литературы создавала своеобразную ауру, в которой античность была идеалом художественного выражения. «Изучение древних, — говорил на акте открытия Публичной библиотеки 2

января 1814 года знаменитый переводчик Илиады Н. И. Гнедич, — питая и укрепляя разум, облагораживает и душу. Она растет и возвышается с великими мужами; и мы, нечувствительно заемля от них свойства, как от тех, с которыми часто общаемся, получаем, так сказать, их глаза, их слух и их чувства; и подобно им, презирая все труды, через путь камней и терний, под бременем нужд и бедности идем не робкими стопами, при светильнике тех мудрых вождей, которые, выдержав испытание веков и народов, голосом вселенной признаны источниками ума, оракулами вкуса и образцами прекрасного и совершенного»[10].

К началу XIX века, когда в России по образцу Германии создается система среднего образования с преподаванием древних языков — сначала латинского, а затем и греческого, — образ античности уже определял собой уровень образованности общества, получивший свое самовыражение в культуре классицизма. Но классицизм в культуре не был лишь приемом живописи или стилем архитектуры. Это была живая среда, пропитанная античными реминисценциями. Достаточно бросить взгляд на названия русских журналов до начала 20-х годов XIX века — «Аполлон», «Атеней», «Галатея», «Минерва» и др. — или на эпиграфы из Цицерона, Вергилия, Горация, Овидия и Катулла, красующиеся на титульных листах этих журналов, и, если учесть, что содержание подавляющего большинства их имело мало отношения к классической древности, мы поймем то влияние и силу, с которой античность пустила свои корни в русскую почву. Но быстрое распространение в обществе связанных с ней представлений, с другой стороны, натыкалось на чисто поверхностное впитывание ее внешних выражений, хорошо известных по характеристике пушкинского героя:

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.

Как видно, латынь по-прежнему занимала исключительное место в системе образования благовоспитанного молодого человека первой трети XIX века. Совсем не знать по-латыни было неприлично. Бывали случаи, когда специально заученными фразами щеголяли, не зная грамматики. «О греческом же языке в обществе не поминал никто: его как будто не было на свете. Знали, что учат по-гречески в духовных училищах, что есть кафедра этого языка в университете — и только»[11]. Общее представление о греко-римском мире черпалось по большей части из второстепенных французских переводов и переделок античных классиков. Сколь благотворно для русской культуры, науки и особенно литературы было непосредственное изучение древних языков и их литератур, столь же опасна была подмена этого изучения простым знакомством с античностью по французским, английским и немецким переводам.

С установлением классицизма в образовании опасность такой подмены не могла иметь серьезных оснований. «Переводы, которые мы называем лучшими... всегда относятся к своим подлинникам, как рисунок к природе, в которой

все выражается чище и яснее, чем в рисунке... Прекратив изучение языка и употребляя одни лишь переводы, мы бы преградили путь нашим успехам в познании их и, следовательно, в познании вообще, и, как изучение языка долженствовало бы прекратиться, то мы не были бы уже в состоянии уразуметь того, что от времени открывается вновь из памятников греческой письменности». Кроме этого, живые языки «подвержены беспрестанному изменению, почему переводы могут со временем устареть, сделаться негодными к употреблению и маловразумительными...»[12]. Эта речь профессора Киевского университета Нейкирха была прочитана им в торжественном собрании университета 15 июля 1839 года. К тому времени и греческий, и латинский язык уже широко преподавались не только в университетах, но и в гимназиях, названных по имени их устроителя графа С. С. Уварова «уваровскими». Изучение двух древних языков было обязательным условием прохождения курса и поступления в университет. Беда России часто состояла в том, что умственную пищу она принуждена была получать из вторых рук. Даже доказывая важность изучения древних языков в начале XIX века, приходилось обращаться к авторитету европейских ученых[13]. Поэтому и организация уваровских классических гимназий расценивалась многими как национальное благо. «Да, у нас скоро будет свое русское народное просвещение, мы скоро докажем, что не имеем нужды в чужой умственной опеке», — такими словами откликнулся В. Г. Белинский на назначение в 1834 году С. С. Уварова министром народного просвещения[14]. «Державная мысль, которой граф Уваров был счастливым и искусным истолкователем, ясно определила задачу русского просвещения, возвратив нас к коренным началам русской жизни... Исключительное и вредное преобладание иноземных идей в деле воспитания уступило место системе, истекшей из глубокого понимания русского народа и его потребностей,» — писал впоследствии об этих гимназиях Т. Н. Грановский[15]. Деятельность их прервалась в 1851 году, когда в ответ на европейские революции 1848 года русское правительство приняло решение максимально сократить количество университетских студентов, а, следовательно, и структур, дающих право на поступление в университет, считая их рассадниками революционной идеологии. Греческий язык был заменен законоведением, латынь сведена до минимума, а выпускников преобразованных таким образом гимназий предписано было брать на службу прямо по окончании учения. Всесословность была ликвидирована вслед за древними языками, что еще раз подчеркнуло невысокий образовательный ценз новых гимназий. Всю тяжесть крутых мер в области классического образования пришлось вынести на своих плечах только что окрепшим было университетам. «Горестно вспомнить об этом времени, — свидетельствует профессор Московского университета, филолог-латинист Г. А. Иванов. — Университетским преподавателям в это тяжелое время приходилось все усилия направлять на то, как бы совсем не иссякла скудная струя изучения древних языков; как бы пополнить недостаточные у большинства слушателей сведения по элементарной грамматике и хотя мало-мальски познакомить их с содержанием наиболее выдающихся произведений древнеклассических литератур. Высшие научные интересы сменились интересами преподавания элементарного»[16].

Ломка классической школы повлекла за собой упадок всей сферы умственного образования, дала мощный толчок развитию нигилизма и народничества

в русском обществе — явлениям, которые согласно воззрению правительства будто бы выросли на почве изучения древних языков и античного мира.

Но и школа 1851 года имела своих защитников. Проводя грань между общим гуманитарным образованием и специальным, творцы гимназии 1851 года создали направление, которому суждена была печальная роль: под знаменем реализма сплотить наиболее разрушительные силы общества. Естественные науки занимали в середине прошлого века особое место. Гордые недавними успехами, они, по словам Т. Н. Грановского, присваивают себе право окончательного решения вопросов, в продолжение тысячелетий занимающих разум человеческий и постоянно вынуждающих у него сознание собственного бессилия. «Такое самоупоение науки, конечно, не может быть продолжительно... Но в ожидании неизбежного возврата к более трезвым и согласным с законами разума воззрениям, естествоведение сообщает юным умам холодную самоуверенность и привычку выводить из недостаточных данных решительные заключения»[17].

Мы должны учиться не для школы, а для жизни. Этот лозунг реальной школы позволял выбросить из системы образования все предметы, знание которых не применимо в повседневной жизни. Выпускники реальной школы должны были знать Закон Божий, два новых языка, кроме родного, алгебру, геометрию, физику, химию, естественную историю, географию и даже право в такой степени, в какой это было необходимо для их применения. Но возможно ли достижение этой цели? Нет, возможно лишь поверхностное прохождение всех этих наук, хаотическое накопление знаний. Требования жизни бесконечно разнообразнее, чем тот круг сведений, которым можно снабдить ученика гимназии даже и при самом поверхностном его изучении.

Какова же цель общего образования? Воспитать человека! То, чему не может научить ни одна реальная школа в мире, заботящаяся об образовании врачей, юристов и т. п., то, без чего нет ни гражданского общества, ни государства. Поэтому традиционная педагогика обращает основное внимание на развитие и упражнение духовных сил. «Ограничивая по мере возможности число предметов преподавания, она ставит на первом плане древнюю филологию, как незаменимое никаким другим средство нравственного, эстетического и логического образования».

Но неужели такое трудоемкое изучение древних языков нельзя заменить преподаванием новых языков и литературы? Классическое образование в Европе сложилось исторически, говорят сторонники реальной школы. Изучение древних языков укоренилось на Западе «вовсе не вследствие сознания необходимости их для развития высших способностей духа, а вследствие причин исторических. Пробудившись от долгого усыпления, Западная Европа, сбрасывая вековые суеверия, требовала света и науки, а науки не было на новых языках. Должно было обратиться к наследию древних, которое до тех пор лежало бесполезно в грудах сочинений, написанных на классических языках. Отсюда сама собой возникала необходимость изучения древних языков, которая потом обратилась в школьную привычку Европы»[18]. Мы уже знаем, сколь мало верен такой вывод для истории распространения древних языков в России. Однако, усвоив подобный взгляд на историю европейского образования, реалисты не видели надобности возвращаться и вновь повторять пройденное. Прогресс в культуре был для них эволюцией примитивных форм ранних эпох

цивилизации к более поздним и потому более высоким.

«Но истинно великие произведения духа человеческого отличаются именно своей неисчерпаемостью. В этом-то и заключается тайна их бессмертия, — писал на это Т. Н. Грановский. Нельзя же нам отказаться от наслаждения поэзией древних потому только, что отцы, деды и прадеды упивались ее непреходящими красотами. Дело идет вовсе не о превосходстве античного искусства над новым, а о том, что одно не может заменить другого, что у каждого есть своя, ему исключительно принадлежащая область и прелесть. Можно предпочитать Софоклу Шекспира, нам более близкого и доступного, но кто осмелится сказать, что Софокл стал не нужен с тех пор, как явился Шекспир? Бессмыслие подобного приговора бросается в глаза, потому что оно объяснено резким примером. Однако приговор этот истекает из целой теории, имеющей многочисленных защитников, которые считают себя в праве отказываться за нас от благороднейших памятников, созданных гением угасших народов. К счастью, наука не скрепляет таких отречений своим согласием и бережно хранит вверенные ей сокровища до других эпох, более способных их оценить и ими воспользоваться».

По сути дела записка Т. Н. Грановского опровергает все основные аргументы реалистов. После ее публикации в 1855 году не много можно было найти новых доводов против изучения древних языков в гимназиях. Поэтому и последовавшая за этим полемика, не без красноречия отстаивавшая резоны сторонников того или иного направления, представляла собой в сущности старые мысли, облеченные в новые риторические одежды.

Отмена классического образования в 1851 году не уничтожила классицизм в России. Многие учителя древних языков, официально читавшие лишь сокращенный курс латыни, поставленные к тому же в весьма невыгодное положение по сравнению с гимназическими преподавателями других предметов, тем не менее часто факультативно занимались греческим языком, если находились желающие, причем в большинстве случаев совершенно бесплатно. Поддержка крупнейших русских и зарубежных ученых, печальные следствия школьной системы 1851 года, вызвавшие упадок университетского образования и распространение нигилизма, захлестнувшего учащееся юношество в России, заставили правительство предпринимать меры к восстановлению прежней системы образования. Четыре члена Государственного совета, облеченные большой административной властью — бывший попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов, адмирал Ф. П. Литке, министр народного просвещения А. В. Головин и его предшественник Е. П. Ковалевский, в самый разгар подготовки новой школьной реформы говорили об изучении древних языков в гимназиях: «Весь образованный мир, независимо от политических и религиозных разногласий, чувствует себя одною великою семьей, духовное начало которой лежит в греко-римском мире. Если мы желаем причислять себя к семье образованных народов, то не должны и не имеем права отказаться от изучения общеевропейских источников образования»[19].

Новый устав гимназий был утвержден 19 ноября 1864 года. Гимназия признавалась единственным полноправным учебным заведением, призванным дать учащимся среднее «общеполезное» образование и одновременно подготовить их к занятиям в университете. Эта двоякая цель, согласно уставу, достигалась при помощи двоякой гимназии — классической и реальной. Отличие их

состояло в том, что выпускники последней не могли поступать в университет, не сдав экзаменов по курсу классической школы. Таким образом, уступка, которой удалось добиться сторонникам реальной школы, закрепила общеобразовательное значение за реальной системой образования и создала прецедент для дальнейшей борьбы за предоставление этой школе всех преимуществ, которыми пользовалась классическая гимназия. Борьба эта не замедлила начаться. Вместе с прежними утверждениями о непрактичности изучения древних языков сторонники реальной системы говорили, что все преимущества, которые классическое образование предоставляет своим воспитанникам в деле воспитания умственных и духовных качеств, могут быть достигнуты более легким путем, через изучение новых языков, их литератур, истории и математики. Зато эти предметы не только выгодно отличаются от древних языков своей практической значимостью, но и оставляют время для занятий специальными дисциплинами: юриспруденцией, естественными науками, статистикой, географией и т. п.

Для большинства наших читателей будет небезынтересен ответ реалистам, который по справедливости может рассматриваться как credo всех защитников классического образования 60-х годов XIX века. Он принадлежит перу выдающегося филолога-классика, академика А. К. Наука[20]. Немец по происхождению, он еще в молодости приехал из Германии в Россию, где сделал ученую карьеру, приобретя европейскую известность изданиями и критикой классических текстов.

Реалисты не видят практической пользы в изучении древних языков? Но какой другой язык, кроме языка греческого, столь же необходим для его практического применения в науке? «Едва ли отыщется область человеческого знания и фантазии, или человеческой техники, в которой греческий язык не увековечил бы своего значения». Поэтому, писал он, можно требовать, чтобы «образованные люди видели в ученой терминологии не чистые иероглифы... Даже в ежедневном обиходе вряд ли кому, даже вовсе не учившемуся по-гречески, возможно вовсе избегнуть употребления греческих слов. Следовательно, чтобы не впасть в смешные ошибки на родном языке, образованным людям надлежит не совсем пренебрегать изучением древних языков». Кроме этого, знание их необходимо для всякого, кто хочет знать предшествующее развитие современной науки. Тут никак не удастся «избегнуть работы над множеством латинских книг, начиная от мельчайших форматов до самых больших фолиантов. От подобных тяжких трудов едва ли может устраниться человек, посвятивший себя ученой деятельности как своему призванию». Однако ни с чем не сравнимая практическая польза древних языков заключается в их образовательной мощи. Ошибкою было бы думать, будто школа должна научить учеников тому, что составит потом их профессию. Цель школы — «образовать ученика, т. е. развить его умственные силы, облагородить его сердце и укрепить его волю». Такою же ошибкою было бы думать, что эта цель одинаково достигается классическою и реальною гимназиями. Реальная школа заменяет изучение древних языков на новые языки. Но мерилом умственного горизонта каждого человека служит его речь, способность изъясняться на своем родном языке. Ученики изучают древние языки в гимназии для того, чтобы научиться мыслить и правильно излагать свои мысли на родном языке. Новые языки мало пригодны для развития в учащихся этой способности. Их грамматическое

строение «претерпело значительные ущербы. Только через грамматическое богатство древних языков можно глубоко проникнуть в силы и недостатки новых; а логическая строгость, существенно отличающая все древние языки от новых, открывает драгоценные способы для упражнения в правильном логическом мышлении и в объяснении своих мыслей». Изучение новых языков преследует цель научить говорить на них, цель, которая требует практических упражнений, усвоения уже готового материала. При работе с древними языками, где разговорная практика полностью заменена письменными переводами на эти языки, ученик выполняет «умственный труд», который в столь раннем возрасте не в состоянии задать ни один новый язык, ни одна отрасль науки. Польза от этих занятий будет извлекаться всегда; даже если человек забудет парадигмы и вокабулы, даже если он не сможет больше понимать прочитанных им за время обучения авторов, он сохранит «лучшее понимание собственного языка, развитие умственных способностей и большую зрелость суждения, приобретаемые всесторонним упражнением духовных сил, наконец, нравственную энергию, возникающую из бескорыстного служения высшим интересам, без всякой заботы об их рыночной ценности в практической жизни».

Занятия классическими языками открывают доступ к их литературам. Но, «чтобы иметь вкус к древним писателям, необходимо известное умственное развитие, которое редко приобретается без изучения древних языков... нужно иметь некоторую большую детскость и человечественность... нежели это возможно для большинства людей, живущих под влиянием современной цивилизации». Ведь, по словам Гете, образовав себя над произведениями античной, в первую очередь, греческой литературы, «мы получаем такое впечатление, как будто мы только впервые сделались людьми». Ее простота, ясность, спокойствие придают ей свойства «лучшей духовной пищи для юношеского возраста...» Поэтому древние языки всегда более ценны в образовании, чем языки новые. Что же касается предметов естественного цикла, то «совершенно достаточно было бы для гимназий только возбудить в учениках наклонность и способность к позднейшему развитию своих познаний в этой области». Нельзя думать, что время, потраченное на приобретение умственного развития может быть когда-нибудь потеряно. Деятельность инженера, фабриканта, коммерсанта и т. д. окажется малопроизводительной для человека недостаточно образованного, как бы рано ни взялся он за изучение своей будущей профессии. Наконец, в России более чем где-либо, исключая лишь новых греков, имеется «внешних побуждений» к занятиям классическими языками, особенно греческим языком, так как ее история и культура тесно связана и может быть, понятна только в связи с изучением культурного влияния Византии и всего греческого Востока. Но русские студенты, даже те из них, которые готовятся стать филологами, «вступают часто в университет с таким скудным запасом познаний в греческом языке, что они не имеют даже навыка в склонениях; греческие цитаты, попадающиеся в русских ученых сочинениях, заключают в себе часто столько же ошибок, сколько слов...»

Неудавшийся компромисс, возбудивший новые страсти вокруг классического образования, а также оставлявшее желать лучшего устройство школьного дела в России свидетельствовали о необходимости дальнейшей реформы, более решительной и более последовательной. Ее подготовка и проведение

связаны с именем графа Д. А. Толстого, министра народного просвещения в 1866—1880 годах, взвалившего на свои плечи добровольное ярмо всеобщей ненависти и проклятий. Нелюбовь к Д. А. Толстому и созданной им системе классицизма была вызвана двумя характерными чертами, которые он привнес в организацию классической гимназии. Этими чертами были, во-первых, грамматический метод преподавания древних языков, по которому письменные упражнения и переводы с русского на греческий и латинский ставились выше чтения подлинных античных авторов, и, во-вторых, барьерность классической школы, не допускавшая в нее никаких элементов политической деятельности, ни любой другой, кроме чисто учебной. Тем самым Д. А. Толстой думал оградить русские университеты и государственную службу от наплыва малоспособных и неблагонадежных людей.

Проведение реформы законодательным путем потребовало громадных усилий, направленных на преодоление почти поголовного неприятия классицизма либеральным обществом, включая и высокопоставленных особ: членов Государственного совета, чиновничество и сановников.

Министерские положения заключались в следующем: назначение школы состоит не в занятии науками, для которых есть университет, а в подготовке учащихся к этим занятиям. Гимназия есть «школа грамотности научного образования», почему наука не может быть там предметом преподавания. Исключение составляет лишь математика. «Систематическое изучение языка — вот единственный предмет для серьезного научного занятия в том возрасте, о котором идет речь, — писал ближайший сподвижник Д. А. Толстого, редактор и издатель «Московских ведомостей» М. Н. Катков[21]. — Древние языки не науки, но они могут стать предметом серьезного учения во всяком возрасте... Гимназия занимает своих воспитанников не филологией, не лингвистикой, а методическим изучением двух исторических языков, отличающихся богатством своей организации и своих литератур, обработанных веками для педагогических целей... Грамматическое учение есть фактическая логика, которая не налагается на учащихся, но сама собой вырабатывается в их уме». Необходимость совместного преподавания латыни и греческого М. Н. Катков выводит из целей образования, где первой принадлежит «преимущественно формальная сторона воспитания», тогда как последняя «наиболее способствует обогащению учащихся».

Новый устав гимназий император Александр II утвердил 30 июля 1871 года вопреки мнению большинства членов Государственного совета, вопреки желанию русского общества. Классическая гимназия с двумя древними языками признавалась, тем самым, единственным полноправным общеобразовательным заведением. Срок обучения в ней увеличивался до восьми лет, а чтобы выровнять знания вновь поступающих в первый класс, был организован специальный приготовительный класс. Только классическая гимназия давала право поступления в университет.

Д. А. Толстого ругали многие, ругали при жизни и после смерти. Редкий государственный деятель в России вызывал когда-либо к себе столь же единодушное чувство. Но устроенная им классическая школа оставалась неприкосновенною. Тучи, грозившие уничтожить классицизм в России, и гроза, которая не раз собиралась над ним, проходили, а классическая гимназия продолжала существовать, формируя и образуя умы тех, «кто держал в руках

судьбы России как европейской державы»[22].

Благодаря широкому распространению древних языков, развивались связанные с ними науки: классическая филология, лингвистика, источниковедение, история. Русская византинистика была представлена именами отечественных ученых мирового масштаба. Европейская классическая культура, переживаемая непосредственно, стала причиной «культурного ренессанса» в России в начале XX века.

Конечно, учение в классической гимназии — дело не шуточное, но оно и не было так отчаянно безнадежно, как его пытались представить многочисленные критики. Основная трудность классицизма состояла в постоянной нехватке хорошо подготовленных преподавателей. «Немудрено, что классицизм, обставленный чисто формальными трудностями, стал ненавистен и ученикам, и их родителям. Проваливаться никому не приятно, а идеалом русской молодежи всегда было завоевание диплома без труда, — вспоминал один из современников проведения реформы 1871 года. — Но узкие ворота в храм просвещения едва ли не были по идее очень полезны, — продолжал он, — они преграждали путь в университет той широкой волне невежественной бездарности, которая теперь вливается каждый год в нашу высшую школу. Цель университетского преподавания едва ли в том, чтобы открывать широкий доступ в государственную службу юношам, у которых один ярлык знания и которые вечно предъявляют государству неисполнимые требования...»[23].

Уничтожение классического образования в советское время было связано с разрушением всего, что имело отношение к Российской империи. Но это лишь внешняя сторона трагедии. Ее подводные камни вырастали из того отношения к классическому образованию в среде русского образованного общества, которое нельзя назвать иначе, как духовным самоуничтожением.

В заключение уместны будут слова знаменитого русского филолога-классика Ф. Ф. Зелинского, отдавшего много сил и таланта популяризации классической древности и защите древних языков как необходимой основы общеобразовательной школы. Эти слова имеют значение и по сей день. «Я глубоко убежден, — говорил он, — что возрождение русской классической школы, необходимое в интересах русской культуры, наступит тогда, когда само общество убедится в его необходимости... Возвращение общества к классической школе будет результатом пробуждения истины»[24].

Примечания

[1] См.: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899, с. 10—11.

[2] *Сменцовский* М. Указ. соч., с. 11.

[3] См.: *Сменцовский* М. Указ. соч., с. 18.

[4] Там же, с.33; Об авторе «Довода вкратце» см.: *Михайловский И. Н.* О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII столетия // Сборник историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1900, т. 3, отд. III, с.1—6. Авторство Н. Спафария подвергалось сомнению; так возможным составителем этого произведения считается Павел Негребецкий (Филарет. Обзор русской духовной литературы, кн. 1, Харьков, 1859, с. 296—297) и чудовский инок Евфимий (Брайловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902).

[5] См. в кн.: *Сменцовский* М. Указ. соч., с. VIII.

[6] Там же, с. 24, примеч. 2.

[7] *Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 7, с. 587.

[8] См. фотографическое воспроизведение этой записи в кн.: *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975.

[9] См. в кн.: *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988, с. 110.

[10] Подробный разбор речи Н. И. Гнедича см. в кн.: *Изволенский Н. П.* Гнедич, как оратор-филолог и патриот. Полтава, 1883.

[11] См.: *Гончаров И. А.* Воспоминания. В университете. // Собр. соч., М., 1980, т. 7, с. 234.

[12] *Нейкирх И. Г.* О важности изучения древней греческой словесности. Киев, 1840, с. 32.

[13] См. например, речь французского профессора *Битобе* «Об изучении древних» // Сын Отечества, 1820, ч. LXII, с. 193—208, 241—268.

[14] См: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, с. 223—224.

[15] *Грановский Т. Н.* Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы // Катков М. Н. Наша учебная реформа. М., 1890, с. 152.

[16] См.: *Радциг С. И.* Из истории кафедры классической филологии Московского Университета // Вопросы классической филологии. М., 1965, с. 193.

[17] Здесь и далее нами приводятся основные положения указанной выше статьи Т. Н. Грановского.

[18] См.: *Ушинский К. Д.* Собр. соч. М., 1948, т. 3, с. 44.

[19] *Георгиевский А. И.* Предположенная реформа нашей средней школы. СПб., 1901, с. 89.

[20] *Наук А. К.* Несколько замечаний о педагогическом значении древних языков // Месяцеслов на 1866 год. СПб., 1866, с.375—394.

[21] *Катков М. Н.* Наша учебная реформа. М., 1890. с. 99—103.

[22] *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978, с. 162.

[23] *Головин К.* Мои воспоминания. М., 1883. т. 1, с. 385—386.

[24] *Зелинский Ф. Ф.* Древний мир и мы. Лекции, читанные ученикам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. 3е изд. СПб., 1911, с. VI.

Из истории Поливановской гимназии.

Рукописный журнал «Арго»

В 1868 году в Москве открылась частная мужская классическая гимназия Льва Ивановича Поливанова. Имя основателя и первого директора этой гимназии — знаменитого педагога, критика, литературоведа — знают и помнят сегодня, к сожалению, немногие. А между тем, его жизнь — это вдохновляющий пример беззаветного служения «высокому и отрадному делу» воспитания и «развития человеческих личностей»[1].

Потомственный дворянин Нижегородской губернии Лев Иванович Поливанов родился 27 февраля 1838 года в сельце Загарине, Нижегородской губернии, Сергачского уезда. В 1844 году после смерти матери семья Поливановых переселилась в Москву, где после нескольких лет занятий с домашними учителями, мальчик поступил в гимназию, а по окончании ее, в 1856 году, на историко-филологический факультет Московского Университета.

Лекции Шевырева, Буслаева, Тихонравова, Леонтьева вдохновляли юношу, желавшего посвятить свою жизнь педагогике.

После окончания Университета Поливанов в течение нескольких лет преподает русскую словесность в женском Мариинско-Ермоловском училище. А в 1868 году вместе с группой коллег-единомышленников открывает частную классическую гимназию, считая классическую школу «единственно жизненной гуманной школой, которая доказала свою плодотворную силу всей историей европейского просвещения и европейской науки»[2].

Л.И. Поливанов с учениками. (Публикуется впервые.)

Учебное заведение, открытое в доме Куренкова на Тверском бульваре, «состояло из подготовительного класса и 8 классов гимназии». Принимались «лишь дети христианских вероисповеданий». В списке изучаемых предметов: Закон Божий, русский язык, логика, латынь, греческий, математика, физика, история, география, французский, немецкий, рисование, чистописание и гимнастика.

Очень скоро гимназия становится одной из самых известных в Москве. По словам самого Поливанова, «она была избрана местом обучения тою средою

русского общества, которая понимает, что как бы ни была сильна страна своими материальными силами, как бы обширны ни были ее размеры, сколько бы новых богатств ни открыла она в недрах своей земли, она будет бессильным трупом без многочисленного слоя граждан, вооруженных с детства серьезным гуманитарным образованием, законченным в университете трудом в области строгой науки. На всех поприщах нужны такие люди в стране, желающей жить достойною историческою жизнию»[3].

В гимназии Поливанова с самого ее основания был выработан своеобразный учебный курс, в котором «изучение древних языков и авторов было приведено в согласие с изучением языка и словесности русской»[4].

Педагогические методы Поливанова и педагогов его гимназии основывались на стремлении «развить из детей живые личности, т.е. существа, способные принести на общее благо ценный дар своей индивидуальности; способные избирать дело по призванию, загораться только трудом, направленным к добру; личности, хранящие в себе чувство собственного достоинства, потому что оно есть в то же время и достоинство доброго для них дела...»[5].

Именно поэтому жизнь гимназии никогда не ограничивалась сферой собственно учебной. В своей речи, произнесенной в честь 25-летия гимназии, Поливанов говорил: «Жизнь школы, конечно, прежде всего, состоит из серьезного учения: но и удовольствия, если они являются свободно, не навязываются и естественно возникают из настроения юношества, должны считаться важным воспитательным фактором их развития. У нас это побуждение к изящному досугу проявлялось неоднократно — то в спектаклях, то в литературных чтениях, то в добровольном слушании лекций, то в приватном изучении поэтических произведений, то в собственных литературных опытах. Мы всегда пользовались благоприятным случаем и поощряли эти благородные стремления наших учеников.

Так, еще в первые годы, составился у нас спектакль, на котором воспитанники сыграли «Ревизора» Гоголя в зале гимназии; в 70-х годах явилась возможность исполнить там «Гамлета» Шекспира; в 3-й раз в пансионе Янчина явилось у воспитанников желание сыграть «Женитьбу» Гоголя, а затем в моем пансионе — сцены из «Недоросля» и «Завтрак у предводителя» Тургенева.

Один из этих спектаклей, а именно исполнение пьесы Шекспира, неожиданно сделался началом ряда шекспировских спектаклей вне гимназии, когда главные исполнители его, уже окончившие курс, пожелали организовать целую серию подобных спектаклей — и вот в течение почти 10 лет существовал в свое время известный в некоторых кругах Москвы так называвшийся «Шекспировский кружок».

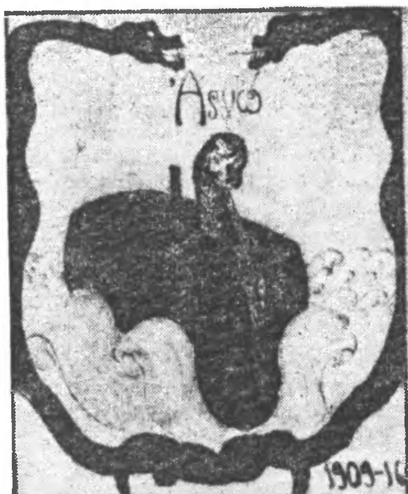
Но не одно драматическое искусство одушевляло юношей... Когда в 1872 г. знаменитый историк С. М. Соловьев читал по воскресеньям ряд публичных лекций о Петре Великом в зале Благородного собрания, на которые съезжалась вся образованная Москва, — наши воспитанники старшего класса усердно посещали эти лекции...

На Пушкинском празднике при открытии поэту памятника в 1880 г. бывшие и современные этому празднеству воспитанники приняли живое участие в нем в качестве помощников моих по устройству публичных заседаний Общества Любителей Российской словесности, литературно-музыкальных вечеров и пушкинской выставки...

С 1881 по 1886, благодаря покойному профессору Сергею Алексеевичу Усову, проходили по субботам у меня чтения по истории искусств...

Наконец, в последних выпусках уже 90-х годов среди воспитанников явилось побуждение самостоятельно пополнять литературные познания свои и попытать свои литературные силы...»

Рукописный журнал «Арго», страницы из которого перед вами, издавался

Обложка работы Владимира Топленинова («Арго», 1909—1910)

Обложка работы Сергея Шервинского («Арго», 1910)

воспитанниками поливановской гимназии в 1909—1911 г. Журнал имел несколько постоянных разделов: проза, поэзия, музыкальное творчество (в каждом номере редакция публиковала музыкальную пьесу своего постоянного автора П. Микулина). Почти все сотрудники «Арго» приносили в журнал свои рисунки, а Д. Чернов вел отдел карикатуры.

Несмотря на то, что это лишь первые литературные опыты совсем молодых людей, в них «нельзя не узнать того благородного вкуса, того старомосковского общественного духа, который всегда делал Москву хранительницею русской образованности» (Поливанов)[6].

[1] 25-летие Моск. частной гимназии, учрежденной Л. И. Поливановым, М., 1893.
[2] Памяти Л. И. Поливанова (к 10-летию его кончины), М., О-во бывших воспитанников гимназии Л. И. Поливанова, 1909.
[3] 25-летие Моск. частной гимназии, учрежденной Л. И. Поливановым, М., 1893.
[4] там же.
[5] там же.
[6] 25-летие Моск. частной гимназии, учрежденной Л. И. Поливановым, М., 1893.

СЕРГѢЙ ШЕРВИНСКІЙ

ВЪЗАРѢ.

путевыя впечатлѣнія.

Мы сели в Фиуме на венгерский пароход «Гёдёллё» около 12-ти дня. Пароход большой, спокойный, хорошо и богато отделанный. На широкой палубе под тентом сидит разноплеменная публика. Больше едут ради прогулки; всех занимает этот старинный город, о котором много говорят, но куда редкий заезжает. Сообщение с Зарой только пароходом, ибо значение ее, как торгового города, теперь настолько упало, что к ней не идет даже железной дороги... Но вот раздался низкий звон пароходного колокола, и тяжелое тело парохода, слегка задрожав, стало отчаливать из веселой гавани уютного и симпатичного Фиуме. Радостно и весело начало морского путешествия. Для человека, любящего море, нет большего наслаждения, как вдыхать чудный морской воздух и смотреть сквозь легкие волны в зеленовато-синюю, прозрачную морскую глубину... Погода хорошая. Даль окутана легкой вуалью, едва заволакивающей очертания живописных островов. На палубе оживленье; многие повскочили со своих мест и в последний раз прощаются с гостеприимными берегами спокойного Кварнеро. Пароход мерно разрезает почти неподвижное лоно залива, и за ним тянется бесконечный прямой след, темно-зеленой полосою выделяясь на глади моря; и по зеленой воде разбегаются кружевами узоры белоснежной кипящей пены. Под голубым небом, ярко блестя на солнце, кружатся в воздухе легкие чайки. Путешественники бросают им хлеба с парохода, и они одним взмахом крылий бросаются в объятья родной стихии и, вновь вылетая из клубящейся пены со случайной добычей, несутся за пароходом...

Фиуме постепенно сливается в розовый, веерообразный узор, и скоро мы перестаем его видеть, въехавши в узкий фиорд между двумя островами. С одной стороны на отлогом острове Вельи рассеяны человеческие жилища: небольшие города, маяки или стены старого монастыря, обсаженного стройной рощей кипарисов. Пароход идет как-то особенно невозмутимо, но зрение и чувство еще не притупились, глаза неутомимо бродят по берегам, стараясь как можно более запечатлеть в памяти, и грудь с наслаждением вдыхает соленый морской воздух, живительный и кристально-чистый. Миновав Велью, мы идем почти открытым морем параллельно берегу, по которому неизменно тянется грандиозный каменный Велебит, главная возвышенность всей Далмации... Проходит час-полтора. Налево все тот же Велебит, направо ласкающее открытое море. Как легко дышится на Юге теплым сентябрьским днем! А пароход так же невозмутимо движется по глади моря. Смотреть налево надоело; там все тянется хребет, великолепный в своем диком безлюдьи, но до скучности однообразный. Направо мелькают пирамидообразные, очень похожие друг на друга острова, да и море как-то потускнело. Руки уже не раскрывают для справок послушного путеводителя, и вся приумолкшая публика лениво сидит на палубе; одни дремлют, другие бесцельно блуждают взором вокруг. А между тем прошло только четыре часа, как мы в дороге. Ведь переезд до Зары считается прогулкой. Однако скука начинает закрадываться в сердце. Начинает раздражать эта флегматическая невозмутимость парохода, хочется его поторопить, а между тем, хотя он идет скоро, кажется, что мы все стоим на месте, и только зеленый след бежит и бурлит за кормою. И, несмотря на то, что кругом красиво, ново и невиданно, монотонность путешествия действует на непривычного человека утомительно и неприятно. Прошло еще часа два. По

времени мы должны были приближаться к цели... и вдруг все бинокли направились вдаль, путешественники сбились в кучу ближе к носу: неизменный англичанин развернул неизменного Бедеккера; на палубе поднялось оживление: кто собирает вещи, кто поправляет прически, кто просто суетится; пароход точно ожил — вдали показалась Зара. Показалась она сначала в виде белой полоски, затем превратилась как бы в красивый кремль, выступающий прямо из воды. Уже смутно можно различить башни церквей. Странное чувство овладевает человеком, когда он приближается к месту, которого ждал, о котором думал. Всегда действительность обманывает, иногда разочаровывает, иногда внезапно восхищает. И Зара оказалась совсем не такой, какою я ее себе представлял... Через полчаса мы уже, вертя кормой, вступали в гавань.

Первое, что бросается в глаза, — это поразительно казарменный вид набережной, все дома уныло похожи друг на друга и имеют в общем южно-европейский характер. Пока мы вглядываемся в серый ряд домов, пароход причаливает, и пассажиры, спеша и толкая друг друга, спускаются по трапу на мол, где нас встречает пестрая толпа, толпа, которую можно встретить лишь на Балканском полуострове. Рослые, очень смуглые морлаки в красных далматских шапочках, которые далматинцы носят на затылке, прикрывая лишь незначительную часть своих угольно-черных волос, в национальных вышитых костюмах сербского характера; женщины тоже очень смуглые, одетые тоже в национальные костюмы, итальянцы и итальянки общеевропейского образца; все это шумит, волнуется с чисто южным темпераментом. Носильщик — итальянец предлагает свои услуги. Он мгновенно взваливает ваши вещи на нечто вроде тачки и вместе с другим носильщиком готовится везти ее. Лошадей нет; стало быть придется все время ходить по городу пешком. «Отель Бристоль», говорим мы ему. Он почти побежал, и мы еле поспеваем за этим морским разбойником. «Бристоль» оказался тут же на набережной. «Есть комнаты?» — «Ни одной». Мы опечалились. Отель с виду хороший, да к тому же мы знали, что кроме Бристоля в Заре всего две гостиницы, одна из них, нам говорили, приличная, а другая нестерпимая. Тут же мы узнаем наших пароходных спутников; некоторые успели захватить комнату, другие, как и мы, подумавши немного и переспросивши раза три, действительно ли нет комнат, бегут искать по свету другого пристанища. А между тем уже почти совсем стемнело, море окуталось дымкой, на набережной пахнет рыбой и водорослями... Хочется после пути отдохнуть, привести себя в порядок. «Гранд отель», говорим мы ему, и снова бежим. С набережной наш факкино повернул в узкую и полутемную улицу, затем, сделав несколько поворотов, ничего почти не замечая, очутились мы на главной улице; европейский характер набережной совершенно не отразился на внутренности города. Здесь все напоминает балканский Восток. Внезапно наш факкино останавливается у невзрачных ворот. Это и есть «Гранд отель». Грязный и очень старый итальянский домишко. Мы прошли в ворота и попали в небольшой двор с вьющимися растениями, весь наполненный чадом из кухни, которая находится тут же, на виду. Сквозь зловонный чад пробрались мы в дверь на узкую и ничем не освещаемую лестницу. Старая и чрезвычайно грязная итальянка указала нам комнату. Но какую же комнату! Маленькая, темная и с нежелательным

мелким населением. Однако делать нечего, надо расплачиваться с факкино. Мы ему и по-немецки, и по-русски, — там многие славяне понимают по-русски, — но он кроме родного языка счастливой Италии не знает никакого. Несколько мгновений простояли мы друг перед другом в красноречивом молчании; наконец удалось кое-как объясниться, и он ушел... Я думаю, что та гостиница, в которой останавливался Хлестаков, вряд ли была хуже... Но из окна чрезвычайно интересный вид: старая круглая башня романского стиля, овитая плющем, живописные дома. От этой старины, оплетенной спокойной зеленью, от розовых цветов растущих внизу олеандров веяло поэзией минувшего, но стоило обернуться во внутрь комнаты, как все обаяние пропадало... Через час мы уже ужинали в «Бристоле», на набережной. Вид на море красивый. Черными силуэтами выступают острова, и воздух темно-синий и теплый... Возвращаться в грязь отеля не хотелось, и мы пошли побродить по улицам. Вышли на виа Ларга. Странное, оригинальное впечатление. Улица имеет в ширину аршина 4 и тянется с одного конца города на другой. С обеих сторон поднимаются высокие дома, образуя из улицы длинное ущелье; магазины и лавки ярко освещены. Тротуаров нет; по мостовой движется гуляющая толпа. Чувствуется южное непринужденное веселье и оживление. Публика изящно одета. Много белых кружевных платий. Слышится смех, итальянская речь, говорливая и благозвучная. На главной площади города, пиацца деи синьори, сверкающей огнями, расставлены столики, переполненные народом, играет военный оркестр. Здесь совсем итальянский дух; общая картина площади с оживленной публикой напоминает Венецию, только в миниатюре. На площади находится башня с часами совсем венецианского характера и очень изящное здание публичной библиотеки... Хотя мы несколько и развеселились в южной толпе, хотя Зара и очень живописный город, но оставаться в подобной гостинице было невозможно, и мы на следующий день утром решили уехать обратно в Фиуме. Я знал, что Зара богата произведениями искусства и особенно древними памятниками. Надо было успеть все осмотреть рано утром... Ночью перед нашим окном каждые четверть часа звонил колокол на башне собора и звонил не просто один раз, как обыкновенно, а перед каждым звоном еще повторял, сколько часов, так что, чтобы пробить без четверти час, колокол ударял 15 раз... Вставши очень рано, мы отправились осматривать город.

Зара расположена на острове, отделенном от материка каналом, прорытым еще венецианцами, под владычеством которых Зара находилась долгое время, и которые наложили на нее свой яркий отпечаток. По ту сторону канала находятся морские купанья и ничем не замечательный пригород. Зара настолько мала, что ее можно смело обежать в полтора-два часа... На северном конце города находится площадь; на ней, вокруг коринфской колонны эпохи римского владычества расположился рынок. Живописно лежат корзины, наполненные темным виноградом, роскошными грушами, разнообразными овощами. Продавщицы в национальных костюмах. На голове у них тоже надеты вышитые шапки, на груди висят монетные ожерелья; обращает на себя внимание своеобразная вышитая обувь; почти все платья белые с синим и с красной вышивкой. Лица женщин загорелы, некрасивы и носят отпечаток какой-то угнетенности; мужчины же суровы,

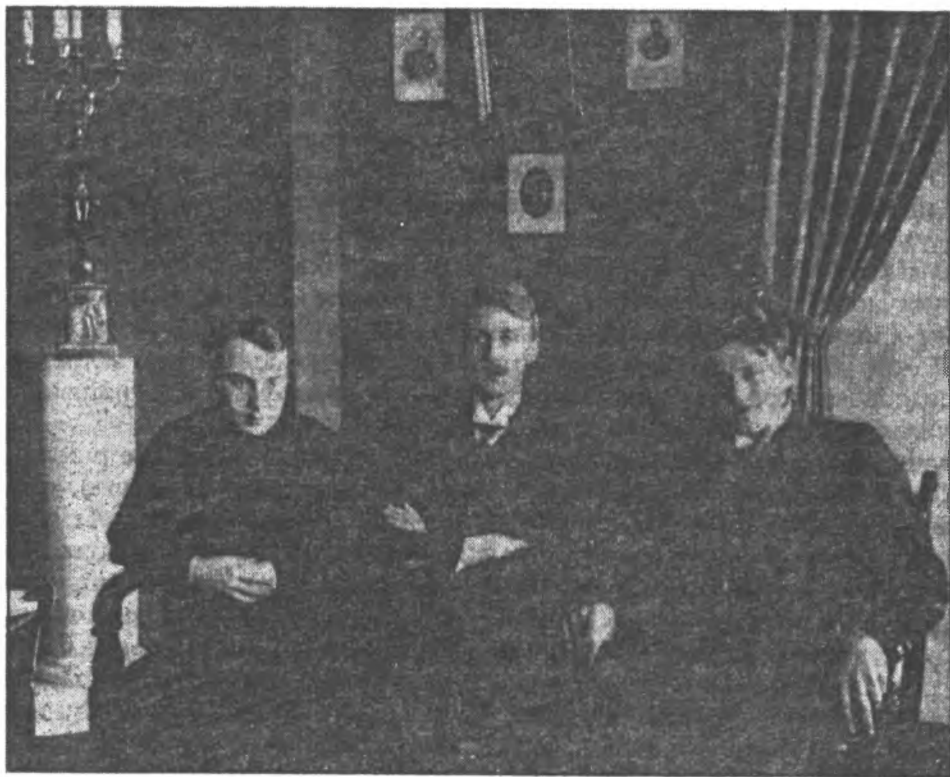
одеты в грубое горное платье; они – типичные обитатели Балканского полуострова; такими изображаются обыкновенно черногорские типы... Недалеко от рынка находится знаменитый собор, Санта Анастасиа. Собор – замечательное, редкое здание. Яркий пример романского стиля, он восхищает гармоничностью своих бесчисленных колоннок, соединенных круглыми арками, на фасаде. Над одною из входных дверей изображен причудливый ягненок, символ Доброго Пастыря. Мы взошли внутрь. Внутренность также типично романского стиля, но испорчена излишней ревностью своих прихожан: великолепные романские колонны зверски задрапированы бархатными фестонами; от всего храма так и веет средневековой стариной. Другая, не менее замечательная церковь – Сан Гризогоне, тоже романская, но еще старше, чем собор. Она с часу на час может обрушиться; поэтому в нее не пускают, да и снаружи она поддерживается подпорками... От церкви Сан Гризогоне очень узкая улица, пересекая небольшую площадь, ведет к Порта Марина, составляющей выход к каналу. Порта Марина помнит расцвет Венеции. На ее классическом фронтоне красуется царственный лев Святого Марка. Гуляя по Заре, живо воображаешь те далекие времена, когда из-за цветущего порта сталкивались туманные силы туманного средневековья, когда по зарскому каналу двигались богатые венецианские триремы, и когда слепой Дандоло направлял крестоносные полки к ее окруженным водою стенам... Вообще Зара, такая беззаботная вечером, показалась мне утром мертвым, отжившим городом. Совсем нет животных, не только лошадей и ослов, для которых в Заре нет больших расстояний и которые с поклажей вряд ли разъехались бы на большинстве улиц Зары, но даже собак. Исключение составляют куры, которых какая-нибудь старая баба предлагает даже путешественнику, бесцеремонно держа их за лапы. Да и народ славянский, составляющий бедную часть тринадцатитысячного населения Зары, какой-то молчаливый и забитый... Но и в деловое утро Зара имеет чрезвычайно живописный и оригинальный характер. Можно смело сказать, что в Западной Европе нельзя ничего встретить подобного. Зара – типичный город Балканского полуострова, красивый и милый в своем беспорядке, дикости, тесноте и грязи...

На другом конце города находится снова площадь и тоже с римской колонной. На этой площади находится 5 колодцев (чинкве поцци), тоже очень старинные; из этих колодцев население Зары добывает себе воду; женщины носят ее на спине в больших и низких деревянных ушатах. Над одним из колодцев стоит статуя Нептуна. На этой же площади возвышается тоже очень древняя Торре де Буове д'Антона, вероятно, того самого, которого русская сказка величает Бовою из града Антонова, осьмиугольная башня крепостного характера. На противоположной стороне площади, за колодцами находится Джиардино публико, тенистый, расположенный на возвышенности, густой сад, кажется, единственный оазис зелени во всей Заре; Из сада очень красивый вид на предместья...

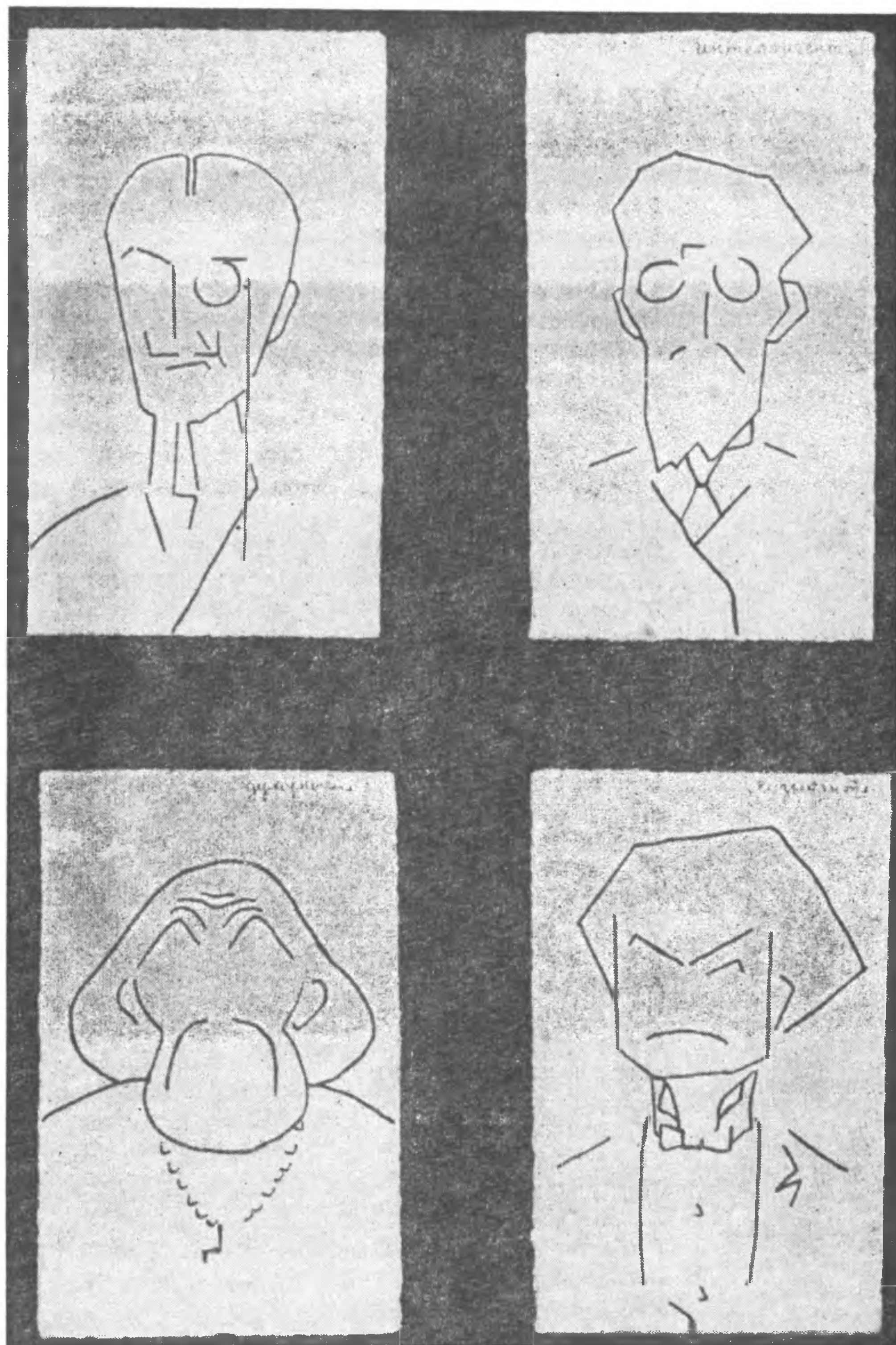
Много еще интересного в Заре: красивые портики и двери, напоминающие о счастливой эпохе возрождения, старые церкви, из которых самая древняя, Сан Донато, превращена в музей древностей, ворота, характерные дома с изображением венецианского льва и бесконечные бытовые картины живописного и своеобразного народонаселения... Несмотря на раннее утро,

магазины были уже открыты. Главный предмет торговли Зары составляет мараскин, который готовится в Заре на все Европу. Вообще магазины приличные, хотя многие носят восточный характер. Я купил фотографий и открыток, хотелось приобрести что-нибудь национальное на память. Подвигаясь к определенному часу к набережной, мы наткнулись в одной узкой уличке на лавку кустарных изделий. Выбравши шапки и тканые пестрым рисунком сумки, я спрашиваю продавца сначала по-немецки. Не понимает. Я по-итальянски. Молчит. Тогда я по-русски. Славянскую речь он понял и с сияющей улыбкой спросил:«Вы чешски?» Я ему отвечал, что мы русские. «А, русски,» — еще более улыбнувшись сказал он — и мы расстались... Когда мы пришли к пристани, пароход уже подошел... Скоро начал удаляться образ живописной Зары, и через 8 часов однообразного путешествия мы были уже снова в Венгрии, в Фиуме, и перебирали впечатления от этой удивительной, очаровательной и нестерпимой Зары!

Арго, 1909—10 гг.

Редакция рукописного журнала «Арго»:
Лев Остроумов, Сергей Шервинский, Владимир Топленинов.

Сергей Шервинский. Типы. ("Арго", 1910)

С. Шервинский

Ахилл и Пенфесилея

Во главе младого строя
В пыл стремительного боя
Прибыл царственный Ахилл.
Меч его тяжел и звонок.
Много славных амазонок
Он десницею сразил!
Но из храбрых жен Лемноса
В шуме бранного хаоса,
Златошлемная жена,
Лишь одна Пенфесилея,
Жаждой битвы пламенея,
Бьется, мужества полна.
Прямо юная царица
На Ахилла дерзко мчится
И меж ними бой горит.
Долго их единоборство,
Но сломил жены упорство
Победитель — Эакид.
Воин гордо засмеялся,
Но внезапно приподнялся
Шлем царицы перед ним —
Вдруг он видит пред собою
Деву с чудной красотою,
С ликом бледным и немым.
И смущен, и беспокоен,
Созерцал унылый воин
Полумертвую жену.
Не помчался он с погоней,
Чуял он под тяжкой броней
Сердце храброе в плену.
«Встань, царица», пламенея,
Звал в смятеньи сын Пелея.
«Пред тобой паду я ниц.
Твоему покорен стягу,
Здесь у ног твоих я лягу,
Встань, царица из цариц!»
Но бледней, чем цвет лилеи,
Лик немой Пенфесилеи;
Оборвалась жизни нить,
И Гермес уж смотрит зорко,
Чтоб ее в пределы Орка,
В царство смерти проводить.

«Арго», 1910 г.

Сергей Шервинский. Вакх. ("Арго", 1910)

Музеи мира

Редакция открывает этот раздел журнала публикациями об одном из крупнейших музеев Европы. Перед вами — статья 1912 года об открытии Музея Изящных Искусств в Москве и статья о сегодняшнем дне музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Его античная коллекция — это около 25 тысяч произведений.

Музей Изящных Искусств имени Императора Александра III при Московском Университете

(К его открытию)

I

Нынешней весной Москва обогащается новым музеем. В мае предстоит открытие Музея Изящных Искусств имени Императора Александра III при Московском Университете. Скромная коллекция университетского кабинета изящных искусств и древностей разрослась в тысячи номеров, наполняющих роскошное здание, которое возвышается в нескольких шагах от Храма Христа Спасителя. История возникновения музея в кратких словах такова: еще в начале XIX ст. профессора Московского Университета мечтали о собрании при Университете копий со знаменитых памятников искусств. Проф. С. П. Шевырев горячо пропагандировал мысль об основании при Московском Университете «исторической скульптурной галереи». Был даже составлен «Проект Эстетического Музея», получивший одобрение Торвальдсена, но за неимением средств оставшийся без исполнения.

Только в 50-х гг. усилиями проф. П. М. Леонтьева было положено, в самой скромной форме, основание такого музея путем приобретения для университета тех копий с произведений античного искусства, которые можно было приготовить в петербургской Академии Художеств. Надо иметь в виду, что тогда по уставу не существовало и особой кафедры истории и теории искусств. Таковая была введена только уставом 1863 г., и первым профессором, занявшим ее, был К. К. Герц. Но и он, по недостатку отпускавшихся средств, мог приобретать только вазы, терракоты и снимки с разного рода мелких предметов, пока в 1868 г. В. П. Боткин не пожертвовал особый капитал на приобретение гипсовых слепков с античных статуй, общее число которых к началу 90-х гг. дошло до 60 номеров. Проф. И. В. Цветаев, заняв эту кафедру, продолжал дело своих предшественников и, благодаря своей неутомимой энергии, довел его теперь до конца. Не перечисляя здесь всех жертвователей, содействовавших постройке здания музея и подбору его коллекций, все же должно отметить, что основной капитал был пожертвован В. А. Алексеевой, а впоследствии значительную часть всех расходов принял на себя Ю. С. Нечаев-Мальцев. Большую помощь и поддержку делу сооружения музея оказал и покойный Великий Князь Сергей Александрович, принявший на себя звание председателя комитета по сооружению и оборудованию музея.

Уже самый фасад здания музея, облицованный белым уральским мрамором и украшенный двумя фризами, одним — работы проф. Залемана, изображающим Олимпийские игры и находящимся снаружи здания, а другим — представляющим реставрированную копию фриза Парфенона, помещенным позади колонн, — производит внушительное впечатление. Это впечатление усиливается, когда посетитель, войдя, стоит перед широкой главной лестницей из разноцветных мраморов. Поднявшись по ней, входим в портик музея, уставленный роскошными колоннами, сделанными из розового венгерского мрамора. Наличники дверей, ведущих из портика в прилегающие залы, сделаны из того темно-зеленого фессалийского мрамора, из которого были некогда сделаны колонны храма святой Софии в Константинополе. Всего музей содержит в себе 22 залы, из которых две, так называемые греческий и христианский дворики, грандиозных размеров. (...)

II

Переходя в расположенный по соседству греческий дворик, зритель невольно поддается чарующей красоте выставленных там памятников античной архитектуры. Прямо перед ним возвышается памятник Лисикрата, налево находится портик Кариатид Эрехфейона; направо поднимается под самую крышу угол Парфенона, скопированный в на-

туральную величину, причем его основание пришлось углубить ниже первого этажа здания. Несколько ближе к входу стоит гигантская колонна из Персеполя с капителью из двух голов быков. Стоя у входа на дворик, как-то не воспринимаешь всей громадности находящихся на нем памятников; и ее начинаешь понимать только тогда, когда кто-нибудь встанет у самого основания Парфенона. Копии перечисленных памятников в таких размерах, кроме Москвы, имеются только в двух музеях: в Ecole des Beaux Arts в Париже и в Carnegy-Institut в Питтсбурге.

Спустившись вниз и став спиной к памятнику Лисикрата, зритель имеет перед собой часть дорического портика, исполненного в пропорциях храма Фесея в Афинах. Таким образом, здесь собраны образцы всех трех стилей: дорического, ионического и коринфского.

В следующих залах, ввиду многочисленности выставленных там памятников искусства, можно перечислить только наиболее выдающиеся из них. Отметим статую возницы из Дельф. Сделанная из гипса, она до полной иллюзии производит впечатление бронзовой, так искусно покрыта она краской. Впрочем, этим отличаются все статуи музея; одним из наиболее ярких примеров того, до какого совершенства может дойти эта имитация, мы имеем в известной статуе Артемиды Эфесской. Здесь гипс на лице, ногах и руках вполне передает черный мрамор, тогда как гипс прочих частей тела так натурально покрыт окраской, что не верится, что жилки на нем принадлежит не самому материалу, а проведены поверх него.

Две залы V и VI посвящены Мирону, Фидию, Поликлету и их школам. Здесь, помимо статуй работы названных художников, находятся фронтоны и метопы из храма Зевса в Олимпии, барельефы Парфенона и т. д.; и здесь же находится модель Акрополя, сделанная в масштабе 1/425, со всеми его сохранившимися развалинами. Исполнена она берлинским скульптором Вальгером под руководством Дерпфельда и Михаэлиса, и на ней нанесены все результаты новейших исследований, причем надписи все сделаны на русском языке.

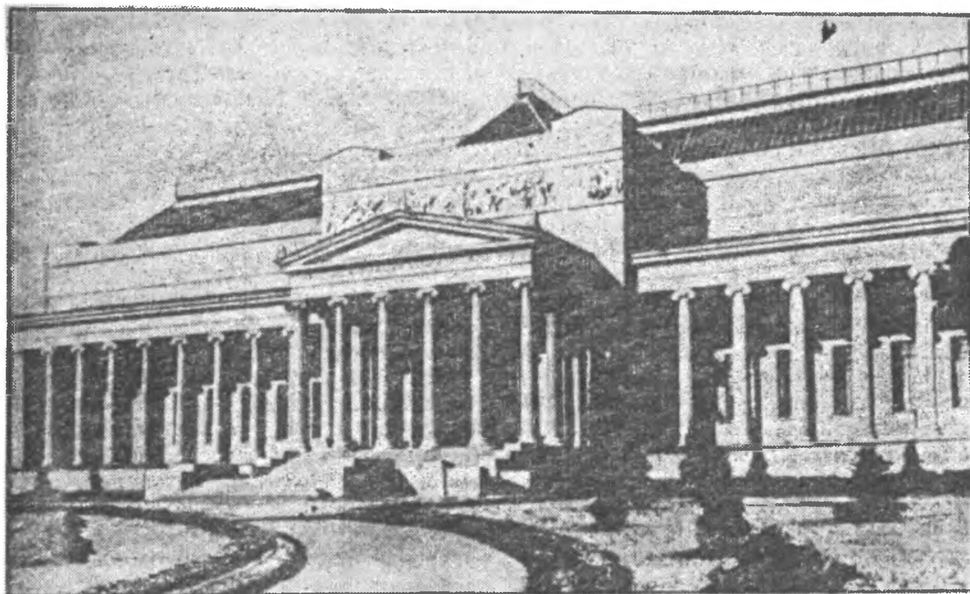
Рядом, в следующей зале, находятся образцы рельефов из Фесейона и храма Аполлона в Бассах.

Отдельная зала посвящена скульптурам Праксителя и его школы. Здесь получили место знаменитый Гермес из Олимпии и лучшие копии Афродиты Книдской, Эроса, Диониса и др. Рядом с реставрированным Гермесом стоит копия статуи в том виде, в каком она дошла до нас; точно так же поступили с Никой Пэония, и это, по нашему мнению, вполне правильно. В музее, предназначенном для широкой публики, реставрации, передавая первоначальный вид статуи, дают более целое впечатление, тогда как в своем обезображенном временем виде статуи были бы для нее рядом обломков, ничего не говорящих, или, что еще хуже, возбуждающих недоумение и вопрос, в чем же состояла красота столь прославленного античного искусства.

Рядом с залой Праксителя в небольшой зале помещен ряд слепков с надгробных аттических памятников, причем они выбраны с тем расчетом, чтобы иллюстрировать картины повседневной семейной жизни: «Здесь мы имеем целую серию изображений разных покойников V и IV вв.: детей, девушек, юношей, матерей и отцов семейства, похищенных смертью в расцвете их лет, и рядом с молодыми покойниками там стоят преклонные старцы, одиноко и грустно пережившие своих любимых детей. Трогательные сцены прощанья навсегда уходящих в иной мир или занятия любимыми делами (напр., красавица перебирает свои драгоценности, мальчик сажает птичку в клетку или держит в руках своего друга— зайчика), — вот обыкновенное, хотя и не исключительное, содержание скульптурных плит, здесь старательно собранных». На стене этого зала висит громадная картина, изображающая вид древнего афинского кладбища V и IV вв. до Р. Х., только для большего художественного эффекта перенесенного на берег южного моря с его лазурными водами.

В дальнейших залах перед нами проходит фриз Мавсолея, статуя Мавсола, ряд изображений Александра Великого и других статуй, приписываемых Лисиппу и его школе. Эллинистическому периоду, школам родосской, пергамской и александрийской, посвящены особые залы. Здесь мы находим почти полный подбор статуй из знаменитой группы Ниобид, Фарнезского быка, Лаокоона (жаль только, что по техническим соображениям пришлось сделать отлив его с прежней реставрацией), спящую Ариадну, рельефы Пергамского алтаря, умирающего Галла, Галла, убивающего себя и жену и т. д.

Последующий зал античного искусства посвящен римской эпохе. В нем собрана богатая коллекция портретных бюстов и статуй республиканского и императорского периода, рельефов и масса предметов домашнего, религиозного и военного обихода, сделанных из бронзы: зеркала, чаши, кувшины, тарелки, треножники, фалеры, шлемы и т. п.

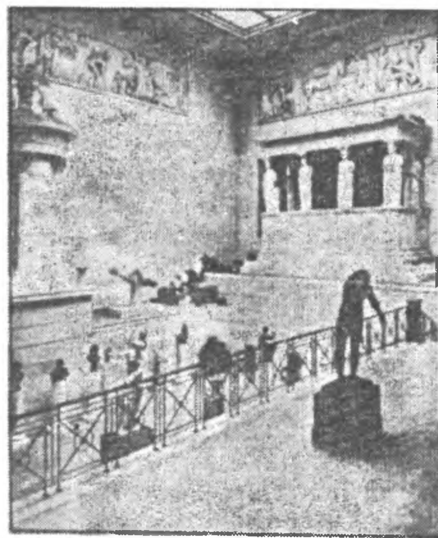
Фасад музея: 1912.

В Музее имеется и точная копия Гильдесгеймского клада, сделанная гальванопластикой и покрытая золотом и серебром. В этой же зале посередине возвышается громадный алтарь, причем барельефы, покрывающие его стороны, впервые составлены в том порядке, как указал Фуртвенглер: три стороны занимает изображение свадьбы Аполлона и Амфитриты, находящейся в Мюнхене, а на четвертой представлена suovetaurilia из Лувра.

Не забыты в музее и копии с античных фресок: Альдобрандинская свадьба, Ио и Аргус (из Casa di Livia), воспитание Вакха (из Museo Nazionale delle Terme), картины из Одиссеи (с Палатина), некоторые фрески из Помпей, фрески из коллекции «Catrapa» в Лувре дополняют копии с художественных сокровищ древности, собранных ныне в Москве. (...)

А. Захаров

Печатается с сокращениями по: «Гермес», 1912, 9-10.

Греческий дворик. 1912.

Музейные коллекции в наше время

Со дня торжественного открытия Музея изящных искусств прошло 80 лет. Ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — одно из крупнейших художественных собраний Европы.

Задуманный как музей слепков, он уже в годы строительства постепенно расширяет свои рамки. Передача в 1909 году коллекции Египетских древностей В. С. Голенищева, по словам И. В. Цветаева, "было чудное начало для нашего музея". В том же 1909 году русский консул в Триесте М. С. Щекин жертвует строящемуся музею коллекцию итало-греческих икон и живописи мастеров проторенессанса, собранную им в Италии. Затем последовали и другие дары.

В ноябре 1923 года Музей изящных искусств передается из состава Московского университета в систему Наркомпроса РСФСР. По словам Николая Ильича Романова, назначенного его директором, "музей... получал возможность нового развития и становился из учреждения...научно-учебного характера музеем искусства в настоящем широком смысле этого слова." ("Жизнь Музея", 1925,I, с.6). Реорганизация Музея изящных искусств ознаменовалась еще двумя, важнейшими для его будущего событиями. В 1924 году в музей переводится Гравюрный кабинет Румянцевского музея, а в ноябре того же года открывается картинная галерея. Появление последней было предсказано И. В. Цветаевым еще в 1899 году. В одном из писем Р. И. Клейну он писал: "Я слышу советы если не составить, то приготовить место для систематической картинной галереи иностранных школ, в их историческом порядке, в копиях... Как знать, что после меня директор Музея, любитель и знаток именно живописи, не пожелает заняться этой отраслью организации Музея? Он будет прав, так как и наименование Музея обнимает все изящные искусства". Действительность превзошла ожидания И. В. Цветаева. Не копии картин, но сами подлинники составляют ныне обширное собрание живописи музея, известное во всем мире.

Сбывается и другая мечта основателя музея — создание на Волхонке "целого музейного городка". Сегодня в отреставрированном "Доме Верстовского", что рядом с основным зданием, размещается Отдел гравюры и рисунка. Заканчивается реконструкция бывшей гостиницы "Княжий двор", куда переедет Музей личных коллекций, созданный при музее в 1985 году. Прорабатывается план реставрации старинного квартала на Волхонке, внутри которого будет построен современный депозитарий и выставочные залы. Все это — насущная потребность музея. Ведь коллекции его за прошедшие десятилетия выросли в 50 раз и насчитывают теперь более полумиллиона памятников. И если самые ранние из них датируются V тысячелетием до н. э., то другую границу указать невозможно — ежегодно среди новых поступлений в коллекции музея приходят и произведения, созданные в наши дни.

Новое положение музея видоизменило и углубило все стороны его жизни, судьбу всех разделов и коллекций, в том числе собрания памятников античного искусства.

Ко дню открытия музей обладал не только редкой по своей полноте и качеству коллекцией слепков с памятников греческого и римского искусства, но и небольшим собранием подлинных произведений. Основу его составили монеты, вазы и терракоты, принадлежавшие с середины XIX века университетскому Кабинету изящных искусств. Эти предметы были принесены в дар или приобретены за границей, преимущественно в Италии. Немногочисленные, но прекрасные образцы расписной керамики и эллинистической пластики входили в состав коллекции В. С. Голенищева. Группу античных ваз и бюстов передал в новый московский музей Эрмитаж.

В 1920-30-е годы античное собрание музея расширяется за счет поступлений из Третьяковской галереи, Румянцевского и Исторического музеев, Музея керамики, Государственного музейного фонда, опустевших подмосковных имений. В дальнейшем существенную роль сыграли покупки у частных лиц через Закупочную комиссию, а также дары. К этому же периоду относится и начало археологической деятельности музея, продолжающейся по сей день. Раскопки в крупнейших античных центрах Северного Причерноморья — Пантикапее, Неаполе Скифском, Гермонассе, Фанагории и других позволили значительно расширить хронологические и географические рамки собрания, заполнить многие лакуны, украсить его уникальными произведениями. Достаточно назвать великолепное мраморное надгробие с изображением воинов, найденное на Таманском полуострове в 1985 году.

Сегодня античная коллекция отдела искусства и археологии Древнего мира ГМИИ им. А. С. Пушкина — это около 25 тысяч произведений — расписные вазы и терракоты, монументальная скульптура и римский портрет, мелкая пластика и декоративный рельеф, архитектурные детали и ювелирные украшения. Самый древний памятник — краснолощеный кипр-

ский сосуд, датируемый II тысячелетием до н. э. В целом же кипрская коллекция, сложившаяся в последние годы, в первую очередь благодаря щедрости П. К. Ермошина (бывшего послом на Кипре) и насчитывающая несколько десятков ваз, характеризует преимущественно вазопись VIII-VII вв. до н. э. Несколькими сосудами представлено геометрическое искусство. Искусство эпохи архаики — это прежде всего небольшая алебастровая статуэтка куроса, так называемого Аполлона из Навкратиса, а также расписные вазы Коринфа, среди которых есть выдающиеся образцы, например, арибалл с Гераклом или килик со всадниками анонимного мастера Кавалькады. Чернофигурная керамика Аттики, вытеснившая ко второй половине VI века до н. э. коринфские вазы, позволяет проследить дальнейшее развитие античной вазописи этого времени. Здесь в первую очередь следует назвать амфору с изображением Геракла и Кербера, расписанную в мастерской Андокида, вазы мастеров Антимена, Тлесона.

Классическое искусство V и IV веков до н. э. представлено прежде всего прекрасными краснофигурными вазами. Назовем только одну из них — амфору с фигурой Эос на колеснице вазописца Полигнота, единственную подписную вазу нашего собрания. О скульптуре этого времени дают представление такие превосходные произведения, как надгробие всадника (70-е годы IV в. до н. э.) и уже упоминавшееся надгробие с воинами (третья четверть IV в. до н. э.).

К концу IV — началу III вв. до н. э. относится великолепная мраморная голова богини из коллекции Голенищева. Этим памятником как бы открывается раздел эллинистического искусства, в котором, наряду с образцами пластики, экспонируются вазы и терракоты.

О раннем периоде в искусстве Древней Италии дают представление этрусские вазы, антефиксы, погребальные урны, вотивные терракоты, бронзовые зеркала. Особенно богата коллекция ваз конца V-IV вв. до н. э. из южноиталийских центров — Апулии, Кампании, Лукании, Пестума, а также Сицилии. Римское искусство представлено целым рядом замечательных памятников, прежде всего скульптурным портретом и декоративным рельефом. Есть в их числе подлинные шедевры, такие, как портрет юноши августовского времени, голова мальчика-ливийца или овальный саркофаг с дионисийским шествием. Подобных саркофагов совсем немного в музеях мира.

Особый раздел коллекции отдела составляют памятники, связываемые с Боспором. Многие из них были обнаружены во время раскопок, проводимых археологами музея. Это не только вещи, сделанные греками с учетом местных вкусов, как, например, так называемые "керченские пелики", но и скульптура, созданная боспорскими мастерами. В этом ряду особого внимания заслуживает уникальный рельеф со сценой амазономахии, найденный в 1983 году на Тамани.

Деятельность античного отдела музея никогда не ограничивалась одной лишь кропотливой работой по коллекционированию и хранению памятников. Огромную роль с первых дней существования музея играла и играет научно-исследовательская работа. С античным отделом связаны имена таких отечественных ученых-антиковедов, как В. К. Мальмберг, М. И. Ростовцев, Н. А. Щербаков, В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, Н. А. Бритова, Н. М. Лосева, И. Д. Марченко, А. К. Коровина, Н. А. Сидорова. Научной работе отдела всегда были присущи два направления. Одно — публикации отдельных памятников и материалов раскопок. Второе — обобщающие труды, посвященные крупным проблемам. Только за последние годы были подготовлены такие конференции и сборники, как "Жизнь мифа в античности" (1988), "Образ — смысл в античной культуре" (1990), "Этруски в их связях с народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство" (в печати). Заложенные нашими предшественниками и учителями, традиции продолжаются и развиваются сегодня.

О. В. Тугушева

Воспоминания

А.Борисоглебский

Из жизни старого педагога

(отрывки)

Измыю на всяку ночь ложе мое;
слезами моими постелю мою омочу.
Псал.

Отец мой — пономарь села Борисоглебска, Сычевского уезда, Смол. губ., мать моя — дочь священника села Богоявленского (Артюхи тож), Сычевского уезда, Смол. губ. Отец женился на моей матери, когда ему было 18 лет, а матери — 14.

Мой отец имел рослый вид, отличный голос и хорошо пел. За какую-то провинность в селе Борисоглебское моего отца отдали под начальство в монастырь города Вязьмы (Смол. губ., где пекут хорошие пряники). Это несчастие пошло впрок моему родителю. Вяземские купцы полюбили моего батюшку за его видную осанку, звучный голос, умение читать Апостол, умение петь и упросили Владыку (архиерея Смоленского) перевести его в город Вязьму пономарем к Николаевской церкви (или дьячком).

Тут отцу хорошо жилось. Как теперь помню — больших два мешка медных денег, которые стояли в амбаре. Мать хорошо одевалась. Отец содержал школу, где учились девочки. Помню, в какой строгости он содержал учениц: за леность привязывал за косы к потолку.

Хорошо не знаю почему, но только отец из Вязьмы перешел в город Ельню (Смол. губ.) Причиною перемещения он называл развившееся семейство. Много детей народилось, а в Вязьме нельзя было держать коровы и других хозяйственных надобностей.

Город Ельня — любимый мною город по воспоминаниям детства. Здесь отец купил хороший дом, с огородом, где водились разные растения ягодные (сморода и крыжовник), сажались овощи разнообразные (капуста, картофель, свекла, огурцы и пр.), росли конопли, даже овес (немножко). Стоял стог, в котором заключалось сено на весь год. Дом обнесен был загородкою, имел хлева, амбары, баню. У нас была лошадь, корова (даже две), водились овцы, свиньи, куры, гуси — полное хозяйство. Отец ходил в зеленом подряснике, по праздникам мать надевала хорошее ситцевое платье. Горница, где мы жили, отличалась опрятностию, было зеркало, висело около него чистое полотенце. Раз даже офицеры хотели остановиться на квартире у нас, когда около Ельни проходили маневры.

Отец мой был поведения самого скромного, его звали «красной девушкой». Он не пил ни водки, ни вина, ни пива, — мать тоже не брала и капли в рот горячих напитков. До тридцатилетнего своего возраста, отец положительно не брал в рот крепких напитков.

Прихожане любили отца. Хотели даже (это было в Ельне) сделать диаконом, почетная должность, которою награждали лучшего из причетников.

Мать была неграмотна (хотя и дочь священника), потому всех детей своих учил сам отец. И уроки родителя своего я помню. С благословения Божия начиналось обучение. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь» произносилось в начале каждого урока. Я учился вместе с двумя братьями и старшею сестрою. Те учили Псалтырь, а я еще азбучку, средний брат часовник. Бывало, отец плетет лапти (он и мать ходили в лаптях, равно и все другие члены нашей семьи), а мы читаем; у каждого указка длинная. Заметив ошибку, отец кричит:«разуй глаза, обуй нос, хромоногий» (так называл он старшего моего брата Василия)! «Что ты врешь, рябуха?» говорил он старшей моей сестре Домне «А ты, косой, что притих?» обращался он к среднему моему брату Павлу. Меня же постоянно называл «глазатым». Если лето, то мы учились во дворе, если зима, то мы твердили свои уроки в избе. — Мать, по неграмотности своей, не принимала никакого участия в домашнем нашем обучении. Она влияла на нас (по крайней мере на меня) другим нравственным образом. Во время ученья она только, в отсутствие отца, постоянно нам напоминала:«садитесь, ребята, за стол, учитесь, батька придет» (так называла она отца, а он ее именовал «большуха»).

Мой отец был очень разумный человек, хотя и не бывал никогда в школах, а знал только домашнее обучение, псалтырное. Знал хорошо службу Божию. Архиерей Смоленский (Тимофей) избрал его учителем нотного церковного пения для многих деревенских причетников и пономарей, которые и собирались у него «петь по солям». В Ельнинском соборе он читал Апостол внятно, громко, и все слушали с великим вниманием.

Детей отец любил. Он все делал для их содержания и воспитания. Раз не на чем было отправить нас с братом Павлом в Вязьму в пер-

вый класс духовного училища (Вязьма от Ельни верст 70); так он сам пошел пешком с нами и нес —мне было тогда 9 лет, а брату 10 — поднашивая то одного, то другого. Посадит на коклушки (на свои плеча) и несет несколько сажень. Ехали с нами два причетника: он Христом Богом умаливал подвезти нас. Сам всю дорогу шел пеший с кошелкой за плечами (в кошелке была наша пища). Когда я от усталости приставал, то он обещался дать мне калачик, если я еще верстачку подыбаю (т.е. пройду). И не раз отец доставлял нас в училище (в Смоленск), идя сам пешком с двойной ношей на плечах, т.е. нес кошель с пищею и меня.

Скажу теперь несколько слов о моем школьном воспитании. Отец сначала определил меня, на девятом году, в духовное училище в городе Вязьме, где он прежде служил причетником. Тут я был только в первом классе.

Из Вяземского духовного училища я поступил в Смоленское духовное училище, во второй класс. Сначала жил у родной тетушки, жены диакона. Жил верстах в трех от училища в приходе Иоанна Богослова. Тетушка была добрая женщина, но не совсем трезвой жизни. В отсутствие мужа управлял домом Сенька (кантонист). Сенька имел над нами, ребятками, власть неограниченную. Иногда сек нас. Голодом томил. Давал нам хлеба по одному ломтю на целый день. Чтобы дольше продержался хлеб в кармане, искрошивал его в крошки (тюрю) и по крошке ел. С большой завистью смотрел я на учеников, которые ели большие ломти хлеба. Часто умолял товарищей дать мне хоть кусочек хлеба. В училище уроки начинались с 8 часов утра, в 12 был перерыв на два часа, а потом с двух до четырех опять ученье. Все это время я оставался без обеда, с одной только тюрею в кармане.

От тетеньки удалось поступить в бурсу. Страшное слово! но страшнее самое дело. В бурсе жили дети бедных родителей и сироты. Сами мы должны были топить печи, сами мести комнаты, стирали пыль. Я даже не знаю, полагался ли служитель при бурсе (я не помню его). Хлеб раздавали по комнатам. Приносились служителями огромные ковриги хлеба, по два фунта на человека в день; мы обязаны были разрезать ковригу на равные части, становились около стола и начинали хватать отрезанные ломти, быстро, в один миг исчезал хлеб. С этим хлебом мы шли в столовую в 12 часов дня. В столовой наша ежедневная пища была: бураки (что-то вроде борща), суп картофельный и редко каша. Давалось большею частью одно блюдо. Ели мы из общей миски, деревянной.

Нечистота в жилых комнатах была невообразимая. По стенам виднелись кровавые полосы раздавленных клопов; по углам и на потолке висела паутина: пол никогда не мылся, в кроватях и белье воспитанников царили сороконожки. Своей бани бурса не имела; водили нас в баню общегородскую. Где-то около Днепра, версты две от бурсы...

В духовном училище в мое время было четыре класса: первый, второй, низшее отделение и высшее. В первом учили священной истории, арифметике, пению и чистописанию; читали мы по Новому Завету; во втором учили катехизису, арифметике, пению; в третьем классе продолжались те же занятия и начинались древние языки (Лат. и Греч.), в четвертом оканчивался Катехизис, Лат. и Греч., грамматика, а также арифметика. Были учителя хорошие, напр.: Афанасий Иванович Честлавский, учивший нас Катехизису и лат. языку (образцовый наставник, всеми нами любимый, все непонятное в книге нам объяснявший), Василий Иванович Губович, ходивший иногда на урок в халате под шинелью, хорошо нам преподававший Рус. Грамматику (по Гречу) и греч. язык, гроза для ленивцев и ласковый и милостивый для прилежных детей.

Хорошим учителем был также Егор Иванович Дубинский, преподававший лат.язык в высшем отделении, инспектор наш. Он с ума сходил от любви к лат. языку; с ним постоянно была Лат. Грамматика (или Корнелий Непот); с ним всегда находились карточки, на которых написаны были латинские фразы для перевода на русский язык или русские предложения для перевода на лат. язык. Не только в классе донимал нас Егор Иванович латынью, но и в бурсе, в комнатах; чуть свет он являлся как инспектор к нам в бурсу; мы, под колокольчик, вскакивали, обувались, одевались, мылись, молились, а он уже разворачивает свои бумаги и карточки, начинает раздавать фразы для перевода, напр. «селитряная вода полезная для питья», «иду рыбу ловить».

Ко мне Егор Иванович был внимателен. Раз поставил в первый разряд, за уменье переводить Корнелия Непота. Тогда такой почет был для меня превыше всех земных наслаждений.

Уроки нотного пенья, — а нотному пению в высшем отделении учил тоже Егор Иванович,— мне особенно нравились во всех классах. Все мы обязаны были петь; не было исключения; все пели по церковному нотному обиходу. Учителя спрашивали нас сперва отдельно каждого, потом заставляли петь весь класс. Чудно! Я таял от восторга, когда стройно и громко пели «Крест начертав Моисей, прямо жезлом Чермное пресече»; между нами были представители всех голосов: дискантов множество, вторых дискантов не меньше, альтов весьма много, вторых альтов тоже, и тенора существовали, даже басы. Хор (весь класс) из человек шестидесяти грянет разом «Крест начертав Моисей». И мы пели, и учитель пел. На улицах слышно наше детское пение. Это поют будущие пастыри и архиепископы церкви!

С доброю памятью о лучших воспитателях и учителях духовного училища, я перехожу к воспоминаниям о пребывании моем в Смоленской Семинарии. (1845—1851 годы).

В мое время в семинарии было три класса: низшее отделение, среднее отделение и высшее. В низшем отделении изучали преимущественно риторику (Кошанского), оттого и отделение это называлось иначе «Словесностью»; в среднем отделении обращали особое внимание на логику и психологию, оттого оно именовалось «Философией». (Я — ученик «философии»; так мы для краткости называли себя, раз даже в письме к отцу я подписался так: «сын ваш Андрей, философ»)... В отделении высшем главным предметом было Богословие (догматическое, нравственное, пастырское) и потому оно называлось «Богословием».

Нас учили в Семинарии многим наукам: у меня в аттестате их числилось чуть ли не 25... У меня нет желания рассказывать подробно, как учили каждому предмету! Я намерен в общих чертах познакомить с приемами обучения и воспитания в Семинарии в мое время.

Главным образом преподаватели напирали на сочинения. Сочинения у нас назывались «задачами» или «задачками». Во всех классах Семинарии (в низшем два года учились, в среднем два года и высшем два года) нам задавали писать сочинения. В Богословском классе, кроме сочинений теоретического содержания (напр. о различии между верою и знанием) обязательно для каждого воспитанника было составление «Слова», т.е. проповеди. Два раза в год каждый ученик должен был написать «Слово». «Слово» (проповедь) писалось по «расположению», т.е. по плану, наперед составленному. Прежде «Слова» мы непременно писали «расположение» слова; это «расположение» представляли на предварительный пересмотр профессора, и затем уже, по одобрению «расположения», составляли по нему «Слово» (проповедь).

Второе, на что обращалось в семинарии особенное внимание — это изучение Священного Писания. Ветхий Завет и Новый Завет проходились в течение всего шестилетнего семинарского курса. Книги Священного Писания разделяемы были по классам: в «Словесности», напр. изучались подробно книги Моисеевы и некоторые другие книги Ветхого Завета; в «Философии» — книги пророков, в «Богословии» — весь Новый Завет. О каждой книге было особое толкование: указывался ее сочинитель, доказательства тому приводились, побуждения к написанию книги означались, главнейшие истины, заключающиеся в книге, подвергались подробному рассмотрению. Кто хотел знать Священное Писание, тому предлагалась полная возможность привести то в исполнение.

Третья, не менее важная черта образования нашего в семинарии, заключалась в прохождении каждого предмета в систематическом порядке. Каждый профессор проходил свой предмет в известном классе весь — с начала до конца. Я не помню примера, чтобы часть курса переносима было (напр.) из «Словесности» в «Философию», из «Философии» в «Богословию» (так говорили мы вместо «Богословие»); Для каждого класса назначена была своя доля предмета или известный предмет, и профессор (или его преемник) должен был пройти положенное. Для проверки изложения профессорского и для удостоверения наших знаний, два раза в год производились экзамены: перед Рождеством и перед летом. (Замечу, что учебный год у нас начинался с 1-го сентября и оканчивался 15 июля, с двумя перерывами на Святках две недели и Пасха — две недели — Страстная и Святая).

Учебные предметы — все, решительно все — излагались или по учебнику (печатному) или по «запискам» профессора, которые мы списывали сами на дому. «Записки» профессоров предварительно прочитывались ректором. (По крайней мере так делал отец ректор архимандрит Иосиф — замечательный педагог)...

Древние языки изучались все шесть лет семинарского образования: греческий язык проходился шесть лет, а латинский пять лет. Переводились тексты духовного содержания: Блаженный Августин, Св. Василий Великий, Св. Иоанн Златоуст и проч. Справедливость требует сказать, что к древним языкам некоторые из нас относились с небрежностью; многие воспитанники остались с теми познаниями по древним языкам, которые вынесли из духовного училища (от уроков Егора Ивановича — лат. язык, от уроков Семена Афанасьевича — греч. язык). И на экзаменах во всех классах мы обязательно писали одно сочинение на Латинском языке — обязательно. Я помню, что в Богословском классе одну фразу «одни лучше, а другие хуже» я написал так: «alii bonius, alteri malius» (грубейшая ошибка), за что и порицал меня профессор Христофор Иванович Бальбуцяновский, преподаватель Еврейского языка, ему ректором было поручено прочесть наши латинские сочинения...

Религиозное воспитание было главнейшим предметом всех забот наших руководителей. Никто из профессоров и никогда не позволял и тени подозрения бросать на истины Евангельские и вообще религиозную сторону образования. Каждый урок начинался и оканчивался молитвою. В Богословском классе каждый урок Богословия, кроме молитвы, начинался еще чтением одной главы из Библии. Читал очередной ученик по Церковно-Славянски, все стоя (и профессора стоят) слушают чтение. Затем урок следовал своим порядком. В храм Божий обязательно ходили все. Бурсаки (все, решительно,

кроме больных) с первым ударом колокола собирались предварительно в залу общую вместе, потом, построившись по классам, попарно шли в церковь. Два раза в год обязаны были говеть: раз на первой неделе Великого Поста, другой раз на Страстной. В духовном же училище, когда я учился, бурсачки накануне причастия собирались из трех — из четырех комнат в одну, и тогда вычитывались при всеобщем молчании и благочинии, все молитвы ко Св. Причащению. Читал один из лучших бурсачков высшего отделения. После такого продолжительного, сопровождаемого усердными земными поклонами моления, никому не позволялось ни пить, ни есть, что свято соблюдалось всеми детьми... В семинарии молитвы ко Св. Причащению вычитывались в церкви нередко самим инспектором (иеромонахом Димитрием). Он очень внятно читал. К обедне во всякий праздник в семинарскую церковь должны были приходить все семинаристы, кроме живущих на окраинах города или у своих родителей. За всенощною все предстоящие в церкви семинаристы пели «Богородичен», «Ныне отпущаеши», иногда «Великое Славословие»; за обеднею, раннею, все пели, стоя посреди церкви, «Верую» и «Отче наш». За всенощною один из учеников богословского класса, по назначению ректора, читал составленное самим учеником житие Святого (по «Четьям-минеям»), празднуемого в тот день.

При переходе в Богословский класс, каждому «Богослову» (т.е. ученику Богословия) давалась Библия, даром, в вечное и потомственное владение. Я очень любил эту книгу и без похвальбы могу сказать, что прочитал ее всю с начала до конца, и не раз. Она даровала мне якорь спасения и дарует до сих пор. Но об этом пока умолчим.

Религиозному воспитанию служили почти все предметы семинарского образования. Я называл Священное Писание, которое (т.е. все его книги) проходилось в шестилетнее наше пребывание в семинарии. Но кроме священного Писания были многие другие предметы, которые служили той же цели — образованию религиозного знания и чувствования. Такими предметами были Библейская История (соч. Филарета), Церковная История (соч. Иннокентия Пензенского), Богословие (догматическое Антония, пастырское Кирилла), Исповедание Веры (Петра Могилы), История Русской Церкви (Муравьева), Гомплетика (Амфитеатрова), Герменевтика (по запискам профессора). Устав церковный мы проходили еще в училище. Все означенные предметы развивали нам знания по предмету религии, служить которой мы предназначались, и укрепляли наше религиозное чувство.

Развитию и укреплению религиозного чувства в нас содействовало немало прекрасное пение семинаристов в церкви. У нас, особенно при ректоре Иосифе, был превосходный семинаристский хор. Пели по нотам; голоса набраны были отличные. До замечательной степени совершенства хор певчих был доведен о.ректором Иосифом, который сам (говорю истину) выступал в качестве регента на клиросе, сам учил певчих в своих кельях, играя на скрипке, сам управлял хором на клире (что, как невиданное диво, всех изумило). Какие прекрасные богородичны он пел со своим излюбленным хором! Какие чудесные концерты вместо запричастна пел! Какие бесподобные ирмосы пел! А пение во время Великого Поста «Помощник и покровитель», а заунывное, слезами всех обливающее «Душе моя, душе моя! Восстани, что спиши?»

Нет, такого пения я не услышу больше никогда! Скажу одно: при о. ректоре Иосифе забыт был архиерейский хор и весь Смоленск приходил в Авраамиевский монастырь (при нем семинария) слушать хорошее церковное пение.

Воспитывали нас в семинарии по уставу и обрядам церкви нашей Православной. Все посты строго соблюдались; в среды и пятницы не давалась скоромной пищи во весь год, кроме особенных недель. Порядок этот, поддерживаемый нашими родителями дома, когда мы у них гостили на Святках, Пасхе и во время вакаций, оставил у нас на всю жизнь уважение к церковному уставу.

Для большего укрепления наших религиозных мыслей и чувств предлагались книги для чтения из семинарской библиотеки. Там я получал «Христианское чтение», издаваемое Петербургской Духовной Академией, «Воскресное Чтение», издаваемое Киевскою Дух. Академиею,«Творения Св. Отцов», издаваемые Московскою Дух. Академиею. Я много читал божественного, прочитал весь «Шестоднев» Василия Великого, многие сочинения Иоанна Златоуста, многие творения Св. Григория Богослова, Св. Афанасия Великого, проповеди Иннокентия (Харьковского), Филарета (московского Митрополита) и пр. Слова красноречивого проповедника Иннокентия «о весне» и «зиме» я поглощаю чтением — особенно любил его поучения в Великий Пост (эти последние давал мне один ученик — тот самый сын ключаря, которого ректор прогнал).

Преподавались в семинарии и светские предметы: Алгебра, Геометрия, Сельское Хозяйство, Физика, начала медицины, но эти предметы слабо шли, хотя были нередко хорошие профессора. Так, Алгебру и Геометрию преподавал мастер своего дела, Михаил Иванович Корчевский. Он разжевывал свой предмет так, что ребенок мог понять. Но семинаристы, уже по преданию, переходившему из рода в род, не учились ни Алгебре, ни Геометрии, не-

смотря на все искусство и старание преподавателя, одного из образованных наших профессоров. В «Словесности» преподавались эти злосчастные предметы. Бывало, Михаил Иванович закатит почти всему классу нулей, бывало, поставит полкласса на колени, бывало запишет почти весь класс в журнал — ничего не помогает... Мы пребывали постыдно равнодушны. Ни стыда, ни срама, ни амбиций в нас не было. По крайней мере, Корчевский добился-таки до того, что мы все умели находить центр круга.

Сельское хозяйство в «Словесности» преподавал Василий Никифорович Каченовский, воспитанник Горыгорецкого Института. Он излагал нам вроде введения в свою науку «Минералогию», «Ботанику», «Зоологию». Читал просто, ясно и кратко. Многие определения его я и до сих пор помню (через 30 с лишним лет), напр. «растение есть существо живое, но не имеющее произвольного движения», «растение всасывает корнями, а дышет листьями». Мы занимались неохотно наукою Василия Никифоровича, наивно думая, что она нам, будущим пастырям церкви, не надобна. Наш учитель и не прибегал ни к каким мерам побуждения заниматься его предметом. Он делал свое дело по мере своего знания и способностей.

Начала Медицины преподавал в Богословском классе доктор наш семинарский, Забелло — инспектор врачебной управы. У нас была книжка «Общепринятая Медицина», соч. Хотинского. Доктор читал по книге тот или другой параграф, а затем тоже самое подробно разъяснял со многими дополнениями, очень любопытными, извлеченными им из своего опыта. Был у нас в классе шкап, где хранился нарисованный на листах скелет человека и разные части его тела. Доктор Забелло напрягал все свои усилия, чтобы нас заохотить своею наукою: он приносил с собою разные медицинские инструменты, учил нас прививать оспу, объяснял, как важно это благодетельное занятие для сельского пастыря, но мы и тут были глухи и немы. Урок медицины, на который собирались оба отделения Богословского класса, редко проходил в тишине и порядке... Но Забелло был доктор-педагог. Ленивца, приходившего к нему в больницу, он сейчас узнавал. Он направлял в класс такого семинариста, говоря ему прямо:«здоров, как бык»!...

Рычагом или «воротилом» семинарского обучения и воспитания в то же время был отец ректор, архимандрит Иосиф (Позднышев, ныне почивающий в Бозе). Начиная с низшего отделения семинария со «Словесности» (в конце первого и в начале второго года) и до высшего отделения «Богословия» (тоже начало второго года) мы шли, обучались, воспитывались и созревали под главным руководством этого замечательнейшего духовного педагога, никем еще не воспетого по достоинству.

Первую речь, которую о. ректор Иосиф сказал нам в собрании семинаристов и некоторых профессоров, уже показывала прямую и железную волю этого руководителя. Профессорам он сказал:«каждое врученное нам дитя есть будущий Апостол Христов».Слова глубоко знаменательные! «Обращаюсь к вам, дети!» сказал ректор, опираясь на свой посох. «Юность подобна необузданному коню, несущемуся в стремнину. Ее надо обуздывать... suum cuique — это мое правило... От вас зависит, чтобы я был хорош. Пойдемте в церковь. Молитесь, чтобы я был хорош.» Некоторые слова первой замечательной речи ректора я до сих пор помню, через тридцать с лишком лет. Въелось нам всем в мозги знаменитое «Suum cuique». На всем почти шестилетнем управлении о. ректора Иосифа семинарией лежало и покоилось классическое изречение «Suum cuique» и святая заповедь «каждое врученное нам дитя есть будущий Апостол Христов». О. ректор Иосиф изменил, перевернул всю семинарию. От профессоров потребовал «Записок» по предметам их преподавания (чего прежде и в помине не было), сам перечитывал их, клал свои решения (резолюции); на одном экземпляре «записок» я сам видел надпись ректора, на записках Василия Ивановича:«Списать обоим отделениям»; посещал лекции профессоров (опять небывалое дело), сам заставлял повторять объясненное профессором. Раз пришел около 2 часов на урок логики Михаила Ивановича Корчевского, тот объяснял «о понятии». Ректор стоя с посохом в руках, выслушал объяснение профессора, а потом спросил одного из учеников:«Ну скажи мне твое понятие «о понятии», что это за птица «понятие»?» На экзаменах он был очень внимателен и строг. Особенно доставалось нам за Геометрию. На зло, или лучше, как на грех, о. ректор оказался знающим этот пресловутый предмет, семинаристами не любимый. По обычаю (издавна заведенному) семинарист (отвечавший у доски) написал решение, выписав оное из книги, подложенной другими учениками. «Ты кончил задачу?» спросил ректор. «Кончил, Ваше Высокопреподобие!» — «Ну прочитай!» произнес ректор, и улыбаясь стал сам читать написанное... Семинарист совершенно потерялся, замялся и горькая истина обнаружилась, к стыду профессора и ученика...Suum cuique и здесь звучало своим зловещим смыслом...

О. ректор Иосиф стал обращать на меня особое внимание; может быть, видел задатки кое-чего хорошего, несмотря на мое убожество (рваные штанишки, дегтярные сапожонки, в которых я тогда ходил)... В философском классе о. ректор велел профессорам приучать нас писать проповеди (на втором году пребывания в классе). Я написал «Слово» (т.е. проповедь)

на текст «любите враги ваша». О. ректору понравилась проповедь. Он позвал меня к себе в келью. Спрашивал, сам ли я писал, похвалил; на полях было написано им против некоторых мест «Хор.» (т.е. хорошо). Одно место такое читалось:«если тебя не убеждают мои слова, то иди на Голгофу и слушай, о чем молит Божественный Страдалец, истаивая в жестоких и невыразимых муках.на кресте. Он молит:«Отче! Отпусти им: не видят бо, что творят». Я живо помню эту беседу о. ректора Иосифа со мною. Воспользовавшись удобным таким случаем, я попросил у него справить мне сюртук, так как я стоял перед своим начальником в нанковом порыжевшем сюртуке, платанном в разных местах. О. ректор велел мне сделать полную сюртучную пару, суконную. Я стал тогда бодрее смотреть на Божий свет...

В Богословском классе он видимым образом отличал меня от моих товарищей. Однажды я написал проповедь, в которой развивал мысль:«отчего мы нерадим о болезнях духовных?» Это была первая моя беседа, произнесенная в церкви. Я, говорят, хорошо произнес ее. О. ректор на другой день, в классе, где собраны были обе половины Богословского отделения, похвалил меня за уменье произносить проповедь и сказал, обращаясь к другим:«у него (т.е. у меня) можно вам учиться произносить».

В другой раз (о чем я уже говорил) назначил меня вместо профессора проповедывать на «пассии». В третий раз задал мне написать «Слово» в день Введения во храм Пресвятыя Богородицы, наш храмовый праздник в Авраамиевском монастыре. На этот праздник (21 ноября) собиралось в церковь монастырскую множество народа; служение совершалось соборне; певчие все служение пели нотное, готовившись для сего продолжительное время. Праздник особенно чествовался у нас. За обеднею вошло уже в обычай проповедывать профессору, но о. ректор назначил меня. Долго я готовил «Слово», прибегая неоднократно к чтению Библии, главной своей вдохновительницы, и Господь Бог удостоил меня написать хорошую проповедь для прославления Царицы Небесной. О. ректор прочитал «Слово», написал «Хор.» и поставил высшую отметку 10 (т.е. десять, он ввел у нас десятибальную систему). Я был в духе, произнес проповедь блистательно; большею частию говорил наизусть. Это проповедь окончательно завоевала мне расположение о. ректора Иосифа и прославила меня, как замечательного проповедника, по всей семинарии. Мне передавали, что во время произнесения моей проповеди на «пассии» присутствовал один священник и будто он сказал: «Счастлива та паства, где будет пастырем этот проповедник».

При ректоре Иосифе был семинарский бунт. В 1848 г. посетила Смоленск холера. Она ежедневно уносила в своих смертных объятиях не один десяток смольнян. Семинаристы струхнули. Прослышали они, что от холеры можно спасаться «перцовкой», т.е. водкой, настоенной на красном перце. Мы в складчину (говорю про то, в чем я принимал участие) купили четверть ведра водки, настояли перцем и выпивали по рюмочке ежедневно утром. Время идет, перцовка все поглощается и поглощается, а холера из Смоленска не выходит. На всех улицах, по заборам и по фонарным столбам генерал-губернатор (кажется Игнатьев) прибил объявление о борьбе с холерой, о мерах к предупреждению и пресечению оной. Мы запасаем щетки для натирания закоченевающих ног и рук, воздерживаем себя от зелени (огурцов напр.). А холера все-таки не исчезает из города. Прослышали мы, что гимназистов отпускают по домам. Искра заронена, и вспылал пожар. Настал ясный день в июне (кажется), тихий, теплый. Семинаристы галдят. По комнатам в бурсе бушевание. «Что это такое? Не умирать же нами здесь? не отпускают домой!» Перед домом семинарии волнение. Стоят по кучкам, кричат, друг друга стараются перекричать. Раздается колокольчик (он у нас висел под маленькой колокольней), в класс не идут семинаристы, или лучше: идут, но не все. Является профессор М. И. Корчевский. Его, говорили, удалили из класса, а во след пустили камни... Сердце мое екнуло... Михаил Иванович был отличный профессор. Видим мы, что он спешит из класса и направляется в покои ректора. Другой и третий профессор удаляются из классов...«Тш!..Тш!.. Идет ректор! Ректор идет!» Толпа волнуется, я среди нее, но позади. У входа на лестницу, ведущую во второй класс, в «Богословие», о. ректор останавливается. Я слышу его спокойный голос:«Если вы все не пойдете на верх, то я не пойду»! Начались пререкания, кому идти, кому не идти наверх, в залу собрания. Вместе с другими и я вошел в эту залу.Первые слова о. ректора к семинаристам были:«Чего вы волнуетеся?» Ученик Богословия, больше всех волновавшийся, по фамилии Стефанов, отвечал:«Мы жалеем наших родителей. Гимназистов отпустили, отпустите и нас». Ректор:«Разве вы не знаете, что без воли Божьей ничего не бывает?» Но Стефанов и присоединившиеся к нему — все ученики Богословского класса и все лучшие ученики, не давали говорить о. ректору, настаивая на немедленном роспуске учеников по домам. Тогда ректор, видя, что «мало успевает, но паче молва бывает», взял посох, который до сего времени стоял у порога, подошел к волновавшимся и сказал:«У кого еще надежда на Бога не погибла, пойдемте в церковь молиться Господу Богу» и — вышел из залы собрания. Зачинщики кричали:«Не ходить, не ходить в церковь!» Но я вместе с некоторыми другими (их было весьма немного) пошли в Авраамьевскую церковь.

Там, при малолюдном стечении семинаристов, при пустой почти церкви, ректор соборне отслужил молебствие о прекращении губительной болезни, поднял хоругви и иконы, устроил крестный ход и начал обходить все дома и домики, занятые так называемою бурсою, везде служа молебствие и всех окропляя святой водой. Я был при этом знаменательном крестном ходе безотлучно. Народ из ближайших улиц присоединялся к церковному ходу, домовладельцы и домовладелицы просили о. ректора и у домов их служить молебствие — отец святой исполнял их просьбы, и все предстоящие молились усердно...

Крестный ход продолжался несколько часов. Святыня эта, столь знаменательная для всех православных христиан, на теперешнем случае прошла бесследно для бушевавшей семинарской молодежи. Утро следующего дня, ясное и светлое, застало опять волновавшуюся толпу будущих пастырей церкви Христовой. Профессоров опять не пустили в класс. Тогда о. ректор распорядился, чтобы доктор семинарии, Забелло, сделал медицинский осмотр всех семинаристов. Нам было возвещено, что после докторского осмотра нас распустят по домам. При такой радостной вести все поспешили в класс. Явился доктор со списком, каждого вызывал по имени; оказалось, что все на лицо и все здоровешеньки, «здоровы как быки». Потом нам дали билеты, и мы разъехались. Бунт прекратился сам собою...

Замечу кстати, что возвратившись в семинарию уже в сентябре, мы имели удовольствие узнать, что из пятисот семинаристов только один семинарист умер от холеры (этот семинарист, среднего отделения ученик, со мною отправлялся на родину и почти на моих глазах умер). Затем имели неудовольствие слышать о расправе за «бунт холерный». Стефанов, кажется, первый по классу, был снесен в третий разряд, сменен со старшинства, его товарищи по бунту, тоже перворазрядные ученики, тоже снесены в третий разряд, ученики второго разряда, тоже признанные виновными в семинарском возмущении, посажены в карцер на продолжительное время, а третьего разряда виновники восстания, кажется, наказаны были розгами. Хорошо не помню, ибо тогда, при расправе после вакаций, я лежал в больнице.

Познакомлю теперь с нашими семинарскими развлечениями. Их у нас было не мало. Одно из великих развлечений наших называлось рекреацией. Рекреации происходили в мае. Их бывало три: первого мая, пятнадцатого мая и тридцатого мая. В день рекреации и семинария и училище приходили в приятное волнение. Около восьми часов утра, множество семинаристов, под предводительством дежурного старшего, направлялось к покоям ректора, в Авраамиевский монастырь. Разделялись семинаристы, сняв предварительно шапки, на две половины и начинали петь на два хора след. латинские слова: «reverendissime pater, nostrique Rector seminarii dignissime! Rogamus primam racreationem.» Поем этот припев на гласы (церковные), — сначала на первый глас, потом на восьмой, стоим все без шапок. Солнце так и льет на нас лучи свои. Зелень майская зовет нас за город, из монастырского сада долетает до нас душистый запах расцветающей яблони, голос певуньи — птички. Мы с замирающим сердцем ждем позволения ректора. Опять поем громогласное «Reverendissime pater»... Наконец приходит позволение. Летят шапки вверх, криком стонет монастырский двор от нашего взрыва радости, мы бегом бежим от покоев ректора и направляемся к архиерею (тогда был у нас преосвященный Тимофей). Преосвященный жил верстах в двух от семинарии, мы пробираемся к нему прямою дорогою, через большущий овраг, летим сломя голову, являемся на архиерейский двор, становимся у окна его кельи и начинаем тоже петь. (Я не помню, что мы тут пели). Преосвященный отворял окно, благословлял нас, и мы, оглашая воздух криком радости, убегали с архиерейского двора. Затем — начиналась настоящая рекреация.

Смоленск окружен старинной, почти уже развалившейся стеной. За стеной, или «за городом», как мы тогда говорили, устраивалось наше гульбище, наша «рекреация». Мы все, забрав с собою из бурсы кое-какие пожитки, или деньжонки (пятаки, гроши, копейки), отправляемся за стену «за город», на вольный воздух. Тут у нас устраиваются разные, разные игры. Кто играет в бабки (ладыжки) в кон за кон, на деньги. Того, кто всех обыгрывает, называют «опурой». Кто подвизается в кегли (рюхи, городки), кто дует в лапту (игра в мяч при помощи палки), кто так бродит и глазеет. Кругом нас располагаются разные торговцы и торговки: тот с гречичниками (масло конопляное тут и соль), эта с подсолнечными семечками, сей со стручьями сладкими, оный с пирожками, многие со сбитнем, с кислыми щами, квасом простым, а те с мороженым. Чего хочешь, того просишь. Шум, гам, крик всюду. Вместе с семинаристами празднуют «рекреацию» и школьники духовных двух училищ. Семинаристов высыпает за стену человек триста, да мальчиков из духовного училища столько же, если не больше. Все это мешается, бурлит, кружится, стонет. Один какой-то неумолчный радостно-торжественный гул рассекает теплый воздух. Приходят посторонние зрители смотреть, как гуляет духовная молодежь. Общее ликование и простор! Над нами надсмотрщиков во время рекреации нет. Полная свобода! Я всегда рекреации проводил за стеною, на вольном чистом воздухе. Обедать тогда не хотелось. Я забывал бурсу, ее однообразные стены, ее пронзитель-

ный колокольчик. Гульба наша в день рекреации продолжалась до глубокого вечера. Обновив себя днем полной свободой, я чувствовал себя лучше и свежее. Думаю, что и все мои совоспитанники то же чувствовали. Добавлю, что рекреации нам давались 1-го Мая, 15-го Мая и 30-го Мая. Бывало и то, что о. ректор за какую-нибудь провинность не даст рекреации, бывало и то, что его преосвященство вместо благословения погрозит нам посохом в окно, и мы возвращаемся на обычные свои занятия...

Другим развлекающим нас занятием был публичный экзамен. Около десяти часов утра раздавался трезвон по разным церквам Смоленска: то было знаком, что его преосвященство изволил ехать к нам. У семинарских ворот стояли все профессора с ректором во главе. Его преосвященство, встреченный нашими начальниками и наставниками, шествовал в залу собрания, благословляя толпящийся по сторонам владыки народ. При входе в залу собрания, где уже были и посторонние лица, нередко местные высокопоставленные власти (напр. генерал-губернатор Игнатьев), певчие семинарские громогласно пели «Царю Небесный» или «Днесь благодать Св. Духа нас собра», затем «ис полла эти деспота». Все по благословлению архипастыря (преосв. Тимофея) усаживались.

Выступал лучший студент Богословия (напр. Аркадий Путнов) и произносил его преосвященству речь на Лат. языке. Затем открывался «публичный экзамен». Сначала по Богословию отвечали, потом по философским предметам, далее из словесности. После каждого предмета певчие, присутствовавшие в зале, пели «канты». Некоторые из них начинались «Колена, Россы, преклоните!» или: «Гром победы раздавайся». Певчие пели чудесно. В присутствии архиерея, губернатора и множества посетителей певчие усиливались петь все лучше и лучше. Перед его преосвященством отвечали избранные ученики; профессора, стоявшие, когда по их предмету шел экзамен, старались помогать отвечающим, вывозили их; архипастырь с особенным вниманием слушал ответы. Торжеству еще содействовало присутствие наших родителей, но они, по крайний мере мой отец, стояли за дверями, желая хоть одним глазком подсмотреть, как их детки отличаются перед владыкою. «Это мой отличается», говаривал мой батя, когда я отвечал. А я иногда удостаивался чести отвечать перед архиереем. В Богословском классе я отвечал по медицине. В духовном же училище мне раз назначили отвечать по Греч. Языку, из синтаксиса, и я помню до сих пор, как долбил след. правило — «ανειχη, προσήχη, χαϑηχη требуют дательного падежа, глагол ἕλχω требует винительного с родительным: ἕλωο τινα ϱινογ — тяну кого-нибудь за нос». Экзамены публичные в семинарии с 10 часов продолжались до 2-х, до трех, с перерывами для пения певчих, а это пение меня просто восхищало. В заключение экзамена, один из лучших студентов говорил преосвященному речь, в которой просил владыку усугубить его внимание к нам. Преосвященный преподавал нам благословение, говорил напутственное слово о важности пастырского долга, затем певчие пели «достойно есть», архиерей еще раз всех благословлял, и публичный экзамен оканчивался.

Все поименованные развлечения обновляли нас и свежили. Доля бурсацкая становилась нам более сносною. Светлел наш семинарский корпус, стоявший в монастыре Авраамиевском, рядом с кельями монахов.

Не утаю. Жизнь в семинарском казенном корпусе (бурсе) была очень тяжела. Кормили нас преимущественно бураками, откуда и стихи вышли : «nos sumus bursaci, edimus semper buraci». Хлеба не давали вволю. Ложками деревянными кушали. Столовая находилась в главном корпусе, куда мы должны были ходить из разных флигелей, несмотря на дождь, слякоть и мороз. Я был на полуказенном содержании, т. е. имел помещение, стол и свет, а обуви, одежды и белья не давали мне казенного. Обувь, белье и одежда доставлялись отцом. Ему, при дьяческих доходах, при тридцати шести рублях (если не менее) жалованья в год, при многочисленном семействе, нечего было и думать одеть и обуть меня. В течение моего семинарского шестилетнего обучения я только дважды получил казенный сюртук. От отца ректора Поликарпа и от отца ректора Иосифа. О. ректору Поликарпу я подал в «Словесности» прошение, начинающееся словами: «Я нуждаюсь в брюках», и ректор велел построить мне сюртук, брюки и жилет, отпустив на то 15 р. с.; от о. ректора Иосифа я получил сюртучную пару в философском классе за проповедь о любви к врагам. Остальное время пробавлялся, чем Бог пошлет. Раз дала мне нанковый сюртучок тетенька, жена священника села Щекина (Дорогобужского уезда), другой раз отец сбился и сделал вне дома сюртук (руками портного Михайлы). Затем, когда лето, я носил теплую одежду, взятую у товарищей, и градом лил с меня пот во время уроков... Когда зима, я дрог в легкой своей одежде летней, укутанный разными шерстяными шарфами, данными теми же товарищами. Сапоги редко имел. Носил их летом, а зимою надевал валенки, в которых и ходил. Стыдно, но нечего было делать. Та же лютая нужда побуждала относить к отцу Никону (монаху) под заклад библию, которую нам даром давали раз в жизни и навсегда.

Облегчались наши страдания на Святках, на Святой и летом, когда мы уезжали (или уходили) домой к родителям. Да еще хорошо было несколько деньков после возвращения из дому, когда каждый бурсак (и не бурсак) привозил с

собою какие-либо гостинцы: гусятину, поросятину, курятину, пироги, сдобники, яйца, картофель и пр. Великий для бурсаков был день — даже в Богословском классе — когда пришлют кому-нибудь из деревни картофелю в течение учебного курса. Мы тогда варили картофель собором, ели его собором; убирали остатки тоже собором. Тот бурсак, кого товарищ не удостаивал приглашением поесть картофелю, был, по моим по крайней мере, понятиям, несчастнейшим в мире человеком. Гостинцы, прибываемые из деревни среди учебного года, всегда были предметом зависти бурсаков. Оставаясь на Святки в семинарской бурсе, мы покупали гуся, жарили его в обыкновенной печке, как умели, и пожирали. В Богословском классе мы раз соорудили самовар (не знаю, где его взяли) и напустили чаду страсть как много. Но в конце концов напились-таки чаю. И это считалось верхом довольства и счастия. Мои денежные обстоятельства поправились в Богословском классе. Тут один мой родственник, отправлявшийся жениться на моей двоюродной сестре, дал мне уроки. Я ходил ради их из семинарии за Днепровский мост (версты за три), ходил ежедневно и получал в месяц три рубля. Я был до безумия рад. Но уроки продолжались не долго, и я опять потонул в нищете.

Наступило последнее полугодие пребывания моего в семинарии. Прошли две рекреации Майские. Зашевелились наши мозги, застучали наши сердца: всех занимала мысль о предстоящем окончании курса. Кто рассчитывал быть посланным в академию духовную на казенный счет, кто имел в виду место священника, кто метил в чиновники.

Я решился отправиться в медицинскую Академию еще учиться. Но Бог судил иначе. Пришла бумага в Семинарское правление с предложением о поступлении в Главный Педагогический Институт. Бумага была нам объявлена. Я положил отправиться в Институт. Целые дни и ночи я читал правила для студентов педагогич. института, достал разные учебники по истории, географии — предметы, забытые Богословами Смоленской семинарии (мы всеобщую историю учили в Словесности по Шрекку, а географию в дух. училище по Арсеньеву), повторение семинарских уроков оставил в стороне, а все долбил книжки по истории и географии. Иногда не ходил в класс, за что профессор церковной истории Позднышев снес меня во второй разряд. Но это меня не смущало, хоть и обижало. Я продолжал готовиться.

По окончании курса я узнал, что меня в списке поставили пятым студентом в первом разряде. Взяв твердое намерение поступить в институт, я стал искать средство для отправления в Петербург. Случай привел меня в монастырь женский (Вознесенский), находящийся в Смоленске. Я распевал там псалмы, переписывал псалмы, но получил за труды слишком мало, хотя обещано было много.

Явившись на родину, в село Егорье-Волково, где отец мой был пономарем, я объявил ему о моем намерении. «Где тебе, пономарскому сыну, в Петербург идти? Там все поповичи, не нам чета». Такие речи не охладили моего пламенного желания поступить в институт. «С чем ты пойдешь?» — спрашивал отец,—«у меня ничего нет!» — «Пешком пойду!»— отвечал я... Отец смолк. Настал день прощанья. Отец благословил меня хлебом-солью, медным крестом (благословение своего родителя) и положил на ковригу хлеба три рубля денег...

Я отправился из села в Смоленск на лошаденке моего отца, который сам ехал со мною. В Смоленске начались новые испытания моей решимости. Прибыли в то время к Преосвященному Тимофею две воспитанницы духовного училища; за ними, по заведенному порядку, закреплялись лучшие священнические места. Молва общая указывала на меня, как на счастливого супруга одной из прибывших девиц. Я бровью не двинул. «Вот и невеста есть» — говорил мне отец,—«и скоро мог бы получить в Смоленске священническое место». Голос родителя ни мало меня не трогал. На архиерейском дворе, куда я пришел, сидели штатные служители его преосвященства. «Вот и они не советуют тебе идти в Петербург», говорил мне отец, указывая на сторожей (которые все были крепостные крестьяне). Я даже не посмотрел на советников отца. Мысль об институте заняла всю мою душу, все существо мое...

Не удалось мне явиться к его преосвященству в Смоленске. Я должен был отправиться на дачу его верстах в семи от города лежащую. Здесь новое искушение предстало мне в образе моего архипастыря, решителя судеб всего Смоленского духовенства... Я был допущен ко владыке вечером. В то время, когда я вошел, преосвященный Тимофей в рясе, со звездою на груди и посохом в руке, стоял среди кельи с игуменьею Вознесенского женского монастыря. Я изложил мою просьбу об увольнении меня из духовного звания. «А ты не знаешь (говорил строго архипастырь), что каждый в своем звании да пребывает... Ты горд... Я тебя своими крошками воспитывал... Мне хорошие и здесь нужны». Секретарь, выглядывавший из соседней комнаты, говорил архиерею: «Ваше преосвященство! У нас мест нету. Он бедный. У него сапог нет». Архиерей строго: «Пусть идет в монастырь. Там сапоги будут». Секретарь еще что-то в мою пользу молвил. Преосвященный велел замолчать. Тогда за меня стала говорить игуменья-матушка:«Ваше преосвященство! Молодой человек учиться хочет. Благословите его. Молодой человек (ко мне обращаясь)! кланяйтесь в ноги Его Преосвященству, целуйте ему рясу»... Я пал в ноги владыке и стал цело-

вать его рясу... Слеза прошибла меня. «Нет, тебе благословения нет!» сказал архипастырь:«иди!». Я вышел с разбитым сердцем.

На дворе уже было порядочно темно. Через несколько минут вышел секретарь, принес мое прошение, где его преосвященство написал «уволить» и это слово было залито чернилами. Я (и все мы) знал, что резолюция владыки, чернилами закапанная, означала неудовольствие владыки...

На завтрашний день я был у о. ректора семинарии Фотия. Пришел сказать ему, что меня уволил архиерей. «Как же вы отправляетесь в Петербург?»— спросил мой начальник. «Пешком иду!»— отвечал я. «Боже мой! Какое рвение!«— воскликнул отец ректор. «Подождите!» Он ушел во внутренние покои и вынес мне два кредитных билета по три рубля. Я бросился целовать руки отца архимандрита Фотия...

В том же июле, в 10 часов утра, когда благовестили к обедне в Смоленске, я, в сопровождении послушника церкви Смоленской Божией Матери, вышел из города. Ясно горело на небе солнце. В руках у меня был посох (палка), под мышкою узелок, где находилась пара белья, аттестат, вид, несколько проповедок и кое-что для утоления голода. Послушник довел меня до загородной черты, до Поклонной горы, дал мне на дорогу два двугривенных, успокоил меня и простился со мною. Я остался один.

Тоска душила меня, но надежда на Провидение укрепляла. Я подвигался потихоньку все вперед и вперед. Приключения мои дорожные были разнообразны. Иногда я ехал на верстовом столбе, которые везли по дороге в город для починки, иногда меня брали на телегу обратные ямщики за пятачок; то становой пристав, сжалившись над моею слезною просьбою, прокатит меня станции две; то барин, едущий на одноколке гулять по полям, возьмет меня с собою и провезет версты полторы. Во время своего семистоверстного пути я убедился в одном — в доброте русского человека, в сочувствии его нужде и страданию. Раз я зашел к священнику, который вчера только погорел. Он не отказал мне в своей помощи, хотя у меня перед глазами были страшные картины пожарища. Батюшка, поселившийся в крестьянской избе, накормил меня и дал на дорогу гривенник. «Не унывайте, не унывайте, молодой человек!» сказал он:«Добрых людей на свете много». В другой раз я попросился ночевать у священника придорожного села. Священник с радостью принял меня, узнав о моем трудном положении, угостил меня на славу (он ждал преосвященного), ночлег мне отвел в сарае, на душистом сене, и дал мягкую подушку в голову. Не отказали мне в своем участии семинаристы, в дом которых я зашел (за Витебском в селе) с просьбою о милостыне: они обласкали меня и сытным обедом напитали. Я помню все подобные проявления русского добродушия. Я высоко ценил тогда каждый кусок хлеба, данный мне. Во весь мой продолжительный путь, повторяю, что от Смоленска до Петербурга семьсот верст, — я питался самым скудным образом. Денег у меня всего было около десяти рублей (3 рубля отцовские, 6 ректорские, 1 р. секретарь его преосвященства дал и 40 коп. послушник); с такою суммою невозможно было есть сытно и пить сладко. Мой обед и ужин состояли из хлеба и кваса. На большее продовольствие я не мог решиться. При такой убогой пище мне дорого было каждое участие добрых людей. А это не покидало меня всю дорогу. Один случай доброты русского простого человека врезался в мою память на всю жизнь. Остановился я для отдыха в ямщицкой избе подле почтовой станции, сел у окна, стал есть хлеб и запивать квасом. Ямщики, по выходе из бани, пили чай из огромного самовара. Гляжу: ни один, ни другой на меня не посмотрит. Я продолжаю свой обед (или ужин). Один из ямщиков:«Откуда, почтенный?» — «Из Смоленска.» — «Куда же ты идешь?»—« В Петербург.»— «По делам каким?»—« Учиться.»— Ямщики переглядываются. «Что же ты один?» — «Один.» — Молчание. Затем зовут меня за стол, наливают чаю, дают булок, каждый старается угодить чем-нибудь, расспрашивают о подробностях моего пути, о моих родителях, — а чаю все наливают и наливают, булок все подкладывают и подкладывают. На ту пору выезжал обратный ямщик; они к нему, чтобы взял меня с собою, усаживают меня на телегу и говорят отъезжающему собрату:«Не бери больше пятачка! Это — сиротинка!»... Обласканный добрыми людьми, я забыл про свои страннические скорби, про свою усталость, про свою голодовку, про все, про всех, кроме Бога...

Кончился мой путь тем, что на одиннадцатый день, после выхода моего из Смоленска, я прибыл в Петербург (из Гатчины до Царского Села в общем дилижансе, а из Царского на машине). При въезде в Петербург у меня оказался ровно полтинник в кармане, а на ногах — порванные сапоги с выглядывавшим оттуда черным-пречерным носком.

В таком виде я приехал в Загибенин переулок (на Вас. острове), где и был принят по-родственному моим земляком, профессором Главного Педагогического Института.

«Гимназия»
1890

Детская страница

Портрет мальчика. I в. Мрамор. Эрмитаж.

Начальная школа в Древней Греции

Древнейшей школой греки считали пещеру кентавра Хирона на горе Пелионе в Фессалии. Здесь получили свое образование юные герои Иасон, Геракл, Патрокл, Ахиллес и врачи Подалирий и Махаон. Как учитель врачевания Хирон упоминается уже в «Илиаде». Как музыкант, он считался изобретателем лиры, инструмента, которому обучали и в позднейших греческих школах.

Хирон обучал героев охоте, этому искусству научила его богиня охоты Артемида.

Как была устроена греческая школа

Открывать учебное заведение никому не возбранялось, безразлично, имел ли он к этому научную и нравственную подготовку или не имел. Устройство школы было чрезвычайно первобытно. Для начальной школы иногда совсем не было помещения, и обучение происходило прямо на улице или в открытых галереях на глазах у прохожих. Вообще же школы помещались в частных домах. Кроме нескольких скамей для учеников и кафедры для учителя, в них не было другой мебели. Уже гораздо позже появилась классная доска, разграфленная параллельными линиями; она служила для упражнений в арифметике, на ней же писали объявления, когда не будет занятий, а также записывали отсутствующих учеников.

Стены классных комнат в гимназиях в Приэне, Пергаме и некоторых других испещрены надписями, сделанными учениками, с их именами. «Место Артема, сына Дионисиева», «место Хареса и Аполлония, сыновей Аполлониевых»: для братьев и друзей значится обыкновенно одно место. Нередко попадаются смешные прозвища. Все это напоминает современное обыкновение делать надписи на стенах, на партах, скамьях и т. д. Стены гимназии в Приэне покрыты подобными надписями до самого потолка; некоторые едва нацарапаны, с большими описками: чтобы их начертать вверху, ученикам, очевидно, приходилось взбираться друг другу на плечи.

Почетно ли быть педагогом?

Педагоги набирались обыкновенно из обученных рабов. При выборе отдавали предпочтение рабам из иностранцев. Плутарх в сочинении «О воспитании» жаловался на беспечность, с которой родители выбирали педагога. По его словам, наиболее способных рабов посылают в деревню для обработки земли или назначают кормчими на суда, управляющими, счетчиками; а пьяниц, неспособных ни к какому ремеслу, или людей, изнуренных старостью, выбирают педагогами для своих сыновей. Про Перикла рассказывали, что он, увидя упавшего с дерева и сломавшего себе ногу раба, воскликнул: одним педагогом больше!

Конечно, среди массы легкомысленных родителей встречались и серьезно озабоченные воспитанием своих детей. Они не спеша подыскивали образованного и достойного по своим нравственным качествам человека, которому

без опасения можно было довериться. Примером такого исключительного педагога в Греции может служить известный философ Диоген, воспитавший детей Киниада из Коринфа, глубокоуважаемый своими питомцами и их родителями.

Так как обучение первоначально было частным предприятием и над учителями не было никакого контроля государства, то естественно, что между ними могли встречаться люди неспособные к этому делу и безнравственные, и презрение общества переносилось с них на все сословие. Этим объясняется появление множества анекдотов и злых эпиграмм на школьных тиранов.

За нравственностью учителей еще до некоторой степени наблюдали должностные лица, но на педагогические способности и методы преподавания учителя государство не обращало никакого внимания. Требовалось только, чтобы ему было не меньше сорока лет от роду. Звание учителя не пользовалось почетом и потому, что у греков заниматься каким-либо ремеслом за деньги считалось позорным для свободного гражданина. Хотя уже Гесиод сказал: постыдна не работа, а бездельничанье – эти мудрые слова не были усвоены греками.

В одном из юмористических описаний посещения ада древний автор рассказывает, что цари и сатрапы за свои грехи в аду превращены или в нищих, или в продавцов соленой рыбы, или в учителей. Плутарх советовал обедневшим гражданам идти в матросы, в дворники или в учителя.

Впрочем, тот же Плутарх протестовал против обычая выбрать учителя подешевле. Он говорил о том, что учителя надлежит выбирать не за дешевизну, а за нравственные качества; кто скупится платить за обучение детей, тот подобен тем, которые заботятся об обуви, пренебрегая ногой. Однажды богатый афинянин, находя плату в 1000 драхм, назначенную известным философом Аристиппом за обучение его сына, слишком высокою, сказал, что за такие деньги можно было бы купить раба. Аристиппа на это ответил: прекрасно сделаешь! Тогда у тебя будут два раба вместо одного: один купленный, а другой – твой невежественный сын.

Чему и как учили в школе

Учиться у «грамматиста» чтению и письму начинали с 6-7 лет. При обучении письму учитель писал очертания букв, а ученики должны были их копировать. Если ученику не удавалось это сразу, то учитель водил его руку и объяснял, как это искуснее делать.

Чтобы облегчить детям усвоение азбуки, прибегали к разным средствам. Об Ироде Аттике, например, рассказывают, что он окружил своего сына 24 рабами, его сверстниками, имена которых начинались с разных букв.

Один комик написал даже очень оригинальную пьесу: «Грамматическую» или «Буквенную трагедию», в которой действующими лицами являлись буквы в разных группах и сочетаниях.

Писали посредством острой металлической или костяной палочки («стиля») на дощечках, покрытых воском. Связанные по несколько штук вместе, они представляли род нашей записной книжки. Палочки были заострены с одного конца и расплющены с другого, чтобы стирать неправильно написанное.

Время от времени в школах бывали экзамены. Отличившиеся на экзаменах, или, вернее, на состязаниях, получали награды, которые они посвящали богам. Сохранились многие надписи, сопровождавшие такие посвящения. Судя по надписям, первое место занимали предметы гимнастические: бег, метание дрота, стрельба из лука. Далее экзаменовали в игре на кифаре, в пении, в чтении, в письме, в декламации старых и новых писателей, в арифметике и в рисовании. Были экзаменационные предметы и весьма странные, на наш взгляд. Например, умение хорошо себя вести. Или экзамен в хорошем уходе за своим телом.

Учителя и ученики

Не всегда отношения учеников и учителей бывали гладкими. Педагог мог принуждать своих питомцев к послушанию всякими мерами, не останавливаясь и перед телесными наказаниями. Менандр в одной из своих работ даже прямо говорил, что без розги нет воспитания: кто не сечен, тот не воспитан. Кроме розги, были и другие наказания. Например, оставляли без обеда.

Но не только из боязни наказания отношение учеников к учителям часто бывало неприязненным. Платон говорит, что в демократии существует «господство детей»: учитель боится учеников и льстит им, а ученики презирают учителей и педагогов.

Конечно, есть и примеры искренней любви учеников к своим педагогам. Выражением чувства уважения и благодарности к учителям служат памятники, воздвигнутые им учениками. Например, на надгробном памятника II-го столетия до Рождества Христова на одном изображении мы видим учителя, окруженного пятью учениками, а на другом — эти ученики сопровождают его в подземный мир, где он входит в поля блаженных. Надгробное стихотворение говорит, что покойный в течение 52 лет занимался начальным преподаванием и что список его многочисленных учеников можно прочитать в могильном помещении, на дверях которого начертано это стихотворение.

По материалам книг:

Семенов А. Ф. Обучение и школьная жизнь в Древней Греции. Варшава, 1915

Бузескул В. Школьное дело у древних греков по новым данным. Харьков, 1918

А.Ч.Козаржевский

Учебник древнегреческого языка для нефилологических гуманитарных факультетов университетов

Издание 2-е, исправленное и переработанное

Учебник предусматривает начальный курс языка из [illegible] занятий и изучение греческого языка как языка специальности на кафедрах истории Древнего мира и Средних веков, истории России и зарубежных славянских стран периода феодализма, археологии, искусствоведения, а также на некоторых кафедрах философских факультетов.

Грамматический материал подается комбинированно: синтаксис параллельно с морфологией, спряжение одновременно со склонением, причем однотипные грамматические образования объединяются. В Грамматическом справочнике все сведения систематизированы при помощи таблиц и перечней. В Приложения вынесены словообразование, стихосложение, особенности греческих диалектов, календарь, меры и монетная система.

Хрестоматия подлинных греческих текстов предусматривает интересы и уровни разных контингентов студентов и аспирантов. В хронологической последовательности помещены исторические источники от гомеровского эпоса до византийских хроник. Тексты сопровождаются краткими комментариями филологического и исторического характера.

* * *

А.Н.Попов

Древнегреческая грамматика

Александр Николаевич Попов — филолог-классик, профессор Московского университета, автор ряда учебников и пособий по латинскому и древнегреческому языкам — знаменитых книг, по которым учились многие поколения филологов.

Предлагаемая «Грамматика» А.Н.Попова публикуется по рукописи. В приложении дается подготовленная А.Н.Поповым хрестоматия со словарем.

Книга может быть использована как справочник и как учебное пособие для желающих усовершенствовать свои знания в греческом языке.

«Грамматика» рекомендуется для старших классов средних учебных заведений и для университетов.

* * *

Orbis romanus pictus. Chrestomathia latina.

(Римский мир в картинках. Начальная латинская хрестоматия.)

Издания Греко-латинского кабинета — это учебники, пособия и словари, отечественные и переводные труды по истории античной культуры, философии, искусства, эпиграфике, палеографии, античная литература, воспоминания филологов-классиков.

ГЛК